МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУРМАНСКИЙ АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Н. Иванищева

СААМСКИЙ ЯЗЫК:
СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

МУРМАНСК
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУРМАНСКИЙ АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Н. Иванищева

СААМСКИЙ ЯЗЫК:
СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Монография

МУРМАНСК
2016

УДК 811.511.1
ББК 81.2
И19

Печатается по решению Совета по научно-исследовательской работе и редакционно-издательской деятельности Мурманского арктического государственного университета

Рекомендовано к печати кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики МАГУ (протокол № 1 от 30.08.2016)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Тезаурус кольско-саамского языка: сохранение лексического фонда в условиях русскоязычного окружения»), проект № 16-14-51001.

Автор: **О.Н. Иванищева**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

Рецензенты: **Т.А. Рычкова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»;
А.А. Винокурова, кандидат филологических наук, доцент кафедры северной филологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»

Иванищева О.Н.

И19 **Саамский язык: сохранение языка в эпоху глобализации** : монография / О.Н. Иванищева. – Мурманск: МАГУ, 2016. – 134 с.

Монография посвящена описанию социолингвистической ситуации с кильдинским саамским языком: его положению в современном саамском социуме, проблемам преподавания языка и создания письменности для бесписьменного языка кольских саамов, сохранению исконных знаний об окружающем мире, зафиксированных в языке, созданию базы данных лексики кильдинского саамского языка с описанием широкого культурологического фона. Предназначена для специалистов в области финно-угорских языков.

Печатается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4222-0306-2

© Иванищева О.Н., 2016
© ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», 2016

ВВЕДЕНИЕ

Саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков и разделяется на западную и восточную группы диалектов. На основании фонетических и морфологических различий между группами саамов саамские диалекты делятся на следующие группы: западные диалекты (южносаамские диалекты в Швеции и Норвегии; диалекты уме в Швеции; диалекты пиите в Швеции и Норвегии; диалекты лууле в Швеции и Норвегии; северносаамские диалекты в Швеции и Норвегии); и восточные диалекты (инарский диалект в Финляндии; колттский диалект в Финляндии, Норвегии и России; бабинский диалект в России, кильдинский диалект в России, йоканьгский диалект в России) (см.: [66, с. 6–7]). В последнее время в лингвистике по отношению к саамскому языку используется термин «языки» вместо термина «диалекты». В данной работе, в частности, используется термин «кильдинский саамский язык».

Специфика ситуации такого коренного малочисленного народа Севера, как саамы, состоит в том, что саамский народ исторически разделен и проживает в 4 странах: России, Финляндии, Норвегии и Швеции. Саамы России (кольские саамы) проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область. «Столицей» саамов считается село Ловозеро Мурманской области.

Актуальность настоящей монографии обусловлена важностью обращения к вопросу сохранения и систематизации знаний, воплощенных в саамском слове.

Сохранение и ревитализация языка коренного малочисленного народа требует особого подхода к фиксации его культурного опыта, того, что в лингвистике иногда называют фоновыми знаниями носителя языка. Обращаясь к фоновым знаниям, исследователь сохраняет не только язык и культуру, но в каком–то смысле и сам этнос. Язык несомненно часть культуры, но их соотношение намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Отражая действительность, язык преломляет ее с точки зрения потребности человеческого бытия, позволяет сохранить совокупность ненаследственной информации. Культуру можно сохранить, язык как часть культуры можно ревитализировать. Примеры такой ревитализации саамских языков находим в странах Скандинавии и Финляндии (см., например: [54, с. 72–73]). Важно, чтобы ревитализация языка не осталась искусственным «впрыскиванием» понятий почти утерянной культуры в менталитет современного человека. Необходимо, чтобы стадия *знать* переходила в стадию *понимать*, а значит, язык был и оставался частью культуры, жизни данного этноса, то есть жил обычной жизнью: старые понятия вместе с обозначающими их словами умирали, новые появлялись.

Систематизация знаний происходит в том числе в специальных словарях и электронных системах поиска информации, которые называются

тезаурусами. Выявление системы знаний соотносится к одним из актуальных направлений развития науки. Проблема создания тезауруса языка охватывает несколько направлений: лингвистическая теория тезауруса и создание словарей, в том числе мультимедийных и электронных. В теории тезауруса выделяется несколько подходов к пониманию тезауруса как системы знаний. Независимо от того, рассматривается ли тезаурус как система знания, выводимая из лексики естественного языка (каковой ее видят, например, авторы тезауруса WordNet, авторы большинства тезаурусов английского языка, О.С. Баранов), интериоризированное знание субъекта (Ю.Н. Караулов, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова) или как онтология логических категорий, не связанная напрямую со значениями слов конкретного языка (P. Roget, Н.В. Лукашевич), в любом случае тезаурус изучается как семантическая (когнитивная) система представления информации [113, с. 3–4].

Актуальность создания тезауруса кильдинского саамского языка связывается с необходимостью дальнейшего изучения лексики саамских языков, распространенных в России. Кроме того, описание широкого культурологического фона при представлении тезауруса будет способствовать развитию сопоставительных исследований, а также уточнению методов изучения культуры традиционного хозяйства северного этноса. Полная база лексического фонда современного кильдинского саамского языка создаст также ресурс для автоматической обработки текстов на саамском языке. Практическое применение научных результатов связано прежде всего с развитием двуязычной лексикографии, созданием учебных пособий и учебников по изучению саамского языка, что особенно актуально в условиях усиления внимания к этнокультурному развитию народов Российской Федерации и принимаемым мерам по развитию регионального компонента в образовании.

Представление проблемы сохранения и систематизации знаний, актуализированных в кильдинском саамском слове, тесно связано с описанием социолингвистической ситуации, а именно: с описанием положения кильдинского саамского языка в современном саамском социуме, с обсуждением проблем преподавания языка и создания письменности для бесписьменного языка кольских саамов, с необходимостью сохранения исконных знаний об окружающем мире, зафиксированных в языке, с созданием базы данных лексики кильдинского саамского языка и описанием наряду с этим широкого культурологического фона. Эти проблемы нашли отражение в главах данной монографии.

ГЛАВА 1. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ПОЛОЖЕНИЕ КИЛЬДИНСКОГО СААМСКОГО ЯЗЫКА

1.1 Общие положения

Анализ социолингвистической ситуации Мурманской области показывает, что в условиях многовекового русскоязычного окружения саамский язык утратил свои позиции. Исторические, демографические, социальные и институциональные факторы способствовали этому положению.

Политика государства и работа, которая ведется общественными организациями в настоящее время, не приводит к увеличению численности населения, владеющего саамским языком. Бытовые функции, выполняемые языком, отсутствие мотивации к изучению языка кольских саамов у молодежи Мурманской области по сравнению с интересом этой же молодежи к изучению языка норвежских саамов (северосаамского), старение носителей языка способствуют ухудшению положения саамского языка кольских саами.

Общие сведения о современных саамских языках, в том числе о языке кольских саамов, содержатся в нескольких энциклопедических изданиях: “The Saami. A cultural Encyclopaedia” [181] и “The Saami Languages. An Introduction” П. Самалахти [182].

В изучении саамских языков кольских саамов значителен вклад прежде всего российских ученых. Систематическое описание саамского языка кольских саамов, в основу которого положен воронинский говор кильдинского диалекта, дано в монографии Г.М. Керта «Саамский язык» [66] и его многочисленных работах (см., например: [64; 71; 74]). В монографии П.М. Зайкова «Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование)» [52] описана история исследования бабинского диалекта саамского языка кольских саамов, охарактеризована современная на то время языковая ситуация у бабинских саамов. В диссертации С.Н. Терешкина «Йоканьгский диалект саамского языка» [143] впервые были изучены фонетическая система йоканьгского диалекта, важнейшие морфологические категории – имени и глагола. В диссертации Г.В. Костиной «Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции» [83] впервые рассмотрены особенности реализации гласных в речи саамов с разным уровнем владения родным и русским языком.

Специальных социолингвистических исследований саамского языка кольских саамов практически нет. Серьезным вкладом в исследование путей возрождения саамского языка являются работы исследовательницы из Университета г. Тромсё (Норвегия) Э. Шеллер, в которых рассмотрены социальные факторы функционирования саамского языка и указано, что все

четыре кольско-саамских языка находятся под угрозой языкового сдвига с саамского на русский язык. В работах Э. Шеллер описаны условия языковой ревитализации саамского языка кольских саамов [163; 185; 186].

Исследование Э. Шеллер в основном осуществлялось в рамках проекта The Kola Saami Documentation Project (KSDP), целью которого являлась лингвистическая, социолингвистическая и этнографическая документация исчезающего саамского языка в России [179, с. 43].

По данным интерактивного атласа исчезающих языков, выпущенного ЮНЕСКО, кильдинский диалект саамского языка относится к группе вымирающих языков (*severely endangered*). Принадлежность языка к данной категории означает, что «на языке говорят представители старшего поколения, в то время как родители могут его понимать, но не говорят на нем с детьми или между собой» [189]. Это определение не соответствует реальному положению с саамским языком кольских саамов. Наше мнение состоит в том, что кильдинский диалект саамского языка в настоящее время уже относится к категории *critically endangered* [189]. Семейные языковые связи практически потеряны, язык передается только академическим путем, который используется чрезвычайно мало, функционирование саамского языка ограничено бытовыми функциями, но не в кругу семьи. Для сохранения саамского языка, по нашему мнению, возможен только внешний путь – изменения статуса языка путем формирования иной языковой политики и новых возможностей для функционирования языка.

Мы поставили перед собой задачу провести комплексный анализ современной социолингвистической ситуации, касающейся саамского языка кольских саами, чтобы выявить реальную степень сохранности данного языка и пути его ревитализации.

В основе исследования положены позиции социолингвистического анализа, в которых предусмотрено, что положение языка малочисленного коренного народа определяется несколькими факторами: число носителей, языковое окружение, тип хозяйственной деятельности, воспроизводство языка, межнациональные браки, языковая политика государства, престиж языка, наличие письменности, роль средств массовой информации [34, с. 114–118].

1.2 Число носителей кильдинского саамского языка

По данным Информационных материалов об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [39], в России саамов насчитывается 1 771 человек (787 – городское население, 984 – сельское), из них на территории Мурманской области 1599 человек.

Динамика количества лиц, указавших свою национальную принадлежность саамы, такова: 1989 год – 1 615 человек, 2002 год – 1 769 человек, 2010 год – 1 771 человек [108, с. 8]. Таким образом, в сравнении с предыдущей переписью 2002 года количество саамов увеличилось на 0,12%, а по сравнению с 1989 годом – на 9%.

Интересно, что среднегодовой показатель роста численности саамов с XVIII века на протяжении 147 лет (1782–1929 годы) составлял 4%, за эти годы количество саамов выросло на 47% [9, с. 99].

Значительный рост человек, заявивших свою национальность как саамскую после 1989 года, связан, по нашим наблюдениям, с фактором роста национального самосознания: все больше саамов осознают себя частью своего народа и заявляют свою национальность. Немалую роль играют и факторы экономические: после Горбачёвской перестройки для саамов появилась возможность расширения международного сотрудничества, получения грантов, стажировок, международных контактов с саамами Финляндии, Швеции и Норвегии. Правда, представители коренных малочисленных народов Севера в Советском Союзе тоже имели льготы. Например, при поступлении в университеты они принимались вне конкурса.

По данным переписи 2010 года наибольшее количество саамов представлено в следующих возрастных группах: 20–24 года – 154 человека, 0–4 года и 10–14 лет – по 139 человек, 35–39 лет – 128 человек, 30–34 года – 126 человек, 50–54 года – 112 человек, 25–29 лет – 109 человек, 55–59 лет – 108 человек, 40–44 года – 104 человека. Таким образом, большинство саамов – это население трудоспособного возраста (959 человек) или моложе трудоспособного (411 человек), а средний возраст саамов Российской Федерации составляет 33 года [108, с. 19].

По уровню образования больше всего саамов имеют среднее или среднее неполное образование (252 и 285 человек соответственно). 2 человека определили себя как неграмотные [108, с. 66–67].

315 человек, проживающих на территории Мурманской области, владеют саамским языком: из них 18 русских, 7 коми, 1 немец и 279 саамов [109, с. 450–451]. Таким образом, среди саамов владеют, по их словам, родным языком 15,7%.

По данным Э. Шеллер, из 700 представителей этноса, которые имеют знания кильдинского саамского языка на разных уровнях, более 200 человек являются потенциальными носителями, то есть людьми с хорошим пассивным знанием языка: они понимают все или многое, многие умеют

говорить на кильдинском диалекте, но по разным причинам говорят не активно или вообще не говорят. Около 100 из 700 людей, владеющих кильдинским саамским языком, являются активными носителями этого языка, то есть людьми, которые свободно говорят на саамском языке и используют его на всех уровнях [162, с. 18–19]. Это составляет 5% саамов, проживающих в России.

Местами компактного проживания саамского населения являются следующие районы Мурманской области (сельское население): Ловозерский (Ловозеро, Краснощелье, Каневка, Сосновка, Ревда) – 873 человека; Кольский район (Лопарская, Тулома, Верхнетуломский) – 118; Кандалакшский район – 13; Печенгский – 8; Терский – 10; Ковдорский (Ена, Енский, Риколатва, Уполокша) – 112, Кольский – 201. Некоторая часть саамов проживает в различных городах Мурманской области (городское население): Мурманск – 139 человек, Апатиты – 53 человека, ЗАТО Островной – 33, Оленегорск – 46, Мончегорск – 43, ЗАТО Североморск – 22, Кола – 83, Кандалакша – 13, Кировск – 12, Полярные Зори – 10, ЗАТО Александровск – 20 [109, с. 463–522].

Дисперсность проживания саамов препятствует их общению на родном языке: районы компактного проживания саамов в Мурманской области расположены в разных частях полуострова в удалении от областного центра г. Мурманска. Недостаточно развитая транспортная инфраструктура и высокая стоимость транспортных услуг и проживания является одним из существенных препятствий для обучения представителей коренного населения в областном центре – г. Мурманске или в другом городе.

1.3 Языковое окружение

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, население Мурманской области составляют русские (89%), украинцы (4,8%), белорусы (1,7%), татары (0,8%), азербайджанцы (0,5%), коми (0,2%), из них коми-ижемцы (0,1%), мордва (0,2%), саамы (0,2%), карелы (0,2%).

В Мурманской области в 2002 году были зарегистрированы 1995 представителей коренных малочисленных народов Севера [80], что составляет 0,19% общего числа населения: кеты (остяки с языком кетским), коряки, кумандинцы, манси, нанайцы, ненцы, саами (лопари), ульчи, ханты, чуванцы, чукчи, шорцы, эвенки (тунгусы с языком эвенкийским), эвены (тунгусы с языком эвенским), юкагиры. В 2002 году саами составляли 88,6% общего числа населения коренных малочисленных народов Севера (в 1979 году их количество составляло 90,5%), ненцы – 8,1% (в 1979 году – 7,7%), эвенки – 0,6% (в 1979 году – 0,4%). По 0,5% общего числа коренных малочисленных народов Севера составляют ханты и шорцы, 0,3% – манси, 0,25% – кумандинцы, по 0,2% – кеты и чукчи, 0,15% – эвены, 0,1% – коряки, по 0,05% – нанайцы, ульчи, чуванцы, юкагиры.

Русскоязычное окружение саамов всегда было на Кольском полуострове. Как отмечал И.Ф. Ушаков, по опросу 1785 года все лопари-мужчины и 70% женщин владели русским языком (разговорной речью). Лопари знали многие русские песни, сказки, поговорки. Многое перенимая у русских, лопари сохраняли родной язык и самобытную культуру [152]. Согласно статистическим данным за 1995 год большая часть опрошенных саамов, проживающих в селе Краснощелье и селе Ревда, назвала русский язык родным (85% и 75% соответственно). Преобладало мнение (92% опрошенных), что в школе дети должны обучаться на языке саами и на русском языке.

По признаку владения русским языком количество саамов за последние несколько лет незначительно увеличилось: в 2002 году их количество составляло 99,8% от всего количества саамов, в 2010 году – 99,9% (1 человек, проживающий в сельской местности, не владеет русским языком согласно анкетным данным 2010 года). В целом, можно сказать, что русским языком владеют все саамы. Русский язык вытеснил саамский язык из всех сфер использования языка (официальных и неофициальных).

Ассимиляция кольских саамов во многом зависела от народностей, с которыми соприкасались саами в своем хозяйственном быту, – это русские, финны, коми-ижемцы, самоеды, норвежцы, карелы. По данным В.К. Алымова, с русскими общались саамы на всей территории Кольского полуострова, с другими национальностями – только на определенной части Кольского полуострова. С норвежцами и карелами саамы находились в хозяйственной и культурной связи с древних времен, но к началу XX века эта связь ослабилась. От соприкосновения и длительной связи с каждой из народно-

стей саамы больше теряли, чем приобретали (теряли угодья и пастбища, переход к оседлости, культурные влияния в одежде, домашнем обиходе, питании).

Браки с русскими у кольских саамов всегда были нередки, но эти браки почти всегда влекли за собой потерю племенных саамских черт. Саамская женщина, вышедшая замуж за русского или финна, перестает быть саамской национальности, саамский мужчина, переходящий к оседлой жизни и женившийся на русской, сам вскоре становится русским. Ярким примером в 1920-х годах, по мнению В.К. Алымова, служат саамы востока Кольского полуострова: путем перехода к оседлости и браков с русскими значительная часть их превратилась в русских. Представители же народностей, ведущих оседлую жизнь, если и соединялись браком с саамами, но не уходили за ними в тундру, не меняли свой оседлый быт на тот, который для них кажется низшим в сравнении с их бытом [9, с. 76–100].

В настоящее время национально-смешанные браки саамов составляют около 50% [95]. А данные годового отчета Государственного комитета по охране окружающей среды по Мурманской области 2000 года свидетельствуют, что сегодня молодые саамские семьи единичны. Примерно до 80% саамов России в возрасте до 50 лет родились в смешанных межнациональных браках. Поэтому забыт родной язык, безразличное отношение к национальным промыслам и как результат утрачен образ жизни. К сожалению, многие из саамов о принадлежности к национальности вспоминают только тогда, когда речь заходит о государственных льготах. Гарантом сохранения саамского этноса Кольского Севера является только саамская семья [42].

1.4 Современная языковая политика государства

Согласно Конституции Российской Федерации государственным языком нашей страны является русский язык. Статья 68 Конституции РФ [79] и Статья 2 Закона «О языках народов Российской Федерации» [53] предусматривает общее право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, использовать свои языки. В России в Северо-Западном федеральном округе, куда включена и Мурманская область, создан Консультативный совет по вопросам коренных народов, обсуждается вопрос о создании должности уполномоченного по правам коренных народов в Северо-Западном федеральном округе. В 2009 году создан Совет представителей коренных малочисленных народов Севера при Правительстве Мурманской области [115], а в 2012 году разработана ведомственная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Мурманской области» на 2012–2016 годы [35].

Основной задачей Совета представителей коренных малочисленных народов Севера при Правительстве Мурманской области является участие в подготовке и принятии исполнительными органами государственной власти Мурманской области решений по вопросам выработки и реализации государственной политики в сфере защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов саамов. На последнем заседании Консультативного совета по вопросам коренных народов 9 декабря 2013 года обсуждался вопрос о сохранении языков коренных народов Северо-Запада России, где было отмечено, что в Мурманской области органами государственной власти и органами местного самоуправления оказывается поддержка мероприятиям, направленным на сохранение и использование саамского языка, существует сформированная база исследования языков коренных народов на основе научных и высших образовательных учреждений. К факторам, негативно воздействующим на использование языков коренных народов, относятся урбанизация, отрицательные демографические тенденции в среде коренных этносов, отсутствие или низкая мотивация молодого поколения к изучению родных языков, имеющиеся противоречия в федеральном законодательстве в сфере образования и в сфере поддержки социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Было решено до 1 апреля 2014 года рассмотреть возможности введения дополнительных к существующим мер стимулирования преподавания и изучения языков коренных народов, в том числе как родных, и обучения на родных языках в дошкольных, средних и высших образовательных учреждениях, до 2 июня 2014 года возможности осуществления во взаимодействии с научными учреждениями дополнительных мероприятий, направленных на документирование языка языков коренных народов Северо-Запада России, в том числе саамского народа, и оказания мер поддержки, в том числе в форме грантов и

субсидий, целевых проектов некоммерческих неправительственных организаций, направленных на сохранение и расширение сфер использования языков коренных народов Северо-Запада России.

По нашему мнению, главное, к чему следует стремиться в политике сохранения и возрождения саамского языка, – изменить статус языка. Это исходное положение: изменение статуса повлечет за собой увеличение количества изучающих язык, изменит мотивацию по отношению к изучению языка. А факторами, которые могут сформировать статус языка, то есть его функционирование, использование в обществе, станут реальные меры, которые предлагают саамская общественность и ученые, занимающиеся проблемами саамского языка [12; 163]: расширить бытовую функцию саамского языка посредством реального функционирования языковых групп, создать рабочие места с использованием саамского языка, наладить функционирование средств массовой информации на саамском языке. Эти меры, безусловно, должны осуществляться параллельно с процессом обучения саамскому языку.

При этом не снимается задача принятия определенных обязательств со стороны государства. Наше исследование показало, как положения «Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств» [50] реализуются в России по отношению к саамскому языку и какие обязательства следует принять Российской Федерации.

Ратифицируя «Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств» правительство Финляндии, например, приняло 59 обязательств по отношению к саамскому языку. Российская Федерация пока не ратифицировала Хартию, а значит, не приняла ни одного обязательства.

Хартия обязывает подписавшие государства признавать региональные языки или языки меньшинств в качестве отражения культурного богатства (ч. II, ст. 7). Нами предпринята попытка осуществить моделирование применения Хартии в Российской Федерации и показать, как может выглядеть отчет об оценке Комитета экспертов по Хартии, который контролирует ее применение в государствах–участниках, если бы Российская Федерация уже ратифицировала Хартию.

Моделирование является частью мероприятий Совместной программы «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» [138]. Данная Программа способствует подготовке российских органов власти к ратификации Хартии, а также оказывает поддержку неправительственным организациям, занимающимся сохранением языков национальных меньшинств. Обязательство ратифицировать Хартию было принято Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы. Хартия была подписана Правительством Российской Федерации в мае 2001 года.

Необходимо отметить, что саамский язык, распространенный на территории Российской Федерации, не находится в списке языковых мень-

шинств в базе данных Хартии Совета Европы. Там есть саамский язык Норвегии, Финляндии и Швеции, но нет саамского языка России.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 17 апреля 2006 года [114] коренным малочисленным народом Мурманской области являются саамы, что зафиксировано и в статье 21 Устава Мурманской области [150].

Таким образом, по отношению к Мурманской области Ч. II Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств может быть применена только к саамскому языку.

Ч. II ст. 7 Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств гласит, что государство, ратифицировавшее Хартию, должно обеспечить а) признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния; б) соблюдение географического пространства каждого регионального языка или языка меньшинства, следя за тем, чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства; в) необходимость решительных действий по развитию региональных языков или языков меньшинств для сохранения этих языков; г) содействие и/или поощрение устного или письменного использования региональных языков или языков меньшинств в общественной и в частной жизни; д) поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки; е) предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств; ж) предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему; з) содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях; и) развитие соответствующих форм транснационального обмена в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии по региональным языкам или языкам меньшинств, используемых в одинаковой или близкой форме в двух или более государствах.

Посмотрим, как эти положения реализуются на практике по отношению к саамскому языку. Дальнейшее изложение строится по следующему плану: положение Хартии – положение дел – необходимые для выполнения положения Хартии меры.

Положение Хартии: признание региональных языков или языков меньшинств средством выражения культурного достояния. *Положение дел:* хотя саамский народ признается и защищается в рамках специальной защиты, адресованной «малым коренным народам Российской Федера-

ции», он не признается в качестве выразителя культурного богатства саамского народа, и закона Мурманской области, напрямую касающего сохранения саамского языка как уникального культурного наследия, нет. *Необходимо:* признание саамского языка в качестве выразителя культурного богатства.

Положение Хартии: соблюдение географического пространства каждого регионального языка или языка меньшинства, следя за тем, чтобы уже существующее или возможное в будущем административное деление не создавало препятствий для развития этого регионального языка или языка меньшинства. *Положение дел:* в Мурманской области районами проживания коренных малочисленных народов Севера являются городской округ Ковдорский район, Кольский муниципальный район, Ловозерский муниципальный район, Терский муниципальный район. Хотя, по всей видимости, не существует прямых механизмов, гарантирующих уважение географического района саамского языка, нет никаких признаков того, чтобы в последние годы возникали проблемы в этом отношении. *Необходимо:* по мнению председателя правления Мурманской областной молодежной саамской общественной организации саамов «Самь Нураш» О. Егоровой, районами проживания саами следует признать и г. Мурманск, и г. Североморск, где живут представители саамского народа.

Положение Хартии: необходимость активных действий по поддержке региональных языков или языков меньшинств в целях их сохранения. *Положение дел:* естественная передача саамского языка имеет тенденцию к исчезновению. Естественной передачи саамского языка новым поколениям практически не существует, поскольку в семьях почти не говорят на этом языке. *Необходимо:* принять срочные меры по ревитализации саамского языка, в частности распространение методики языковых гнезд, где весь воспитательный процесс и общение с детьми строится на языке. Саамская общественность активно предлагает меры по сохранению своего языка (создание языковых центров, Центра саамских знаний, кружков и курсов по изучению саамского языка). Членами инициативной группы по сохранению и развитию саамского языка в декабре 2009 года в Мурманскую областную Думу было внесено предложение о создании «Центра практического языка» в с. Ловозеро. В задачи языкового центра включены организация языковых курсов и тренингов для разных возрастных групп, организация языковых встреч, дискуссий, лагерей, походов. Так, в июле 2009 года на острове Чарвин в озере Ловозеро функционировал Летний лагерь по изучению кильдинского диалекта саамского языка [41]. Заинтересованность в сохранении своего языка и передачи знаний поддерживалась организаторами в том числе и материально: за участие в лагере носителям кильдинского диалекта выплачивалась «зарплата».

Положение Хартии: содействие и/или поощрение использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в

общественной и личной жизни. *Положение дел:* использование саамского языка в общественной жизни очень ограниченно: это, пожалуй, только реализация проекта «Кольское саамское радио», который начался в 2003 году, в настоящее время это Интернет-вещание [184]. Газет или телепередач на саамском радио в России в настоящее время не существует. На местных радиостанциях иногда транслировались передачи на кильдинском саамском языке (в 2012 году на волне 104 FM радиостанции «Ретро FM» транслировалось 13 передач, в 2013 году – 5). *Необходимо:* создание условий для использования саамского языка в общественной жизни – это прежде всего функционирование средств массовой информации.

Положение Хартии: поддержание и развитие в областях, входящих в сферу применения настоящей Хартии, связей между группами, использующими региональный язык или язык меньшинства и другими группами того же государства, говорящими на том же или близком языке, а также установление культурных связей с другими группами в государстве, использующими другие языки. *Положение дел:* существуют интенсивные контакты между носителями северосаамского языка в Норвегии и саамского языка в Мурманской области и их носителями. *Необходимо:* поддерживать существующие и налаживать новые контакты.

Положение Хартии: предоставление на всех этапах обучения соответствующих форм и средств преподавания и изучения региональных языков и языков меньшинств. *Необходимо:* обеспечение надлежащих форм и средств для преподавания и изучения саамского языка на всех соответствующих ступенях.

Положение Хартии: предоставление не говорящим на региональном языке или языке меньшинства средств для изучения этого языка, если они проживают в местности, где этот язык используется, и желают научиться ему. *Положение дел:* любое лицо, говорящее или не говорящее на языках меньшинства, может посещать соответствующие занятия по саамскому языку там, где они проводятся. *Необходимо:* рекомендовать соответствующим структурам принять гибкие и новаторские меры в целях сохранения этого языка.

Положение Хартии: содействие развитию изучения и исследований региональных языков и языков меньшинств в университетах или аналогичных высших учебных заведениях. *Положение дел:* преподавание саамского языка в высших учебных заведениях отсутствует. *Необходимо:* создание университетских курсов и программ (бакалавриата и магистратуры).

Кроме того, необходимо учитывать возможности дистанционного образования. Важную роль в обосновании значимости организации дистанционного обучения коренного населения области играет геополитический фактор: районы их компактного проживания расположены в разных частях полуострова в удалении от областного центра. А недостаточно развитая транспортная инфраструктура и высокая стоимость транспортных услуг и

проживания является одним из существенных препятствий для обучения представителей коренного населения в областном центре.

Наиболее подходящей технологией обучения дисперсно проживающего населения является организация обучения на основе специально подготовленных дистанционных курсов, объединенных в единую систему на учебном портале, на котором организовано не только обучение в форме передачи учебного и методического материала обучаемому для усвоения, но и проводится контроль и оценка полученных знаний в асинхронном режиме, анализ качества прохождения учебного материала.

Такая система должна строиться с учётом комплексного подхода, предусматривающего помимо обучения языку возможность создания искусственной языковой среды (веб-чат, голосовой чат, форум), которая позволит обеспечить возможность группового и личного общения между носителями саамского языка, проживающими в разных районах.

Как показывает моделирование ситуации, для изменения положения с языком кольских саами необходимо признать саамский язык в качестве выразителя культурного богатства, принять срочные меры по ревитализации языка, поощрять использование саамского языка, разработать гибкие и новаторские меры для сохранения саамского языка, создать университетские курсы и программы по саамскому языку. Необходимо создание условий для использования саамского языка в общественной жизни – это прежде всего функционирование средств массовой информации. При условии преподавания саамского языка в школах необходимо наладить преподавание саамского языка в высших учебных заведениях, которое сейчас представлено только в Институте народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

1.5 Роль средств массовой информации

Средств массовой информации на саамском языке на данный момент в России не существует. Особого внимания заслуживает реализация проекта «Кольское саамское радио», который начался в 2003 году. Его инициаторами выступили Союз саамов стран Баренцева региона и саамские радиостанции Швеции, Норвегии и Финляндии. Средства на проект выделили сами инициаторы, а также Министерства иностранных дел Норвегии и Финляндии, Совет Министров Северных стран, фонд «Евразия», норвежский Саамский парламент, Баренцев секретариат, Совет министров северных стран и программа Европейского союза Интеррег. Радиостанция разместилась в с. Ловозеро, где проживает более половины российских саамов. В 2005 году саамское радио вещало на национальном языке 3 раза в неделю по 10 минут. В штате радио работали 6 человек. В настоящее время саамское радио испытывает экономические трудности: в январе 2010 года было объявлено, что на протяжении длительного времени заработная плата работникам ЗАО «Кольское саамское радио» в полном объеме не выплачивается. Этот проект не был первой попыткой организовать радиовещание на саамском языке на территории Мурманской области. С 1990 года вещание на саамском языке осуществляло отделение «ГТРК Мурман» в с. Ловозеро, но в 2000 году эти передачи перестали выходить в эфир. В 2012 году радио возобновило свою работу. На данный момент оно функционирует как независимое Интернет-радио [184].

Развитие этнической журналистики – чрезвычайно важный процесс для современного глобализирующего общества. Актуальность данного явления обусловлена тем, что этносы при наличии такой журналистики, во-первых, имеют площадку для обсуждения своих проблем, чаще всего на родном языке; во-вторых, привлекают интерес к своему этносу со стороны других народов и способствуют развитию толерантности. Понятие «этническая журналистика» обсуждается в научной литературе, приводятся доводы за и против данного термина (см., например: [57]).

В Мурманской области никогда не было печатного СМИ на саамском языке. Но ряд материалов на саамском языке был опубликован в 1930-х годах в мурманской областной газете «Полярная правда». 1 февраля 1931 года эта газета вышла с лозунгом «Привет третьему окружному съезду Советов» на русском, саамском и финском языках. В газете была помещена заметка Никона Герасимова на саамском и русском языках, там же была опубликована статья «Саамское лопарское землячество в Ленинграде», где рассказывалось о 14 саамах, которые учились в Институте народов Севера в г. Ленинграде.

Районная газета «Ловозерская правда» издается в с. Ловозеро[1] – месте компактного проживания саамского населения. Первый номер газеты вышел 7 ноября 1935 года. Учредителем газеты сначала был Ловозерский райком партии, затем администрация муниципального образования Ловозерского района.

Ведущей отраслью экономики Ловозерского района является сельское хозяйство, поэтому большое количество материалов всегда было посвящено жизни и достижениям оленеводов, в том числе колхозов «Тундра», «Краснощелье», «Красная тундра». В период «оттепели» в газете начинают печататься художественные произведения: стихи саамского поэта – Аскольда Баженова, а с 1965 года и творчество читателей. В советский период выхода газеты «Ловозерская правда» этническая тема публикаций ограничивалась репортажами о праздновании Дня оленевода и Праздника Севера с традиционными гонками на оленьих упряжках.

В период стабильности (1960-е годы) тираж газеты «Ловозерская правда» составлял 1 200 экземпляров, а в период демократизации жизни общества (1990-е годы) он возрос почти в 3 раза – 3 736 экземпляров. В 1990-х годах газета «Ловозерская правда» стала освещать события жизни кольских саамов более широко. Однако на страницах газеты «Ловозерская правда» за 2013 год количество публикаций, отражающих жизнь, проблемы, культуру коренных малочисленных народов Севера, составляет лишь 8% от общего числа публикаций (76 публикаций от общего числа публикаций – 961). Для районной газеты этого недостаточно, хотя статьи на саамскую тему встречаются почти в каждом номере. Специфику газеты «Ловозерская правда» в 2013 году определяют следующие рубрики: «Коренные интересы», «Праздник Севера», «Сохраняя традиции», «День коренных народов», «Дни саамской культуры», «В союзе саамов», «Дни коми культуры», «Саамские игры» и т.д.

Публикации о коренных малочисленных народах Севера представлены в основном в виде отчетов о праздниках, выставках, выступлениях саамских коллективов. Например, статья Л. Сашенковой «Взвился в небо флаг саамский» представляет собой репортаж о праздновании Международного дня единения саамов в селе Ловозеро [131]; статья того же автора «Чепесь самь» встречает друзей» приурочена к 20-летию образования общества саамских мастеров и художников и 20-летию празднования в России Международного дня единения саамов [132]; в статье Н. Ланковской «Событие местного масштаба» рассказано об издании русско-саамского разговорника Н.Е. Афанасьевой [90], а в статье Т. Медановой «Песенное творчество коми народа» – о выпуске первого сборника коми песен на диске [102].

---

[1] Анализ журналистских материалов газеты «Ловозерской правды» за 2013 год был выполнен студенткой Коломиец О. в рамках курсовой работы под руководством автора данной монографии.

Есть в газете и проблемные статьи. Так, в публикациях главного редактора газеты В. Ткачева с 2013 года поднимаются проблемы наркомании и алкоголизма, обсуждаются вопросы о бюджете Ловозерского района, отсутствия лицензии у местного радио. А авторы журналистских публикаций, освещающих тему празднования 75-летия Мурманской области в 2013 году, пишут о прокурорской проверке выступления на празднике 75-летия Мурманской области (статья В. Ткачева «Фальшивка на празднике или оскорбление чувств?» [146]), о причинах отказа Национального культурного центра от участия в праздновании 75-летия Мурманской области из-за разногласий с режиссером и сценарием праздника (статья А. Васильевой «Фальшивка на празднике, или Обман народа» [32]), об отсутствии работников Национального культурного центра, являющихся визитной карточкой Ловозерского района, на праздновании 75-летия Мурманской области (статья Т. Медановой «Жаркий юбилей» [101]).

Язык публикаций в газете «Ловозерская правда» – русский, тематика публикаций о жизни коренного населения немногочисленна. Таким образом, говорить об этнической саамской журналистике на территории Мурманской области в настоящее время не представляется возможным.

Очевидно, что создание этнических СМИ на территории Мурманской области необходимо, но делать это следует при активном участии саамской общественности и с использованием саамского языка. На наш взгляд, этническая журналистика не должна быть районной или местной газетой. Идеальная модель этнической журналистики – это средство массовой информации для сообщества, объединенного по этническому, а не по географическому принципу.

1.6 Выводы по главе

Культура как часть картины мира отражает, по мнению ученых, самосознание человека, изменяющегося в процессе рефлексии над ценностно значимыми условиями бытия человека [142, с. 18]. Языковой материал передает, по В. Гумбольдту, духовную настроенность говорящих на одном языке [46, с. 71].

Эти общеизвестные положения обретают особый смысл, когда речь идет о миноритарных и исчезающих языках. Как утверждают ученые, большей части языков мира грозит серьезная опасность исчезновения в ближайшие десятилетия. По наиболее осторожным оценкам, половина, а по наиболее пессимистическим прогнозам – до 95% языков могут исчезнуть к концу XXI века [54, с. 15].

Выживаемость таких языков подвергается сомнению, хотя оптимистичные прогнозы также присутствуют. Языки и культуры исчезают, потому что они не востребованы в современном обществе, в эпоху модернизации и глобализации. Но невостребованность языка определяется и субъективными факторами, например нежеланием носителей языка им пользоваться.

М.В. Дьячков, описывая немецкий язык в Намибии, отрицает возможность его постепенного отмирания. Ученый отмечает, что этот язык весьма комфортно чувствует себя в отведенной для него нише неформального общения, он добросовестно выполняет свои обязанности и берет на себя именно те функции, которые были бы несподручны и неуместны для стандартного немецкого языка [49, с. 153].

По отношению к кильдинскому саамскому языку это утверждение тоже справедливо, по нашему мнению, но по другой причине.

Критерии оценки социолингвистической ситуации (число носителей, языковое окружение, тип хозяйственной деятельности, воспроизводство языка, межнациональные браки, языковая политика государства, престиж языка, наличие письменности, роль средств массовой информации) позволяют выявить степень сохранности языка, наметить пути его возрождения.

Анализ современной социолингвистической ситуации с кильдинским саамским языком показал, что положение кильдинского саамского языка можно определить как *critically endangered*, но это не означает смерть языка. В современном саамском социуме кильдинский саамский язык представлен, хотя и фрагментарно, в бытовом общении, в презентационных мероприятиях (фестивали, Дни саамского языка, конференции и т.д.), в художественной литературе (см.: [10; 127]).

Кроме того, большую роль в сохранении языка играет и самоидентификация личности с данным этносом. Данные Всесоюзной переписи населения 2010 года [39] свидетельствуют о желании саамов заявлять свою национальность, то есть индентифицировать себя с саамским этносом. Опре-

деление связи «национальность – язык» не всегда однозначно. Можно даже утверждать, что размывание этнической принадлежности в эпоху глобализации не заканчивается и не начинается с утраты языка. Никто не оспаривает роль языка, связанную с функционированием его в качестве транслятора этнической культуры. Но при этом его коммуникативная функция, функция общения, все больше разрушается в малых этнических группах. Поэтому родной язык можно представить как условие идентификации личности, но степень его необходимости в этом процессе можно и нужно обсуждать.

ГЛАВА 2. СААМСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СААМСКОГО ЯЗЫКА

2.1 Общие положения

Создание письменной формы языка – процесс, позволяющий пользователям языка контролировать, а подчас и определять его развитие и функционирование. А.А. Бурыкин определяет две разновидности такого контроля: активный и пассивный контроль. Под понятие активного контроля со стороны социума подпадает, в том числе, появление графико-орфографических новаций, под понятие пассивного контроля – неразработанность или инертность языковой политики [30, с. 21–22]. Часто эти типы контроля совпадают.

Положение кильдинского саамского языка в этом отношении является в какой-то степени уникальным: язык, принадлежащий к финно-угорской языковой семье, несмотря на длительную историю письменности с 1933 года, до сих пор не имеет общепринятых в кольско-саамском сообществе графико-орфографических норм. И решение этой проблемы не предвидится. Поэтому чрезвычайно актуально проанализировать эксперименты языковой политики, проводимые в течение почти 80-летней истории саамской письменности, хотя и с 45-летним перерывом.

Особенно актуально показать просчеты и достижения языковой политики по отношению к саамскому языку еще и потому, что практика государственного регулирования процесса возрождения и сохранения языков коренных малочисленных народов Севера возвращается. Так, на заседании Совета представителей коренных малочисленных народов Севера, утвержденного Постановлением Правительства Мурманской области от 4 апреля 2013 г. № 147-ПП, был рассмотрен вопрос о сохранении саамского языка в Мурманской области и создана рабочая группа по саамскому языку. Заседание рабочей группы состоялось, но конкретных результатов не было. Поэтому в 2015 году Министерство образования и науки Мурманской области вновь вернулось к обсуждению этого вопроса. А в связи с предложением Президента России В. Путина от 13 марта 2015 года о создании Федерального агентства по делам национальностей это обсуждение стало особо актуальным. В настоящее время при Министерстве образования и науки Мурманской области разрабатываются методические пособия нового уровня по кильдинскому саамскому языку. Принципиальным при этом является вопрос о саамском алфавите.

Политика «языкового строительства», проводимая Советским правительством в 1920–1930-х годах и означавшая работу по созданию алфавитов и норм [6, с. 10], достаточно подробно описана в литературе, а в последнее время вновь привлекает внимание исследователей (см., например: [4; 6; 22; 37; 99; 141; 145; 188]). Интерес к проблеме вызван непрекращаю-

щимися дискуссиями о формировании литературных языков, в том числе уральских, а также вопросами этнического самосознания (см., например: [28; 78; 105]).

В немногочисленной литературе, в той или иной степени представляющей вопросы саамской письменности, отмечается сложность ситуации с письменностью у российских и зарубежных саамов [159], дается краткая история создания письменности у российских саамов [36, с. 4; 64, с. 156; 67, с. 209–210; 68, с. 135; 69, с. 102; 72, с. 1; 73, с. 10–11; 74, с. 13–14; 75, с. 92–94; 83, с. 155; 160, с. 69–70; 187, с. 107–108]; представлено обстоятельное обсуждение саамской графики и орфографии в связи с введением кириллицы [76; 91]; объясняется выбор диалекта для создания письменного саамского языка в 1930-е годы и определяются причины отсутствия/наличия отдельных букв для некоторых звуков [168, с. 129–130]; представляются принципы создания нового саамского алфавита в 1980-е годы и связанные с этим проблемы фонологии саамского языка [АФ, с. 529; 73, с. 12; 84; 178]. Более подробно история саамской письменности описана в статье Г.М. Керта [65].

Анализа архивных документов (федерального и регионального уровня) по проблемам саамской письменности в 1930-е годы нет. В статье Г.М. Керта «Саамская письменность» [65] представлены данные из трех документов Мурманского областного архива [МОА, фонд 194, оп. 1. ед. хран. 3, 8, 15]. В работе А.А. Киселева и Т.А. Киселевой [75, с. 92–94] в главе «О саамской письменности» при указании на латинизированный алфавит есть ссылка только на один документ из архива Мурманской области [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 7. Л. 86].

Думается, что отсутствие описания и анализа архивных документов не позволяет во всей полноте представить ситуацию, на фоне которой развивалось такое значимое для дальнейшего развития саамского языка и культуры событие – создание письменности. Описания и анализа самого процесса создания и внедрения саамской письменности (на основе латиницы и кириллицы) в достаточной степени не представлены в литературе. Можно утверждать, что история саамской письменности еще ждет своего исследователя (см. об этом: [29, с. 157]).

Мы поставили перед собой цель рассмотреть один из важнейших этапов языкового строительства в области саамского языка, а именно период создания саамской письменности (1933–1935 годы), показать роль неопубликованных региональных материалов по вопросу внедрения саамской письменности на латинизированной основе. При анализе архивного материала нас прежде всего интересовали уникальные материалы, подтверждающие или подвергающие сомнению уже известные факты языкового строительства на Кольском полуострове. Архивный материал позволил представить систему мероприятий, проводимых государственными органами для успешного выполнения политического курса правящей Коммуни-

стической партии в период 1933–1935 годов, а также некоторые меры воздействия на функциональную, а подчас и структурную сторону кильдинского саамского языка. При анализе архивного материала было выяснено, как в период языкового строительства решался ряд принципиальных вопросов: соотношение понятий «письменный язык» и «литературный язык», вопрос о нормативности письменного языка коренных малочисленных народов Севера, учет особенностей диалектного членения саамского языка.

Процесс создания алфавита саамского языка представлен по данным Государственного архива Мурманской области. Нами исследовано 1 105 листов архивных документов. Проведя анализ архивных документов из ГАМО, мы отмечаем явную тенденцию: в архиве сохранились в основном официальные документы (постановления, решения, записки официальных лиц, программы и отчеты), в меньшей степени представлена частная переписка. Тон этих документов позитивный. Необходимо отметить, что все документы фиксируют и недостатки, и достижения политики языкового строительства. В документах Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), созданного для борьбы с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом с 1923 года по 1934 год, чаще представлены негативные факты, отрицательные характеристики. Представляется, что архивные документы дают более объективное, а подчас и менее идеологизированное представление о ситуации в регионе, чем, например, материалы газет, в частности газеты «Полярная правда» – старейшей областной газеты, органа правящей тогда Коммунистической партии. Кроме того, при использовании материалов периодической печати необходимо учитывать субъективизм в оценке освещаемых событий, а также отрывочный характер фактического материала. Хотя и работа с архивными материалами обнаружила, что факты, представленные в документах, подчас противоречат друг другу. Например, дата образования Комитета Нового Алфавита при Президиуме Окружного исполнительного комитета по документам ГАМО различна: по данным документа под названием «Комитет Нового Алфавита», эта дата – 2 ноября 1933 года [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 93], а в отчете Комитета Нового Алфавита при Мурманском Окружном исполнительном комитете за 1935 год говорится, что Комитет был организован постановлением Президиума окружного исполнительного комитета от 16 октября 1933 года [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1]. И это не единственный случай расхождений.

Анализ архивных материалов осуществлялся в соответствии с определением языковой политики как «сознательного и целенаправленного воздействия на язык как на функциональную и структурную единицу путем мероприятий, проводимых органами государственной власти и/или определенными общественными силами в масштабе всего государства и в определенной языковой ситуации» [161, с. 146–147]. Этот классический подход позволяет рассмотреть процесс создания письменности саамского язы-

ка и выделить те трудности и проблемы, которые встретились на этом пути. Эти проблемы обусловлены спецификой языковой политики и языковой ситуации с саамским языком в 1930-е годы.

Языковая политика, выбранная в СССР в 1920–1930-е годы, продвигала идею равенства языков и отрицания обязательного государственного языка. Были приняты меры по переводу делопроизводства и др. на языки меньшинств, а для бесписьменных языков меры по созданию письменности на латинской основе. Для этого создавались Комитеты Нового Алфавита. Так, Комитет Нового Алфавита народов Севера при Всероссийском Центральном Комитете Нового Алфавита (здесь и далее ВЦК НА. – *О.И.*) был образован в 1933 году.

2.2 Специфика реализации государственной языковой политики на Кольском Севере в 1930-е годы

Комитет Нового Алфавита народов Севера при ВЦК НА был образован в 1933 году. В Постановлении секретариата Мурманского окружного комитета ВКП(б) «О создании “Комитета Нового Алфавита”» от 11 сентября 1933 года указаны цель, задачи и функции Комитета.

Комитет Нового (латинизированного) алфавита народов Севера ВЦК НА ставил своей задачей скорейшее поднятие культурного уровня трудящихся масс народов Севера и успешное развитие национальной по форме и социалистической содержанию культуры народов Севера путем создания и развития письменности на языках народов Севера. Для достижения этих целей Комитет планировал следующие позиции:

- руководство делом и планирование дела создания письменности на языках народов Севера, ведение наблюдения за проведением четких научных принципов в разработке вновь создаваемых литературных языков, предупреждение недопустимого разнобоя в вопросах алфавита, орфографии, терминологии и т.д.;
- проведение среди соответствующих научно-исследовательских учреждений научной проработки вопросов, связанных с созданием и развитием письменности народов Севера;
- содействие изданию научной учебной и массовой литературы, а также периодической печати на новом алфавите, координация планов издательства в части издания литературы на северных языках;
- содействие организации полиграфических баз в национальных школах и национальных районах, находящихся в округах;
- проработка вопросов введения нового алфавита в учебных заведениях разных типов;
- организация курсов по подготовке ликвидаторов неграмотности на новом алфавите, курсов переподготовки учителей, наборщиков, машинисток и т.д.;
- содействие местам в проработке вопросов языковой культуры (орфографии, терминологии, создания литературного языка);
- созыв Конференции и совещания по созданию и развитию письменности народов Севера;
- утверждение типовых положений окружных, межрайонных и районных Комитетов Нового Алфавита народов Севера;
- заслушивание и утверждение планов работ краевых, областных, республиканских, окружных и межрайонных Комитетов Нового Алфавита Севера.

Местом постоянного пребывания Комитета Нового Алфавита был установлен г. Ленинград.

Комитет Нового Алфавита народов Севера при ВЦК НА направлял и контролировал работу северных секций, областных, краевых и республиканских Комитетов Новых Алфавитов, а также руководил работой окружных, межрайонных и районных Комитетов Новых Алфавитов [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–18].

Были созданы Комитеты Нового Алфавита при национальных Окрисполкомах и райисполкомах Крайнего Севера. В их Положении указаны задачи, которые в основном совпадают с задачами Комитета Нового Алфавита народов Севера при ВЦК НА, но одна задача уточнена – содействие коренизации советских учреждений путем организации соответствующих курсов для актива работников национальных округов и районов. Кроме того, в Положении Комитетов при национальных Окрисполкомах и райисполкомах Крайнего Севера усилена идеологическая составляющая: отмечено, что эти комитеты ведут решительную борьбу с искажением классовой линии при проведении мероприятий, связанных с реализацией задач в области введения нового алфавита и письменности, а особенно с влиянием шовинистических, кулацких, шаманских и прочих элементов, вредящих в работе по созданию социалистической культуры [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 16].

На заседании Президиума Мурманского Окрисполкома от 16 сентября 1933 года было принято решение об организации Мурманского окружного комитета содействия языкам и письменности народов Севера (Мурманский окружной Комитет Нового Алфавита) и был определен состав Комитета содействия в количестве 10 человек: председатель – заместитель председателя окружного исполнительного комитета т. Луйск; члены Комитета – от окружного комитета ВКП (б) т. Тухканен, от окружного комитета ВЛКСМ т. Гутман, от Окрпрофсовета т. Дмитриев, от окружного отдела народного образования (ОкрОНО) – т. Дмитриев, от педтехникума – т. Осипов И.А., Уполномоченный национальных меньшинств Окрисполкома т. Есельсон, уполномоченный Комитета Севера т. Алымов, от редакции газеты «Полярная правда» т. Быстрозеров и т. Черняков. Ответственным секретарем Комитета Содействия утвержден т. Черняков (ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

В Положении о Комитете содействия развитию языков и письменности народов Севера при Президиуме Мурманского Окрисполкома (Комитете нового алфавита округа) отмечено, что Комитет ставит своей задачей скорейшее поднятие культурного уровня трудящихся масс народов Севера и успешное развитие национальной по форме и социалистической содержанию культуры народов Севера путем создания и развития письменности на языках народов Севера как одного из основных орудий культурной революции. Идеологическая составляющая также представлена в этом Положении, но уточнено, что Комитет при Президиуме Мурманского Окрисполкома ведет решительную борьбу с влиянием нойдских (вместо шаманских)

элементов, вредящих в работе по созданию социалистической культуры. В числе задач Мурманского Комитета Положение определяет руководство и планирование созданием местной национальной периодической (газеты) и непериодической печати (брошюры, листовки), национальной страницы в окружной и районных газетах, при этом уточняется, что Комитет будет строго следить за соблюдением принципов единого литературного языка, не допускать, чтобы периодическая печать выходила на местных диалектах; через соответствующие научно-исследовательские учреждения ставит научную проработку вопросов, связанных с созданием и развитием письменности народов Севера, опираясь в этой работе на Научно-исследовательскую ассоциацию Института народов Севера [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 5]. В отчете Комитета Нового Алфавита при Мурманском Окрисполкоме за 1935 год отмечено, что объектом работы Комитета Нового Алфавита являются в основном местные туземцы – бесписьменная в прошлом народность саами (лопари) [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1]. В постановлении «О практических мероприятиях по внедрению письменности на родном языке народов Севера» от 22 сентября 1933 года указывались задачи, которые на ближайшее время ставит перед собой Комитет Нового Алфавита Округа: проверка саамского букваря и брошюры на разных диалектах, создание необходимых условий для перевода начальной школы на родной язык, организация курсов переподготовки учителей и ликвидаторов неграмотности на саамском языке, содействие организации необходимой полиграфической базы, содействие изданию на саамском языке плакатов, листовок, брошюр, национальной страницы в газете, создание условий для научно-исследовательской работы по изучению различных диалектов саамского языка [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 12. Л. 10].

При райисполкомах в Кольско-Лопарском, Ловозерском, Полярном и Понойском районах были созданы районные комитеты содействия распространению письменности на новом алфавите, так называемые Райкомсоды Нового Алфавита. Их главной задачей была мобилизация всех сил, чтобы поднять культурный уровень саамского населения, обучить саамов читать и писать на их родном языке, объяснить им значение саамского литературного языка и важность его [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 79; Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 59]. Состав Актива Комитета НА на местах на 1 ноября 1933 года был представлен следующими кандидатурами: Полярный район – член Комитета НА, зав. культпропрайокома Тухканен (с. Полярное); зав. районо Суннари (с. Полярное); зав. ШКМ Потапов (с. Полярное); учитель школы 1 ступени Лапин (д. Титовка); зав. Малолицкой школой 1 ступени Суомалайнен (станов. Западная Лица); председатель колхоза «Тундра» Калехмайнен (Большая Лица); Кольско-Лопарский район – саам, инструктор районного исполнительного комитета Герасимов (с. Кола); учитель Туломской школы 1 ступени Быстров (с. Падун); зав. Кильдинской школы 1 ступени Попова (с. Кола); учитель Имандровской школы Тарасевич

(стан. Имандра); саам, председатель сельсовета Герасимов (стан. Пулозеро); женработник Герасимова Е.И. (станц. Пулозеро); Ловозерский район – учитель Семиостровской школы Толонов (Семиостр. погост); саам, председатель колхоза «Тундра» Фефелов (Воронежский погост); саам, пастух колхоза «Тундра» Антонов О. (Кар. озеро); Понойский район – учительница Ивановской школы Соловьева (с. Ивановка) [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 14].

Полтора года спустя, 18 февраля 1935 года, возникла необходимость перестроить работу Комитета Нового Алфавита, о чем ответственным секретарем Комитета нового Алфавита, старшим научным сотрудником Института народов Севера ЦИК СССР З.Е. Черняковым была подана докладная записка Окружному ВКП (б) т. А.И. Абрамову, Окрисполкому т. П.Н. Горбунову и ОкрОНО т. Васильеву. В записке говорилось, что освоение задач, поставленных перед Комитетом Нового Алфавита, стало затруднительным и необходимо провести размежевание отдельных участков работы по следующим подразделениям: Комитет Нового Алфавита в узком виде, Саамский Дом Оленевода и Научно-практическая база по изучению народов Севера [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 97]. Этот вопрос получил разрешение в Постановлении Президиума Мурманского окружного исполнительного комитета от 28 августа 1935 года [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 4об].

В докладной записке З.Е. Чернякова было отмечено, что Комитет Нового Алфавита с узко ограниченными задачами по внедрению письменности среди народов Севера должен действовать при Президиуме Окружного исполнительного комитета, не подчиняться ОкрОНО, а наоборот, стимулировать его работу. В организационном отношении работу Комитета Нового Алфавита предлагалось упростить: наиболее сложные участки работы (проведение курсовых мероприятий, организация исследовательских работ и др.) целесообразно передать по договорам в Институт повышения квалификации кадров народного образования и в Мурманскую Базу по изучению народов Севера.

Саамский Дом оленевода предназначен для обслуживания приезжающих в г. Мурманск трудящихся оленеводов, а Мурманская стационарная База по изучению народов Севера принимает участие в теоретической и практической части работы по поднятию культурного и хозяйственного уровня трудящихся масс народов Севера. Программа работ Базы должна быть согласована с научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 97].

В проекте Положения о Мурманской стационарной научно-практической базе по изучению народов Севера (МУБИНС) уточнены функции Базы. МУБИНС ставит своей задачей изучение народов Севера Мурманского округа в отношении языка, истории, экономики и ее реконструкции, культурного строительства и принимает практическое участие в

этой работе. Задачи МУБИНС – организация научных кабинетов, сбор материала по языку, экономике и т.д., организация изучения языка, экономики и т.д. народов Севера непосредственно в погостах, стадах и на тонях. В части практической работы База дает консультации окружным и районным организациям, обслуживает в культурном отношении саамский Дом Оленевода в г. Мурманске [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 100]. Любопытны функции саамского Дома Оленевода в г. Мурманске, представленные в Положении о Доме: Дом предоставляет приезжающим оленеводам помещение для ночлега помещение для ночлега, чай и возможность приготовить горячий обед, для оленей – корм, приезжающим – необходимые справки и помощь при обращении оленеводов в различные учреждения [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 101].

В чем заключалась суть работы научно-практической базы Института народов Севера ЦИК, можно судить по ее тематическому плану на 1934/1935 год, который включал в себя разделы и содержание работы: например, раздел «Экономика» – собирание материалов по развитию оленеводства и промыслам в Мурманской округе; раздел «Педагогика» – изучение педагогического процесса в саамской школе; раздел

«Антропология» – заполнение индивидуальных антропологических карточек по погостам; раздел «Лингвистика» – составление научного диалектологического словаря саамского языка: диалекты – Туломский, Кильдинский, Йоканьгский (СССР), Энарэ (Финляндия); Лулео (Швеция); Каутокейно (Норвегия); составление диалектологической и этнографической карты Кольского полуострова; фонографические записи текстов по саамскому языку [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 77].

При том, что работа в Мурманском округе была организационно разделена, Ленинградский Комитет Нового Алфавита на своих Пленумах и обсуждениях планов работ постоянно обращался к вопросам научной работы: призвал наладить на местах работу терминологических комиссий и местных экспедиций по обогащению словарного материала, организовать экспедиции по изучению диалектов вепсовского, ижорского и саамского языков [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 77, 81]. Эта работа велась при помощи Института народов Севера. Он и издавал словари и буквари.

Деятельность Комитета Нового Алфавита неоднократно обсуждалась на совещаниях разного уровня. В результате обсуждений были обнаружены недочеты («перегибы») в работе, например, уже в 1934 году на заседании Областного Комитета Нового Алфавита З.Е. Чернякову было указано на то, что Комитет взял на себя некоторые функции ОкрОНО – органов народного образования [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 45, 76, 77; Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 4об]. В обсуждении доклада З.Е. Чернякова, например, т. Анвельт из Областного Комитета Нового Алфавита отметил, что Окружной Комитет занимается тем, чем он не должен был заниматься: нацменьшинства, имеющие уже письменность и причисленные к так называемой культурной

группе (финны, норвежцы) должны быть обслужены ОкрОНО, а не Комитетом НА; продвижение культурно-массовой работы также дело ОкрОНО [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 76].

Кроме того, выявлялись неточности в освещении деятельности Комитета Нового Алфавита в печати. Так, в № 198 «П.И.» от 28 августа 1934 (1935?) года в заметке «Народам Севера – национальную письменность» дано неправильное, с точки зрения Комитета Нового Алфавита, освещение задач и деятельности Комитета в отношении ижемцев, татар и китайцев. В документе, представляющем эту поправку, отмечено, что «создание» письменности не является непосредственной задачей Комитета Нового Алфавита, тем более письменности коми-зырян (ижемцев. – *О.И.*), татар и китайцев. Все три народности уже имеют свою письменность, причем коми-зыряне перешли на новый, латинизированный алфавит с русского, татары с церковно-феодального арабского письма и китайцы с совершенно недоступной для масс «китайской грамоты» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 29. Л. 12].

Комитет Нового Алфавита при Президиуме Мурманского окружного исполнительного комитета завершил свою работу в 1936 году.

Необходимость создания письменности и единого литературного языка для саамского народа, как можно предположить, не только навязывалась политиками. Она вызрела внутри самого этнического сознания.

В связи с этим показательна статья И.Е. Русберга, напечатанная в юбилейном сборнике, посвященном 75-летию Ю. Квигстада в 1928 году, под заголовком «Возможно ли языковое объединение саамов?». И.Е. Русберг, отмечая различия в саамских диалектах и раздробленность саамской национальности, указывает на тяжелое положение саамов в России: «…в России саамам местами весьма трудно, но вообще говоря, они могут утешать себя мыслью: тундра велика, а до властей далеко» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 39. Л. 5]. Автор статьи довольно своеобразно отвечает на вопрос, вынесенный в заглавии работы: «Было бы более чем странно, если бы национальная идея, наблюдаемая даже у народов, которых считали давно угасшими, не нашла бы пути также и в саамскую землю. Что положение именно таково, мы убедились на том многолюдном съезде, что был собран шведскими саамами в Эстерсунде в 1918 году. Правда из докладов и дискуссии можно вынести впечатление, что важнейшие устремления саамов ограничиваются тем, чтобы получить своих чиновников и своих священников, а также одного-другого представителя в стортинг и риксдаг, другими словами, получить действительно гражданское равноправие. И наоборот, не видно, чтобы среди них проснулась мысль о политической автономии или великосаамском государстве. Саами частично кочевники или, по крайней мере, полукочевники, частью же, правда, оседлые, но так редко рассеяны, что им трудно поддерживать более интимную связь между собою. Собственное саамское государство нужно поэтому отнести к числу утопий.

Совсем другое положение получается с духовным «Сааме-ландом». По моему мнению, саамы должны прийти к сознанию того, что они в дальнейшем должны не только влачить свою жизнь как этнографические диковинки в большом музее-заповеднике горной тундры, но что они имеют ровно столько же прав и обязанностей, как и другие малые нации, на сохранение своего языка, своих нравов и обычаев и на дальнейшее их развитие. <…> …саамы, которые, как мы видели, страшно раздроблены, распадаются на племена с различными потребностями и складом мыслей и с пестрым многообразием диалектов. Ну что же, надо создать саамское эсперанто на каком-нибудь наиболее центральном и распространенном диалекте и диктаторской рукой сделать этот язык всеобщим языком письменности» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–6].

Мысли И.Е. Русберга в определенной степени перекликаются с мнением т. Карпуна в его «Докладе о поездке по восточной тундре во время Всесоюзной переписи 1926–1927 гг. Кольский полуостров. Доклад о быте лопарей. 1927 г.», представленном в основных фондах Мурманского областного краеведческого музея (здесь и далее МОМ ОФ. – *О.И.*). Ср.: «Возьмем школу. На что ему грамота, я говорю языком лопаря, ловить рыбу прапрадедовским способом без грамоты можно» [МОМ ОФ 22907/1(2). Л. 41]; «Если наш крестьянин по своему хозяйственному экономическому положению индивидуалист, то лопарь по своему так сказать географическому положению еще больший индивидуалист. <…> Он целиком зависит от природы, эксплуатируя ее непосредственно в сыром так сказать виде. <…> Соответственно и его потребность целиком определяются тем, что дает природа» [МОМ ОФ 22907/1(2). Л. 37–37об].

Созданием письменности для саамов (и всех остальных малых народов Севера) занималась Научно-исследовательская Ассоциация Института народов Севера (здесь и далее НИА ИНС. – *О.И.*), в которой была лингвистическая секция. При Комитете Нового Алфавита в Мурманском Окрисполкоме была создана научно-практическая база НИА ИНС, заведующим которой был назначен П.Н. Антонов. Таким образом, к работе дальнейшего формирования языка, кроме ученых-специалистов из г. Ленинграда, были привлечены местные силы и сама подрастающая саамская интеллигенция [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 29. Л. 12].

Создание письменности не являлось задачей Комитета Нового Алфавита, но ответственный секретарь Комитета округа, старший научный сотрудник Института народов Севера З.Е. Черняков и научный сотрудник А.Г. Эндюковский принимали в этом непосредственное участие: саамский букварь З.Е. Чернякова вышел в 1933 году, а А.Г. Эндюковского – в 1937 году. Кроме того, научные сотрудники занимались сбором текстов на диалектах саамского языка, а также на языке фильманов. На лингвистической секции НИА ИНС было решено считать необходимым дальнейшее изучение фильманского диалекта для выяснения возможности обслужива-

ния фильманов саамским литературным языком (см. например: [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 46]). Об этом просит НИА ИНС и Комитет Нового Алфавита при Президиуме Мурманского Окрисполкома: «Считать необходимым срочно изучить вопрос об обслуживании фильманов Полярного района. Просить НИА ИНС взять на себя изучение фильманского языка в тесной связи с изучением диалектов саамского языка» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 11]. На заседаниях Пленума Комитета Нового Алфавита при Президиуме Мурманского Окрисполкома неоднократно отмечались достижения НИА ИНС в научной и практической разработке саамской письменности. Например, в протоколе заседания от 21 января 1934 года записаны следующие достижения Института народов Севера: букварь на саамском языке, политброшюры.

«Что дала Октябрьская Революция трудящимся саамам» и «Что такое индустриализация страны», переводы стабильных учебников для 1-й группы «Книга для чтения» и «Учебник арифметики», книга для детей «Как на земле ездят». В планах Комитета Нового алфавита заявлена лишь проверка букваря и политброшюры на кильдинском и мотовском (туломском) диалекте [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 30].

Кроме того, НИА ИНС занималась разработкой программ для курсов саамского языка. Одна из таких программ, предназначенная для краткосрочных курсов саамского языка по переподготовке учителей северной национальной школы и составленная З.Е. Черняковым, выглядела следующим образом: Вводная часть (4 часа). Задачи национальной политики в области языкового строительства среди малых народов Севера. Создание литературных языков и принципы, взятые в основу диалекта. Значение родного языка. Общие сведения о саамском языке – особенности его строя: словарный запас, особенности в словаре саамского языка по сравнению с русским языком; стадия развития; принадлежность к финно-угорской группе; территории распространения саамского языка: диалекты саамского языка – границы их и характерные особенности; самоназвание народа и общие сведения о нем; алфавит; сведения по части правильного произношения отдельных звуков. I концентр (40 часов). Проработка структуры основных типов простого предложения с основными формами синтаксического словоизменения отдельных частей речи, куда войдут: Сказуемое – 1. Личные (для всех чисел лица) глагольные формы в связи с имеющимися в языке временами; 2. Личные глагольные формы повелительного наклонения; 3. Сказуемые формы имени. Подлежащее – 4. Именительный падеж имени существительного в единственном и множественном числе предмета; 5. Именительный падеж имени местоименного (во всех числах лица); 6. Именительный падеж именно числительного количественного; 7. Неопределенная форма глагола, функционирующая подлежащее. Дополнение – 8. Падежные формы. Определение – 9. Именные синтаксические формы и именные словообразовательные формы, которые функционируют как оп-

ределение к той или другой именной форме; 10. Отыменные наречные образования и отглагольные наречьевые образования, которые функционируют как определение к той или иной глагольной форме. II концентр (40 часов). Материал, сообщаемый во II концентре, нанизывается на основу, заложенную в I концентре на выборочном материале саамского букваря и политброшюры. Прорабатываются основные конструкции простого и сложного предложения. Заключительная часть. Даются сведения об отдельных диалектах саамского языка; орфографических правилах (в связи с основными звуковыми изменениями, установленными для литературного языка); об основных установках в области создания новой терминологии; по части методики преподавания родного языка в саамской национальной школе; по части методики научно-исследовательской работы над языком (как и от кого записывать текст, как вести разработку его, как собирать и записывать словарь(?)). Навыки (приобретаемые в течение всего курса). Умение разобрать предложение (в основных его типах), исходя из центральных его частей (сказуемого и подлежащего) и дать основной перевод всего предложения в целом. Умение составить предложение. Овладения минимумом словарного запаса 300–500 слов, используемого в процессе занятий. Навык работы со словарем (уметь найти основную форму незнакомого слова – инфинитив, именительный падеж, уметь найти (?) правильное значение для данного контекста). Свободное пользование алфавитом (усвоение навыков чтения и письма). Элементарный навык устной речи (простейшие вопросы) [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1об].

2.3 Специфика языковой ситуации с саамским языком на Кольском Севере в 1930-е годы

Архивные документы позволяют представить специфику языковой ситуации на Кольском Севере в 1930-е годы, в которой реализовывалась государственная политика языкового строительства.

По данным архивных документов на территории Кольского полуострова в 1935 году проживало около 1 700 саамов[2]. Расселены они были в 12 саамских погостах и нескольких финских и русских поселках. Был 13 погост Экоостровский, но он к 1935 году почти распался [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1об].

В докладной записке в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК от 04.02.1934 об организации «Красного бота» указано на рассеянность саамского населения по территории Кольского полуострова: «саамское население разбросано по всему Кольскому полуострову отдельными кустами по 35–50–120 человек, между которыми нет никакой связи (например: мотовские и сосновские саами друг с другом не встречаются), нивхи острова Сахалина и устья Амура имеют больше точек соприкосновения, чем, например, туломские и лумбовские саами.

«Красный бот» в условиях Мурманского округа будет способствовать сближению разрозненных диалектов» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 84].

В отчете Комитета Нового Алфавита при Мурманском Окрисполкоме за 1935 года утверждается, что как в культурном, так и в экономическом отношении саамская народность – самая отсталая в округе[3], а одним из рычагов хозяйственно-культурного подъема является ускорение культурного роста при помощи письменности на родном языке. К трудностям этой последней работы надо отнести отсутствие у саамов единого общенационального языка. На Кольском полуострове они говорят на трех различных диалектах, поэтому внедрение литературного языка через книгу возможно только в районе кильдинского диалекта, а районе же туломского и иоканьгского диалектов для этой работы надо иметь хорошо подготовленных учи-

---

[2] В документе МОМ ОФ за 1934 год представлены другие данные: саами – около 1,0% (1 850 (человек. – *О.И.*)) [МОМ ОФ 238/4. Л. 35].

[3] Ср: Лопарь стоит на очень низкой степени развития. Среди них не распространены никакие ремесла. Он целиком зависит от природы, эксплуатируя ее непосредственно в сыром так сказать виде [МОМ ОФ 22907/1 (2). Л. 37]; Лопарь – гражданин Союза, но он не понимает, зачем его втискивают в общество, от которого всеми силами от стремится оторваться. С него берут налог, он не понимает зачем; в его представлении встает недоумевающий вопрос: рыба ведь ничья, зачем же платить за нее. Если даже лопарское общество представляет из себя единицы, так плохо спаянные друг с другом, то речи о том, чтобы слить лопарей со всеми трудящимся миром и быть не может [МОМ ОФ 22907/1 (2). Л. 38об–39об].

телей, владеющих и русским, и литературным саамским языками, и местными наречиями [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1об].

В архивных документах 1930-х годов, особенно в записках ОГПУ, неоднократно отмечается отсталость саамского населения, его безграмотность: «Работа по культобслуживанию (культурному, т.е. политико-просветительскому, обслуживанию. – *О.И.*) лопарского населения проводится далеко не достаточная, лопари совершенно безграмотны, занимаются бражковарением, пьянством и хождением в церковь, где имеется один священник. Сами по себе народ малосильный, который, по заключению врача, вымирает, ввиду их ненормальной жизни и неимения жировых и молочных продуктов (Из записки заместителя начальника Мурманского окружного отдела ОГПУ Комова о населении станции Иоканьга)» [ГАМО, РФ. П-2. Оп. 1. Д. 489. Л. 101]. Об уровне грамотности свидетельствуют и данные переписи 1926/1927 года: лопари – среди оседлого население грамотных мужчин 40,5%, а грамотных женщин 12,9%; среди кочевого соответственно 18,9% и 2,4% [144, с. 28]. Поскольку культурные кадры «ковались» в первую очередь из лиц, владеющих саамским языком, то важно выяснить, какова степень владения населения саамскими диалектами и другими языками. Данные архивных документов позволяют выявить следующие факты.

Языковая «привязанность» коми и саамского населения была значительной. В некоторых районах, например, в с. Ловозеро передовая часть саамского населения знала коми язык и охотно им пользовалась [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 30. Л. 30]. В «Отчете о работе по саамскому языку в Институте Народов Севера за 1933–1934 учебный год» А.Г. Эндюковского сказано о желании ижемцев (коми-ижемцев. – *О.И.*) изучать саамский язык на Областных курсах советского строительства (на курсах готовили кадры для городских и районных органов власти, куда принимались лица коренной национальности. – *О.И.*) [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 21. Л. 11]. Архивные документы показывают также желание русских учащихся изучать саамский язык [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 37]

Сведения о знании русского языка саамскими учащимися противоречивы: с одной стороны, указывается, что ученики саамской школы не знают русского языка, но знают русские политические и финские песни (из письма П. Антонова З. Чернякову от 01.12.1934) [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 5. Л. 44], с другой – в записке того же 1934 года отмечается, что преподавание нигде, кроме с. Ловозеро, не проводится на саамском языке [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 30. Л. 30]. Это должно означать, что преподавание ведется на русском языке. Интересно, как мы уже указывали выше, что по опросу 1785 года все лопари-мужчины и 70% женщин владели русским языком (разговорной речью) [152, с. 272].

Использование латиницы в письменном саамском языке, по данным архивных документов, оценивалось положительно. В отчете заведующей Кильдинской школы товарища Поповой говорится, что учащиеся саамы

материал усваивают быстрее и прочнее (на саамском языке. – *О.И.*), чем на русском языке [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 37]. З.Е. Черняков в книге «Очерки этнографии саамов» также отмечает позитивное восприятие латинизированного алфавита кольскими саамами: «Вспоминаю, с какой гордостью показывали мне образцы своих записей на латинском алфавите молодые саамы. <…> …знаки римского алфавита они воспринимали как «собственные», «нашенские», «родные»» [160, с. 70].

Изучать саамский язык по букварю на латинизированной основе помогало учащимся и знание финского языка. В школах саамскому языку учились дети разных национальностей: в Бабинской школе в 1933–1934 учебном году было 50 учащихся, среди них саамов – 11 человек, финнов – 5 человек, карелов – 3 человека, русских – 29 человек [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 31], а в Падунской школе из 74 учащихся саамов – 38, финнов – 18, русских – 13. В докладе директора этой школы Быстрова отмечено, что финские ребята все владеют саамским языком и выражают желанием заниматься саамским языком по букварю [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 31]. В «Отчете о работе по саамскому языку в Институте Народов Севера за 1933–1934 учебный год» А.Г. Эндюковским отмечено, что для слушателя саамской группы областных курсов советского строительства товарища А. Дмитриева, представителя литературного диалекта саамского языка (кильдинского), овладение техникой чтения латинизированного алфавита облегчено его хорошим знанием финского языка [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 21].

Разрозненность диалектов саамского языка была велика [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 84], что создавало трудности при создании письменности, а также в процессе преподавания саамского языка [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 36]. Отмечалось, что саамский литературный язык есть язык, строящийся при наличии резко отличающихся друг от друга диалектов [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 3].

В докладе А.Г. Эндюковского «Саамский язык в школах Мурманского округа» 1936 года читаем: «К сожалению, преподаватель товарищ Герасимов сам еще к тому времени не овладел в достаточной степени литературным саамским языком и часто вынужден был поэтому прибегать к родному для него туломскому диалекту, значительно отличающемуся от положенного в основу литературного языка кильдинского диалекта. В отдельных случаях ребята хоть и понимали, вернее, догадывались о том, что хотел сказать им преподаватель, но тут же старались поправлять его по-своему – по-ловозерски и по-кильдински» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 55. Л. 10]. «По утверждению товарища М. Анвельт, которая тоже присутствовала на занятиях преподавателя Герасимова, последний вынужден был прибегать к объяснению на русском языке, так как ученики будто бы совершенно не могли его понять (поскольку он говорил на туломском диалекте)» [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 55. Л. 11]. На различия в диалектах саам-

ского языка неоднократно указывал и А.Г. Эндюковский в своих отчетах (см., например: [100, с. 11–12]).

В методичке 1933 года «В помощь учителю, работающему с саамским (лопарским) языком» указано, что латинизированный саамский алфавит составлен на основе алфавита народов Севера (Единый Северный Алфавит. – *О.И.*), разработанного НИА ИНС и принятого I Всероссийской конференцией по развитию языков и письменности народов Севера в январе 1932 года [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Букварь З.Е. Чернякова на латинизированной основе [180] вышел в сентябре 1933 года.

Выбор кильдинского диалекта (в современной терминологии кильдинского саамского языка. – *О.И.*) в качестве опорного для создания саамской письменности определился с момента создания саамской письменности на латинской основе в 1930-е годы. По данным архивных документов, кильдинский диалект был выделен среди туломского и иоканьгского по причине наличия в районах распространения кильдинского диалекта хорошо подготовленных кадров учителей, владеющих и русским, и саамским языком. В 1930-е годы кильдинский диалект стали называть литературным саамским языком (см., например: [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1]). В литературе представлены иные точки зрения на выбор основного диалекта. Так, Г.М. Керт ссылается на мнение В.К. Алымова, который писал: «В основу литературного языка должен лечь диалект, во-первых, наиболее многочисленной и вместе с тем наиболее цельной и сильной в экономическом отношении территориальной группы, во-вторых, этот диалект должен быть непременно понятен говорящим на других, географически соседних диалектах» [65, с. 113]. На самом деле, это мнение исходит из основных принципов создания литературного (письменного) языка для малочисленных народов Севера, представленного в документах I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера [100, с. 55]. В процессе развития младописьменных языков СССР в советском языкознании сложились критерии выбора диалектной базы для того или иного литературного языка: количество говорящих на диалекте, место носителей этого диалекта в экономической, политической и культурной жизни народа, отражение в диалекте основных особенностей языка в целом (в фонетической системе, грамматическом строе и лексическом составе) [16] (см. также, например: [78, с. 106]). Кильдинский диалект, по мнению Г.М. Керта, – это диалект, представители которого занимают центральное положение на Кольском полуострове и который является более понятным для носителей нотозерского и иоканьгского диалектов, которые почти не понимают друг друга [65, с. 113–114]. Понятия же «письменный» и «литературный» язык в начале 1930-х годов были тождественны, о чем свидетельствуют, например, учебники других языков народов Севера того же периода (см., например: [31, с. 5]).

Что касается необходимости латинизированного алфавита, то архивные документы сообщают следующее: на запрос Комитета Нового Алфавита народов Севера в октябре 1935 года по согласованию с руководящими организациями округа было дано заключение о желательности сохранения действующего латинизированного алфавита. По этой же причине задержалось издание букваря, страдающего сплошь погрешностями против орфографии и невыдержанностью языка – сильной примесью туломского диалекта. Последнее обстоятельство привело к тому, что отдельные слова имеют превратное значение на литературном языке (кильдинский диалект) [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 4].

В статье Г.М. Керта отмечается, что «поскольку составители «Букваря» и других пособий сознательно стремились использовать при создании литературного языка черты всех диалектов, терялся системный характер языка и он по существу оказался «исковерканным» для всех представителей саамского населения. Это вызывало возражения как среди населения, так и среди части специалистов, занимающихся созданием письменности» [65, с. 113]. В исследованных архивных документах, однако, положительных откликов на букварь гораздо больше, чем критических. Возможно, это связано с потерей части архива или его уничтожением в связи, например, с делом о «саамском заговоре» 1938 года, когда 34 человека обвинили во вредительской деятельности и шпионаже и расстреляли, в том числе и В.К. Алымова.

Составителем словаря З.Е. Черняковым и Комитетом Нового Алфавита постоянно проводилась проверка букваря на предмет усвоения материала носителями разных диалектов – кильдинского, воронежского и мотовского «наречий». В результате проверки оказалось, что букварь в настоящем виде, несмотря на имеющиеся несовпадения по диалектам, в полной мере может обслужить вышеназванные наречия [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 6. Л. 5]. Общая оценка букваря на собраниях колхозников обычно выражалась словами: «букварь хорош» (Чапоров Петр – колхоз «Тундра»), «хорошо, не плохо» (Антонов О. – колхоз «Саамъ»), «мне понятно все из этого словаря» и т.д. Проведение занятия по букварю в Малолицкой школе показало, что букварь вполне пригоден для мотовского наречия. Наконец, проверка букваря на пулозерском говоре, произведенная научным сотрудником НИА ИНС А.Г. Эндюковским, показала пригодность его для использования в этом районе [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 6. Л. 6]; см. также: [100, с. 18]), отмечалось, что в букваре не обнаружено слов, выражений, грамматических форм и пр., препятствующих пониманию литературного диалекта [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 46; ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 42].

В «Отчете Комитета Нового Алфавита при Мурманском Окрисполкоме за 1935 год» сказано, что опыт внедрения саамской грамоты через русских (и финских) учителей, не знающих саамского языка, показал уже в

1934 году, что задача эта очень тяжелая. Основная беда в сильной текучести учительского состава [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 2].

Отмечалось, что пока еще База по изучению народов Севера не располагает работниками достаточно компетентными в саамском литературном языке. Имеющиеся в округе саами, получившие образование, – носители других диалектов, не кильдинского, и потому недостаточно владеют литературным языком. Единственный квалифицированный знаток литературного саамского языка, преподаватель Института народов Севера А.Г. Эндюковский работает в Ленинграде [ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 4об].

Проверка букваря на латинизированном алфавите выявила проблемы в освоении литературного (письменного) саамского языка. В архивных документах мы не нашли замечаний носителей или преподавателей саамского языка, но некоторые графико-орфографические трудности были обозначены. Так, на заседании Президиума Комитета Нового Алфавита от 10.03.1934 (протокол № 9) было принято решение, предложенное З.Е. Черняковым, о замене буквы Х на букву Н [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 53]. А из письма заведующей Кильдинской национальной школой (село Кола) К. Поповой З.Е. Чернякову узнаем, что большое затруднение получается с буквой h, которая в диалекте ее учеников не произносится. К. Попову волнует вопрос, «как поступать, когда придется употреблять слова, не встречающиеся в букваре, а придется их писать, писать ли их как произносят дети, или воздержаться писать их… можно ли в словарь записывать эти саамские слова и вообще употреблять их и писать на доске – не придется ли потом снова переучивать, что это слово пишется вот так, а не этак и много таких слов» [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 16а]. Трудности в записи новых слов отмечаются и в докладе заведующего Пулозерской школой товарища Тарасевича о состоянии преподавания саамского языка: «Особых трудностей в преподавании саамского языка школа не встретила, за исключением разницы в диалекте разговорной речи пулозерских саамов с букварным. Педагог затрудняется в правильном преподавании и записи новых слов саамского языка, встречающихся в разговорной речи местных саам и в практике проводится запись их по слуху» [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 36]. З.Е. Черняков впоследствии отметил: «Пусть пишут носители языка так, как разговаривают» [160, с. 76–77].

Исследователи саамского языка неоднократно высказывались за невмешательство ученых с рекомендациями о нормативности письма, утверждали, что такие рекомендации, особенно на первых порах, при формировании саамского письменного языка теоретически не оправданы (см., например: [160, с. 37, 88]). В таком случае необходимо подчеркнуть неоднократно отмечаемую исследователями разницу между письменным и литературным языком и принять здравую позицию, которая заключается в мысли о том, что «литературный язык создается не декретами ученых, а наро-

дом, выразителем которого являются поэты и писатели – носители языка» и «вместо схоластических споров, касающихся построения алфавита и т.п., следует открыть зеленую улицу саамским поэтам и писателям» [160, с. 88].

Параллельно с проверкой букваря на латинизированном алфавите в 1930-х годах шла работа по созданию и совершенствованию саамской терминологии. Так, указывалось, что отсутствием в саамском языке сельскохозяйственной терминологии объясняются трудности перевода З.Е. Черняковым рукописи Эйхфельда «Улучшим питание разведением картофеля и овощей» [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 29. Л. 35]; а А.Г. Эндюковским были собраны термины, а также названия животных, растений, орудия производства [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 42об].

Архивные документы позволили увидеть политику «языкового строительства» в действии, хотя, как мы увидели, «политика и жизнь нередко противоречили друг другу» [5, с. 17]. Для саамского языка введение латиницы в оборот было определено «сверху», причины латинизации «всей страны» описаны (см., например: [3; 4; 6; 22]. Но для саамского языка внедрение латиницы имело и свою основу. Несмотря на владение разговорным русским языком, внедрение русского письма миссионерами [1], кольским саамам не были чужды и латинские «письмена».

В архивах были найдены документы, в которых авторы сетовали на недостаточную изученность саамского языка в пределах Кольского полуострова. З.Е. Черняков, например, в письме в Центральный Комитет Нового Алфавита народов Севера сообщает, что изучением саамского языка в дореволюционной России занимались преимущественно шведские и финские ученые, например А. Генетц, и их исследования сейчас, т.е. в 1930-е годы, представляют большой научный интерес. Саамский язык по своему грамматическому строю является единым безотносительно к тому, говорим ли мы о кольско-саамском, шведско-саамском или норвежско-саамском языке. Изучение грамматик последних языков Виклунда и Нильсена для желающих освоить кольско-саамский язык, по мнению З.Е. Чернякова, обязательно. Поэтому З.Е. Черняков предлагает издать эти и другие работы, например кольско-саамские тексты Итконена или хотя бы выдержки их них [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 3]; о поддержке этого предложения см.: [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 12]. В 1934 году по исследовательской работе было намечены издания материалов по языку не только кольских, но и скандинавских саамов [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 30].

Кроме того, политика коренизации захватила не только саамов, татар и китайцев, живущих на Кольском полуострове, но и норвежцев [ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–25об]. Такое широкое распространение политики коренизации, а также лингвистические факторы (разрозненность диалектов саамского языка, близость всех саамских языков по грамматическому строю) приводила к мысли, правда, в среде зарубежных ученых, о создании некоего единого саамского языка. Современные исследователи так-

же не отрицали возможности перехода современных кольских саамов вновь на латиницу [74, с. 16; 76, с. 274] и даже на иную диалектную основу, имеющую прочные культурные позиции, – на северосаамский письменно-литературный язык [159, с. 159].

Разрозненность саамских диалектов, как мы видим из архивных документов, было основным препятствием на пути успешного осуществления политики языкового строительства при создании саамской письменности. Внедрение латиницы в принципе не представляло проблемы, хотя нарушало в какой-то степени сложившуюся языковую ситуацию, так как большинство саамов владело русским языком, хотя и не было грамотным. Кроме того, первые письменные образцы текстов были созданы на кириллице, хотя и не имели, по мнению Г.М. Керта, серьезного значения [65, с. 111]. Уже в период 1930-х годов возникла «вечная» проблема саамской письменности, как и многих языков коренных малочисленных народов Севера, – это «описание соотношения звукового строя языка и букв алфавита в такой ситуации, когда система фонем языка была установлена недостаточно точно или были допущены ошибки в определении фонемного состава отдельных слов» [30, с. 259].

На этом фоне иначе видятся современные проблемы, связанные с преподаванием саамского языка. Начиная с 1980-х годов споры вокруг разных точек зрения на орфографию этого языка не утихают. Они мешают и процессу преподавания, и процессу создания новых пособий по саамскому языку. Наверное, пришло время провести глубокое исследование фонологической системы современных саамских языков с целью выявления реального состояния и создать «орфографию, которая была бы проста для обучения, не громоздка для печати и основываться на единой системе письма» [65, с. 15; 67; 91]. Думается, что создание мультимедийных словарей самодийских языков, осуществляемое в рамках проекта под руководством Ю.В. Норманской, предполагающий представление «уникальной программы, которая позволит всем ученым, имеющим экспедиционные аудиозаписи, создавать мультимедийные словари, в рамках которой будут соединены звуковой, диалектный и этимологический аспекты словарей» (http://lingvodoc.ispras.ru/), позволит решить часть этих проблем.

2.4 Современные проблемы преподавания саамского языка

Естественной передачи саамского языка новым поколениям не существует, поскольку в семьях не говорят на этом языке. Уже несколько поколений кольских саамов утратило язык. Теперь иногда просто некому говорить с ребенком на родном языке. Даже если в семье есть представители старшего поколения, владеющие языком, то чаще всего они живут отдельно, а значит, не имеют возможности постоянно общаться с внуками.

История академического пути воспроизводства саамского языка представлена двумя периодами: до и после перестройки 1991 года.

В советское время до перестройки 1991 года всё определялось административным путем, и определенные успехи в воспроизводстве саамского языка были.

По данным А.А. Антоновой, в 1970-х годах 50% саамских детей знали родной язык [12, с. 49]. Министерством просвещения Российской Федерации было вынесено решение, что саамские дети должны изучать родной язык в школе как обязательную дисциплину, школа в с. Ловозеро получила статус «национальная», а с 1982 года появился «Саамский букварь» А.А. Антоновой [11].

В отдельных случаях наблюдался разрыв между практической необходимостью и административными путями решения проблемы. Например, в 1985 году под патронажем Российской Академии наук в московском издательстве вышел «Саамско-русский словарь» (под редакцией Р.Д. Куруч) [АФ] тиражом 1 720 экземпляров (тираж «Саамского букваря» [11] – 500 экземпляров). По мнению общественности, надо было выпускать не «Саамско-русский словарь», а «Русско-саамский словарь», потому что саамы прекрасно знают русский язык, а родного языка, наоборот, не знают [137]. Эта потребность частично была реализована в 1986 году с выходом «Саамско-русского и русско-саамского словаря» Г.М. Керта [К], хотя он был предназначен для учащихся начальных школ и не получил должного распространения.

Ситуация изменилась после 1991 года. Школу-интернат в с. Ловозеро с 160 учениками и классами по 15–16 человек ликвидировали, статус «национальная школа» сняли, в 1987 году отменили «Саамский букварь» А.А. Антоновой [11], начали появляться учебные пособия нового поколения, которые, по мнению общественности, разрушали связь поколений.

Проблема преподавания саамского языка, по мнению А.А. Антоновой, высказанному ею в интервью автору данной монографии, состоит в том, что преподаватели ориентируются на разговорный язык, не изучают грамматики.

В постперестроечный период уже не государство, а прежде всего саамская общественность стала активна в вопросах возрождения саамского

языка. Она активно предлагает меры по сохранению и ревитализации своего языка (создание языковых центров, Центра саамских знаний, кружков и курсов по изучению саамского языка).

Вопросы возрождения языка активно обсуждаются саамами и региональной общественностью на собраниях, семинарах и конференциях. В нашем исследовании мы предприняли попытку рассмотреть специфику образовательной среды саамов на примере одного из ее элементов – образовательного материала.

В доперестроечный период (советское время) развитие образовательной среды для саамского языка происходило чрезвычайно результативно.

В числе значимых событий необходимо отметить издание в 1982 году саамского букваря А.А. Антоновой [11]. Букварь был предназначен для подготовительного класса саамской школы. Изучение букв и звуков саамского языка (кильдинского диалекта) начинается со с. 23, с междометий, затем предлагается чтение таких слов, как *āка* (бабушка, старуха), на рисунках представлены предметы «книга», «лопата», «топор», «щука», ученики должны добавить буквы в саамские слова под этими рисунками.

Специфика, а вернее сказать трудность, работы с букварем А.А. Антоновой, несмотря на его необходимость и востребованность, состояла в том, что учитель, владеющий саамским языком, не имел возможности ссылаться на словари. Изданные в 1985–1986 годах словари саамского языка – «Саамско-русский словарь» (под редакцией Р.Д. Куруч) [АФ] и «Саамско-русский и русско-саамский словарь» Г.М. Керта [К] – не всегда могли помочь ученикам. Причин этому несколько: во-первых, «Саамско-русский словарь» предназначен для тех, кто знает саамский язык, интересуется проблемами саамского языка и, по словам авторов, может стать основой создаваемого нормативного саамского языка [К, с. 11]; во-вторых, «Саамско-русский и русско-саамский словарь» Г.М. Керта [К] предназначенный для учащихся начальных школ, не получил должного распространения; в-третьих, в букваре не учтено наличие графических и лексических вариантов слов. Например, слово *книга*, которое предложено ученикам в букваре А.А. Антоновой [11, с. 24] в составе 5 букв (*к…а*), в словаре под редакцией Р. Куруч имеет вид *кнӣга* [АФ, с. 112], а в словаре Г.М. Керта – *кыррьй* [К, с. 165].

В целом, букварь А.А. Антоновой был построен по образцу советских букварей и по оформлению, и по содержанию. С каждой буквой расширяется объем лексических единиц, фраз и текстов на саамском языке. Тексты содержат рассказы о школе, Советской Армии, могиле Неизвестного солдата в г. Москве, праздниках, о космонавтах, Ленине и т.д. [11, с. 102–127].

Букварь А.А. Антоновой активно использовался в средней школе в тот период, когда Министерством просвещения Российской Федерации бы-

ло вынесено решение, что саамский язык должен быть обязательной дисциплиной в с. Ловозеро в школе, которая получила статус «национальная».

В 1987 года букварь А.А. Антоновой отменили, статус «национальная» был снят со школы в с. Ловозеро. Вместо букваря А.А. Антоновой появились другие учебные пособия. Их создателями явились преподаватели саамского языка и его носители, в том числе Н.Е. Афанасьева, Е.И. Мечкина, Р.И. Яковлева. Это книги другого методического уровня. Так, в издании «Северное сияние. Саамский язык в картинках» [134] представлены темы «Школа», «Семья», «Игрушка», «Детские игры», «Одежда и обувь», «Гигиена», «Дикие животные», «Птицы», «Весна», «Лето», «Город» и т.д. Из 120 страниц пособия 83 страницы – это рисунки, с 84-й страницы представлен тематический саамско-русский словарь. Таким образом, пособие представляет собой не совсем обычную для школьного учебника разработку и требует хорошей подготовки учителя как в языковом, так в методическом отношении. В учебной книге (тетради) для 2 класса «Саамский язык» [128], например, представлен саамский алфавит и упражнения по развитию связной речи. Задания формулируются на русском языке (слушайте, выберите нужный рисунок, смотрите и рассказывайте, составьте по каждому рисунку рассказ из 3–5 предложений, составьте диалоги по рисункам, читайте и запоминайте). Словаря для использования учениками в пособии нет.

В 2014–2015 годах нами были проведены полевые исследования с целью проанализировать ситуацию с преподаванием кильдинского саамского языка.

В 2014 году в с. Ловозеро в Национальном культурном центре курсы саамского языка вела Валентина Кириллова. В интервью В. Кириллова сообщила, что начала преподавать язык с 2008 года. Но в 2008 году попытка создать курсы саамского языка была не очень успешной в связи с реорганизацией Национального культурного центра. В 2013 году государство выделило квоту на создание спецкурса саамского языка. По специальности экономист, В. Кириллова долгое время работала на Кольском саамском радио, готовила материалы на саамском языке, все ее родственники владеют языком, и она решила преподавать саамский язык. В 2014 году при Национальном культурном центре существовало 2 группы: одна – для сотрудников центра, а другая – для остальных желающих изучать саамский язык. Поскольку большинство сотрудников Национального культурного центра не владеют языком, то необходимость создания этой группы была очевидна. Эта группа состояла из 12 человек. Другая группа, ориентированная на местное население, состояла из 6 человек. В нее входили разные возрастные категории: 2 женщины на пенсии, студентка, 3 детей школьного возраста (ученики 4 класса Ловозерской школы).

В интервью с В. Кирилловой, проведенном в марте 2014 года, она сообщила основные принципы своей педагогической деятельности. В. Ки-

риллова отметила, что, несмотря на достаточное количество учебных пособий для начальной школы, она работает по собственной программе. Программа В. Кирилловой состоит из нескольких разделов: изучение грамматики и лексики, особое внимание преподаватель уделяет разговорной речи, так как «можно долгое время изучать слова, грамматические материалы, но это все будет бесполезно и, можно сказать, бессмысленно без «живого» человеческого общения». Для В. Кирилловой важно, чтобы саамский язык был «живым», то есть языком, «на котором люди способны вступать в диалог и обсуждать определенные темы». В фонетике преподаватель особое внимание уделяет сонорным звукам кильдинского диалекта саамского языка. В своей программе В. Кириллова лексику разделила на несколько частей: базовые фразы приветствия, прощания, а также тематических категорий: одежда, предметы мебели, быт, транспорт, школа и образование, животные. В. Кириллова отмечает, что она сторонник индивидуального подхода в преподавании языка. Желание изучать саамский язык в настоящее время, по мнению В. Кирилловой, связано с национальным самоопределением, со стремлением не забывать о своих исторических корнях и традициях.

В ноябре 2014 года нами была проанализирована ситуация с изучением кильдинского саамского языка в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении «Ловозерская средняя общеобразовательная школа», которая является единственным средним образовательным учебным заведением в России, в котором осуществляется систематическое преподавание языка саамского этноса для учеников начальной школы.

Исследование проводилось методом группового сплошного очного анкетирования с закрытыми альтернативными вопросами. Были опрошены 9 учеников 1 класса, 5 учеников 2 класса, 3 ученика 3 класса, 3 ученика 4 класса и 1 учитель саамского языка Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Ловозерская средняя общеобразовательная школа». Кроме того, были проведены анализ методических разработок учителя саамского языка Ловозерской средней общеобразовательной школы Р.М. Рахманиной, а также экспертное интервью с учителем Р.М. Рахманиной.

Экспертное интервью, проведенное в марте 2015 года с учителем саамского языка Ловозерской средней общеобразовательной школы Р.М. Рахманиной, определило цель и задачи преподавания саамского языка, а также конкретное содержание занятий.

Роза Михайловна Рахманина, носитель кильдинского диалекта саамского языка, выпускница Института народов Севера РГПИ им. А.И. Герцена, учитель первой категории, всю жизнь живет в с. Ловозеро и знает саамский язык с детства. Ее родители, оленеводы, говорили дома на саамском языке, брали ее на каникулы к себе в оленеводческую бригаду. Стаж ее педагогической работы 22 года, саамский язык преподает в школе с 2010 года.

Анализ интервью с Р.М. Рахманиной показал, что краеведение в учебном плане средней общеобразовательной школы в с. Ловозеро уже не представлено, а часы на национально-региональный компонент «уходят» на другие предметы. Саамский язык ведется как кружок за счет часов дополнительного образования. В 1 классе саамский язык изучает 9 человек, а со 2 по 4 класс – 12 детей. Саамский язык изучают только дети саамов по желанию родителей 1 час в неделю. В 1 классе такой кружок возможен за счет группы продленного дня, со 2 класса такой группы уже нет, кружок проходит за счет второй половины дня учащихся. Кроме средней общеобразовательной школы, саамский язык в с. Ловозеро можно изучать в Национально-культурном центре (преподаватель – В.А. Кириллова). Раньше была группа по саамскому языку в детском саду, но сейчас уже нет. Есть фольклорный кружок «Елле» (6–8 детей), которым руководит А.В. Васильева.

Программа кружка, по которой работает Р.М. Рахманина, утверждена на заседании методического объединения школы в 2014 году, предназначена для учащихся 1–4 классов, является авторской и включает в себя следующие темы: Новый саамский алфавит; Знакомство с саамским букварём под редакцией А.А. Антоновой; Обучение правильному произношению всех звуков саамского языка; Школа; Особенности употребления предлогов в саамском языке; Семья; Посуда; Еда; Саамские сказки; Саамские загадки; Саамские пословицы и поговорки; Саамские песни; Саамские национальные игры; Дикие и домашние животные; Игрушки.

Цель кружка – расширить представление о культурно-историческом наследии Кольского Севера, привить интерес к изучению саамского языка, а его программа учитывает региональный компонент и направлена на патриотическое воспитание подрастающего поколения и привитие интереса к истории народа, его культуре и языку коренного населения, как указано в пояснительной записке.

Анкетирование, проведенное среди учеников 1–4 классов Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Ловозерская средняя общеобразовательная школа» в ноябре 2014 года, показало, что почти всем из 20 детей занятия по саамскому языку нравятся: 1 ответил, что занятия по саамскому языку ему не нравятся, 2 человека ответили, что эти занятия им не очень нравятся. С радостью идут на эти занятия 13 детей (65%), а если бы учитель сказал, что завтра на занятия по саамскому языку приходить всем не обязательно, то 8 человек все равно пошли бы на занятие (40%). 6 ученикам не нравится, когда занятия по саамскому языку отменяют (30%), а 5 ребятам хотелось бы иметь домашние задания по саамскому языку (25%). Часто рассказывают о своих занятиях по саамскому языку 6 человек (30%), а 17 ученикам (85%) нравится учитель по саамскому языку.

Те, кто более положительно и эмоционально относится к занятиям по саамскому языку, – это, конечно, ученики 1 класса. Ребята, изучающие са-

амский язык, кроме саамского, больше всего любят такой предмет, как русский язык, считаются «хорошистами», но хотели бы быть отличниками. Важный факт, что среди опрошенных детей, уже изучающих саамский язык, 67% не хотели бы иметь саамский язык обязательным школьным предметом, а 21% хотели. Причинами изучения саамского языка ребята указали следующее: «родители заставляют» (37%), «учителя заставляют» (34%), «в школе есть предмет» (24%), «сам хочу» (5%). 42% учеников любят на занятиях саамского языка песни, 29% – стихи, 10% – учителя, 9% – сам язык. 63 % учеников хотят научиться говорить, писать, читать на саамском языке. Знаменательно, что 53% анкетируемых хотят быть оленеводами, 29% – путешественниками, 8% – переводчиками с саамского языка, 3% – учителями саамского языка.

Анкетирование учителя саамского языка Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Ловозерская средняя общеобразовательная школа» Р.М. Рахманиной выявило ее позиции по отношению к преподаванию этого языка в школе. Р.М. Рахманина считает, что преподавание саамского языка должно быть обязательным, что необходимо ввести новую педагогическую специальность «Саамский язык», чтобы готовить квалифицированных педагогов для средних учебных заведений и вузов, что преподавание саамского языка должно быть интегрированным с обязательными дисциплинами (саамской литературой, историей саамов, изучением животных, которые являются основными в саамских промыслах и т.д.). Главными задачами занятий по саамскому языку Р.М. Рахманина считает следующие: развитие коммуникативных способностей личности и умений выражаться на саамском языке, получение знаний по истории саамского народа, развитие чувства национальной идентичности, хотя считает, что задач может быть намного больше и необходим комплексный подход, который способствует получению устойчивых языковых навыков.

Изучение и преподавание саамского языка осложняется несколькими факторами. Во-первых, саамский язык на территории Кольского полуострова представлен 4 языками (диалектами). Кильдинский саамский язык – самый распространенный, но и другие кольско-саамские языки имеют право на сохранение и возрождение академическим путем (то есть путем изучения в учебных заведениях). Во-вторых, неустоявшаяся графическая система, неутихающие споры вокруг обозначения специфических для саамского языка звуков не позволяет создавать пособия, с которыми все носители саамского языка были бы согласны. Этим в том числе объясняется необходимость (и желание) каждого преподавателя саамского языка создавать собственные разработки, а не пользоваться какой-то одной из уже имеющихся. В-третьих, дискуссионным остается вопрос, чему учить, – разговорному языку, позволяющему общаться в быту, или преподавать систематический курс, включающий курс грамматики саамского языка. В-четвертых, отсутствие необходимых часов в учебных планах школы не дает возмож-

ность сделать саамский язык обязательным, а при соблюдении принципа добровольности ученики ориентируются на согласие (желание) родителей, да и то только ученики начальных классов. На вопрос, почему не хотят изучать саамский язык ученики среднего и старшего звена, учитель, завуч и директор Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения

«Ловозерская средняя общеобразовательная школа» ответили, что нет возможности общаться на этом языке. И это пятый фактор, осложняющий изучение и преподавание саамского языка. Разговорные навыки саамского языка могут, по мнению учителей, пригодиться только в семье, хотя можно, например, давать «SMS-ки» на саамском языке. Рассмотрение образовательного материала как компонента образовательной среды позволяет определить возможность для саморазвития личности, в том числе для сохранения их этнической самоидентификации. В результате анализа основных учебных пособий в разные исторические периоды можно сделать вывод о тенденции усиления индивидуализации программ и процесса обучения, создания авторских программ, недостаточного внимания к формированию словарных разработок.

2.5 Выводы по главе

Размышления над фактами создания саамской письменности и современными проблемами его преподавания позволяют вернуться к дискуссии относительно коренных северян, которая велась в СССР в 1920-е годы. Суть ее состояла в споре между «консерваторами» и «радикалами».

«Радикалы» защищали культуру и образ жизни северян от внешнего влияния, а «консерваторы» ставили классовые понятия выше национальных (см. об этом: [33, с. 21–24]). Прошло более 90 лет, а вопрос остается прежний: чью сторону принять? На разных этапах развития саамского социума эти проблемы то обостряются, то затихают, но никогда не исчезают. Но вопрос о том, сохранять или не сохранять саамский язык, на наш взгляд, не имеет права на существование, потому что желание изучать саамский язык и учить саамскому языку есть в саамском сообществе.

В 1920-х годах для многих языков Севера были созданы письменные языки. Политика того времени получила название коренизации, то есть введние представителей коренной национальности в состав органов управления на соответствующей территории [103, с. 199]. Советское государство в 1920–1930-е годы активно поддерживало языковые маеньшинства. В последующие годы политика государства изменилась: увеличивалось количество часов на преподавание русского языка, а русский язык признавался выразителем «высокой» культуры [54, с. 48–49].

Для кильдинского саамского языка проблема возрождения непосредственно связана с двумя факторами: саамская письменность и преподавание. Поскольку передача языка в семьях стала практически невозможной, надежда возлагается на академический путь преподавания. Но для определения принципов преподавания необходима устоявшаяся графическая система. А этот вопрос пока «застрял» на середине пути и является предметом ожесточенных споров (см.: [7]).

ГЛАВА 3. СААМСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

3.1 Общие положения

Одной из заметных тенденций современной лексикографии является обращение к пользователю словаря. Учет его потребностей, интересов и опыта соответствует современным требованиям к лингвистической науке вообще. Антропоцентрическая тенденция в развитии современной научной мысли, а также когнитивный подход к языку предполагают обращение к человеку как носителю данного языка и культуры. Идея о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [61, с. 7], в практической лексикографии приобретает особое значение и обращает исследователей в области теории лексикографии к проблеме «словарь и культура». Чрезвычайно актуальной эта проблема становится по отношению к словарям языков коренных малочисленных народов, в частности умирающих языков, к каковым относится язык саамов.

«Поворот» к пользователю в современной практической лексикографии совершился. В.П. Берков выделяет два принципа в работе над двуязычным словарем: максимум информации на минимуме места без ущерба для интересов пользователя и максимальный учет интересов читателя [26, с. 13]. Не случайно типологию словарей иногда связывают с типами читательских запросов к ним.

Наш анализ 145 отечественных и зарубежных словарей показал, что если в основу классификации словарей положить принцип учета уровня знаний пользователя и его запросов, то можно говорить о когнитивно-коммуникативном подходе к классификации словарей [56].

Думается, что традиционное разделение словарей на лингвистические и энциклопедические следует рассматривать шире – как разделение на лингвистические и нелингвистические. Как известно, энциклопедический словарь дает полное описание предметов и явлений, объясняет их строение и назначение. Лингвистические словари дают сведения о словах, то есть об их значениях и употреблениях.

Понятие «нелингвистические словари» шире понятия «энциклопедические словари» не только по объему, но и содержит принципиально иное основание для разделения.

Деление словарей на лингвистические и нелингвистические может быть основано на признаке форма/содержание, где форма – это слово во всей совокупности его грамматических характеристик, а содержание – это значение и смысл этого слова. По Ю.С. Степанову, «значение слова – это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а концепт – это смысл слова»

[139, с. 44]. Если предмет (реалия) – элемент материальной культуры, то концепт – элемент духовной культуры.

Концепт как элемент духовной культуры является объектом культурологических словарей. Реалия как элемент материальной культуры может быть объектом культурологических, страноведческих и энциклопедических словарей.

Для лингвистических и нелингвистических словарей, в свою очередь, ориентация на наличие/отсутствие знаний носителя языка/культуры, может быть основанием для дальнейшего разделения (имеется в виду пользователь-неспециалист).

Так, лингвистические словари в зависимости от пользователя-носителя/не-носителя языка/культуры представлены типами одноязычные – двуязычные. Одноязычные словари (толковые, фразеологические, синонимов и т.д.) предназначены для пользователя-носителя языка/культуры и призваны удовлетворять его потребность в углублении уже имеющихся знаний о слове.

Двуязычные словари удовлетворяют потребность пользователя – не-носителя языка/культуры в получении такого знания.

Нелингвистические словари в зависимости от ориентации на пользователя объединяются в две группы: энциклопедические и культурологические словари (ориентация на знание носителя языка/культуры) и страноведческие словари (ориентация на знание не-носителя языка/культуры).

Критерии деления словарей определяют критерии отбора слов в словнике и информации в словарной статье.

Страноведческий словарь отличается от энциклопедического объектом описания: в энциклопедическом словаре – это понятия и персоналии из всех областей знания, в том числе из гуманитарной (истории, социологии, этнографии, религии, из области искусства) независимо от принадлежности той или иной культуре, тому или иному народу, той или иной стране; в страноведческом словаре объектом описания являются понятия и персоналии, принадлежащие одной стране, культуре, народу. Лингвострановедческий словарь совмещает в себе признаки разных словарей: лингвистического (толкового, переводного, терминологического) и нелингвистического (в данном случае – страноведческого), а его автору отведена роль «посредника» между двумя социокультурными общностями.

Таким образом, назначение лингвострановедческих словарей – знакомство с культурой страны через описание значений лексических и фразеологических единиц, а их адресат – изучающий язык.

Под словарем культуры, или культурологическим словарем, может подразумеваться и энциклопедический словарь (если речь идет о разных странах), и страноведческий словарь (если речь идет об одной стране).

В лексикографии нет единства в понимании термина культурологический словарь. В зарубежной лексикографии существует тип словарей под

названием cultural dictionary, который является собирательным термином для обозначения справочников (reference works), которые являются как результатом культурной практики (cultural practice), так и посредниками по ее распространению (agents of its promotion) [174, с. 50].

Авторы «Лексикографического словаря» Р. Хартман и Дж. Джеймс [174] понимают термин культурологический словарь широко. По их мнению, в состав культурологических словарей входит Longman Dictionary of English Language and Culture [176], цель которого, как пишут авторы, «помочь изучающим английский язык понять слова и фразы, представляющие полную картину жизни англоговорящих стран и их культуру[4]» [176, с. F7]. Для этого в текст словарной статьи вводится Cultural Notes, которые «дают детальную информацию о словесных ассоциациях, возникающих у носителей английского языка[5]» [176, F27]. Это культурологический словарь страноведческого типа. Он предназначен для не-носителей языка (изучающих язык).

Наряду с Longman Dictionary of English Language and Culture [176] в качестве культурологического назван и Dictionary of Cultural Literacy [173], в основу которого положен принцип «минимума культурной грамотности» американцев и который представляет сведения о реалиях разных стран. Это культурологический словарь энциклопедического типа. Он предназначен для носителей языка и фиксирует необходимую для каждого «культурного» человека информацию. В русской лексикографической практике статус культурологических словарей не определен.

Появившийся в последнее время в российской учебной литературе термин «лингвокультурологические словари» по своему содержанию мало чем отличается от термина «культурологический словарь». Если «культурологическими словарями называют словари и справочники, посвященные как специфическим явлениям материальной и духовной культуры, так и соответствующим реалиям и концептам, рассмотренным в их развитии, изменении» [164, с. 198], то лингвокультурологические словари определяют как результат интегрирования различных областей гуманитарного знания, представление в лексикографической форме содержания культурных феноменов. Подчеркивается значимость в этих словарях энциклопедической информации и выявление семантического потенциала слова, аккумулирующего культурную память. Среди культурологических словарей, форма которых отличается особой вариативностью, выделяются и справочники, подготовленные историками и этнографами XIX века, и словари быта и культуры, составленные в наше время. Состав лингвокультурологических

---

[4] “to help students of English to understand the words and phrases that make up the complex fabric of English-speaking life and culture” (перевод здесь и далее наш. – *О.И.*).

[5] “gives detailed information about the associations that words have for native speakers of English”.

словарей ограничен только изданиями современных авторов. Среди них называются «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Скляревской [135], «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова [139], «Словарь культуры XX века» В.П. Руднева [124] и др.

Как показал анализ, культурологические словари в отличие от страноведческих ориентированы на знания пользователя – носителя языка и могут иметь объектом лексикографирования реалии и концепты.

Культурологические словари концептов в русской лингвистике представлены словарем Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [139]. Словари реалий представляют предметы материальной культуры. Культурологические словари реалий должны, как и энциклопедические, удовлетворять потребность носителя языка в углублении уже имеющихся знаний, но они отличаются от энциклопедических словарей тематическим принципом подачи материала.

Как неоднократно отмечалось, словарь играет огромную роль в духовной культуре народа. Словари выполняют различные социальные функции: информативную, коммуникативную и нормативную [40, с. 462]. Основное назначение словаря любого типа как дидактического произведения – устранить расхождение между знанием индивидуальным и знанием всего коллектива [118, с. 309]. История словарного дела показывает, что информативная функция преобладала в первых словарях: «глоссарии» поясняли непонятные для читателя слова. Позднее актуализировалась нормативная функция словарей. Коммуникативная функция, свойственная всем типам словарей – одноязычным и двуязычным, в последние десятилетия обрела особую значимость, в том числе в связи с развитием лингвострановедческой лексикографии. Эти словари играют важную роль в решении вопросов межкультурной коммуникации, так как представляют не только факты материальной культуры, но и «актуальное языковое сознание» носителей языка, систему его ценностей.

Роль двуязычного словаря в познании чужой культуры также трудно переоценить. Как известно, назначение двуязычного словаря – удовлетворять потребность создавать и понимать тексты на чужом языке.

Функции современного двуязычного переводного словаря невозможно ограничить коммуникативной функцией, если видеть ее суть в том, чтобы давать читателям необходимые слова родного или чужого языка.

В связи с этим сущность и функции двуязычного переводного словаря могут быть переосмыслены. Двуязычный словарь дает возможность пользователю не только получить сведения о лексике и грамматике другого языка, но и через систему вербализованных понятий приобщиться к иной культуре, иному видению мира, а значит, к результатам отражения языком объективной действительности, результатам познавательной деятельности человека в данном культурном сообществе.

В этом смысле можно говорить об особой онтологической сущности двуязычного переводного словаря.

Кроме того, двуязычный словарь как орудие перевода должен прежде всего удовлетворять потребность общения между людьми, разделенными лингвоэтническим барьером, под которым авторы понимают препятствие не только в виде отсутствия общего языка, но и в расхождении национальных культур. В этом смысле можно говорить об особой гносеологической функции двуязычного переводного словаря. Гносеологический аспект лексикографии как научной дисциплины Б.Ю. Городецкий видит в сущности словаря как способа организации и представления знаний, накопленных обществом [44, с. 9].

3.2 Проблемы составления словарей саамского языка

Для какого пользователя создается словарь лексики исчезающего языка? Теория лексикографии разграничивает словари активного и пассивного типов. Для Л.В. Щербы, например, было очевидно, что для каждой пары языков нужно два объяснительных (толковых) иностранно-национальных словаря – для русских с объяснениями на русском языке, а для иностранцев – на их соответственных языках. Эти четыре словаря для каждой пары языков дали бы, по мнению Л.В. Щербы, возможность читать и понимать иностранные книги, а также познакомиться с истинной физиономией иностранных слов [166, с. 7]. Деление двуязычных словарей на словари активного (русско-иностранный для русского пользователя, например) и пассивного (иностранно-русский для русского пользователя) типа определяет их задачи.

Если словарь лексики саамского языка двуязычный, то его пользователь должен владеть хотя бы одним из языков – русским или саамским (в нашем исследовании речь идет о саамских языках Российской Федерации). Но пользователь такого словаря, носитель саамской культуры, в большинстве случаев не владеет саамским языком. В содержании дефиниции словарей коренного малочисленного народа, как наши [ИБ; ИЭ; ИМ], отражен обыденный уровень познания. Основой обыденного познания является непосредственный личный опыт каждого, поэтому это познание носит более субъективный по сравнению с научным познанием, более индивидуализированный характер. Но в таком подходе есть и преимущества – это богатство решений и широта поиска. В словаре лексики саамского языка как раз и отражен такой опыт: в ситуации отсутствия живой разговорной среды, условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка – материальной и духовной культуры естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировал только такое знание.

Наши полевые исследования саамского языка показали, насколько разными могут быть знания о реалии у носителей саамского языка. При сравнительном анализе данных полевых исследований и словарей саамского языка Г.М. Керта [К] и под ред. Р.Д. Куруч [АФ] отмечаются, например, некоторые расхождения в возрастных границах, которые определяют на-

именование оленя. Ср.: *вундел* – вонделка двух лет [ЮА] и *вуннял* – вонделка, важенка трёх лет, *воджемь* – молодая важенка трех-четырёх лет [ЮА] и *ваджь* – важенка трёх-шести лет, отелившаяся один раз [71, с. 54], *важь* – важенка (трёхгодовалая оленья самка после первого отёла) [АФ, с. 33]. Причины таких расхождений объяснить пока не представляется возможным.

Под принципами лексикографирования в словарях лексики духовной и материальной культуры кольских саамов [ИБ; ИЭ] понимаются принципы отбора слов и принципы построения словарной статьи.

Принципы отбора слов. Для словарей разных типов отбор слов осуществляется на разных основаниях и подчас является очень сложной задачей. Каждый составитель словаря сталкивается с вопросом об объективных критериях такого отбора. Критерии отбора слов в словари различных типов определяются потребностями пользователя. Назначение словарей лексики духовной и материальной культуры кольских саамов – знакомство с духовной и материальной культурой саамского этноса через описание значений лексических единиц кильдинского саамского языка.

Следовательно, отбор слов в словник такого словаря будет производиться по принципам специфичности и тематической принадлежности.

Принцип тематической принадлежности означает, что в группу будут включены слова, которые имеют в лексическом значении семантический компонент данной тематической направленности. Например, *почень* – пояс особого устройства и формы, использовали при волхованиях, лечении больных. Компонент «использовали при волхованиях, лечении больных» обнаруживает тематическую связь с группой слов «Лексика верований», так же как и компонент «важнейшее орудие охотничьей магии» в следующем примере: *чуэрвь-гарты* – рога диких оленей, важнейшее орудие охотничьей магии в период, предшествовавший приручению дикого оленя. Компонент «для управления оленьей упряжкой» позволяет отнести слово *харя* – хорей (шест длиной около трех метров, диаметром 3–4 см для управления оленьей упряжкой) группе «Лексика упряжно-нартенного оленеводства», а компонент «шкура с ноги оленя» обусловливает принадлежность слова коаммас – койба (шкура с ноги оленя) к группе «Лексика выделки шкур». Слово *воаԛԛк* – нырило (приспособление для подледного лова рыбы: длинная узкая доска с заостренным концом и отверстием на другом конце для продевания веревки сети; доску проталкивают от проруби к проруби и протягивают сеть) относится к группе «Лексика подледного рыболовства» за счет наличия в его лексическом значении компонента «приспособление для подледного лова».

Принцип специфичности означает, что в словник данных словарей необходимо включить слова, которые характерны только для данного этноса. Например, подобную специфичность в нашем материале имеют слова религиозного содержания (дохристианских верований). Так, у саамов су-

ществовало поклонение сейдам[6]. Лексика оленеводства также является специфичной для саамской культуры. К характерным чертам саамского оленеводства относится, к примеру, применение однополозных лодкообразных саней с одним упряжным оленем, называемых *кӗресь* и вьючного седла из дерева – *вāгк*. Однако специфичность реалии не всегда обозначает ее уникальность для данной культуры. В теории лексикографии есть на этот счет разные мнения. Так, в послесловии к лингвострановедческому словарю «Франция» группы реалий, представленных в этом словаре, классифицированы следующим образом: 1) реалии, которые наличествуют во французской культуре и отсутствуют в русской культуре; 2) реалии, которые наличествуют в обеих культурах, но различаются каким-либо признаком (с точки зрения организации, функции и т.д.); 3) реалии, имеющие интернациональный характер, но отличающиеся при этом национальным наполнением [155, с. 1029–1030]. Анализ словника «Франции» показал, что здесь, вопреки традиционному представлению о лингвострановедческом словаре, представлены реалии, разные по «степени» национальной специфичности. Конечно, говорить о специфике национальных образов достаточно трудно, для этого нужен широкий круг исследований разных культур.

Нам показалось разумным ввести в словник «Словаря духовной культуры кольских саами» [ИБ] слова группы «Лексика христианских верований», хотя кольские саами восприняли христианство, это не их исконная религия, а значит, говорить о специфической религиозной христианской лексике саами затруднительно. Тем не менее это часть духовной культуры коренного народа Севера, своеобразной арктической культуры, поэтому любой ее элемент по определению должен содержать компонент уникальности, в том числе и лингвистический. Например, названия Творца – Бога (*Осподт*, *Иммель*).

Особую группу культурно-коннотированной лексики составляют имена собственные. В саамской культуре многие имена имеют фоновый потенциал: это прежде всего имена собственные, связанные с дохристианскими верованиями (*Мяндаш, Мяндаш-пырре, Мяндаш-вежа, Мяндаш-каб, Мяндаш-парнь, Конньт-акка, Луот-хозик, Разиайке, Рухтнас, Каврай, Тиирьмесь, Аккрува, Мец-хозяин, Пырт-хозяин*), и названия праздников (*Сāмь пӗйив* – День саамов, 6 февраля; *Сāмь сань пӗйив* – День саамского слова, 24 мая; *Пудзэ ляшкант* – Имание оленей (праздник, который был связан с периодом, когда у оленей начинался гон)). *Принципы построения словарной статьи*. Включение культурной информации в корпус словарей лексики кольско-саамского языка предполагает не только отбор лексики в его словник, но и особое ее представление в словарной

[6] Сӗйид – священный культовый объект, в котором живет почитаемый дух (камень, скала, дерево, ствол и др. природные явления) [АФ, с. 268]; сейд – «священный камень», божество, предмет древнего саамского культа [ГС, с. 89].

статье в виде культурологического комментария к переводному эквиваленту.

Представление культурной информации в словарной статье любого типа словаря затруднено в том числе и потому, что до сих пор не решен вопрос о сущности и структуре словарной дефиниции. Словарные определения (описательные, синонимичные, антонимичные, функциональные, трансформационные и отсылочные и др.) как способ представления структуры лексического значения и виды толкования слов (определения, иллюстративные примеры, графические иллюстрации, этимологические справки и перевод иноязычного слова) как приемы этого толкования обсуждаются в лингвистических исследованиях (см., например: [191]). Нас интересует не тип дефиниции по форме (они достаточно подробно изучены), а содержание дефиниции. Под содержанием определения понимается набор признаков предмета/понятия. В лингвистической литературе в первую очередь обсуждаются принципы отбора признаков, подлежащих учету в словарной дефиниции: существенность, достаточность, полнота. Как известно, место дополнительных сведений в словарной статье различно: они могут быть выделены в особую зону и включены в комментарий или использованы в виде элементов описания в толковании. Критериев, определяющих местоположение таких сведений, не существует, поэтому в словарях это местоположение определяется интуицией автора

Часто трудно провести границу между толкованием лексического значения слова и дополнительными сведениями о реалии, которые входят в состав комментария. Если информацию о слове можно назвать лингвистическим комментарием, то информация о понятии/реалии, по нашему мнению, включена в комментарий различного типа: фактический и культурологический.

Фактический комментарий соответствует уровню описания научного понятия (элемента, процесса, исторического факта, биологического существа, факта общественной жизни и т.д.). Ему свойствен объективизм, точность, конкретность. Ярким примером описания научного понятия являются дефиниции к терминам как в специальном словаре, так и в энциклопедическом и толковом. Признаки предмета, актуализированные в фактическом комментарии, чаще всего совпадают с его признаками, представленными в энциклопедическом словаре.

Культурологический комментарий отличается от фактического наличием информации, которая имеет отношение к носителю языка (функции предмета не в природе, а по отношению к человеку, использование человеком, применение в человеческой практике и т.д., то есть роль предмета в культурной жизни).

Содержание комментария определяется несколькими факторами, в том числе типом лексики, назначением словаря, а для двуязычного словаря еще и разницей культур.

Так, в «Словаре лексики духовной культуры кольских саами» [ИБ] представлены слова духовной культуры, поэтому комментарий содержит прежде всего описание традиций, обрядов и ритуалов. См., например, комментарий к слову *почень*: пояс напоминал бубен, когда он лежал на ровном месте и в свернутом виде. Пояс-почень был сделан из черной полосы кожи, длинной в обхват талии среднего человека, шириной около $^1/_4$ аршина; сверху он был обшит суконными лентами трех цветов: верхняя лента была желтого цвета; средняя – любимого цвета саами красного цвета; нижняя – черного цвета; по полосам была вышивка из бисера разных цветов; сзади пояса было три медных кольца. При обрядах лопарь-кебун надевал пояс-почень на себя и в нем пророчествовал или лечил больных. При лечении пояс три раза обносили около поясницы больного, но больному не надевали. После третьего обноса пояса больной ударял кебуна 3 раза ладонью правой руки по спине и говорил ему: «Будьте у тебя глаза светлые, ноги крепкие, чтобы ты лучше помог мне». Кебун отвечает: «Завтра же все узнаешь». На ночь перед сном кебун одевает пояс на себя и ложится спать; во сне он должен увидеть судьбу больного [ИБ, с. 75].

Подобный комментарий включает в себя описание признаков реалии – ее внешнего вида (пояс напоминал бубен, когда он лежал на ровном месте и в свернутом виде. Пояс-почень был сделан из черной полосы кожи, длинной в обхват талии среднего человека, шириной около $^1/_4$ аршина; сверху он был обшит суконными лентами трех цветов: верхняя лента была желтого цвета; средняя – любимого цвета саами красного цвета; нижняя – черного цвета; по полосам была вышивка из бисера разных цветов; сзади пояса было три медных кольца); ее функцию (при обрядах лопарь-кебун надевал пояс-почень на себя и в нем пророчествовал или лечил больных), описание обряда (при лечении пояс три раза обносили около поясницы больного, но больному не надевали и т.д.).

Комментарий к слову чуэрвь-гарты может включать в себя лингвистический комментарий (*чуэррьв (чуэрьв)* – «рог») [АФ, с. 407; К, с. 109]; слово «гарты», возможно, имеет русское произношение, в саамском языке наличествует лексема *гоаррь (гоарь)* – «сторона, по направлению к кому-; чему-; за» [АФ, с. 75; К, с. 28]; возможно, значение слова – «по направлению рогов, вслед за рогами»), переходящий в комментарий культурологический (этот способ колдовства состоял в следующем: облюбовав себе место в районе охотничьих владений селения, охотник сносил сюда рога убитых им оленей и ставил в два параллельных ряда так, как рога должны были стоять у бегущих друг за другом оленей. Таким образом как бы указывался путь диким стадам, которые должны были следовать за рогами и так приручаться. Унесенная тестем лобная кость с рогом из чуэррьв-гарта зятя влекла за собой перемещение стад диких оленей вслед за костью (см.: [36, с. 73]). В «Словарь лексики традиционных хозяйственных занятий» [ИЭ] вошли слова материальной культуры, поэтому комментарий содержит опи-

сание реалий, связанных с традиционными саамскими хозяйственными занятиями. Например, комментарий к наименованию морской сети для ловли семги – *лӯсс хāррьв*: наиболее распространенным орудием лова служил особый вид ставных сетей – крупноячеистые гарвы, которые вязали из толстых покупных ниток и так же, как и сетки, окрашивали ольховой или березовой корой в красный цвет. От обычных сетей они отличались большими размерами и более крупной ячеей (5×5 см и более – до 10×10 см). Длина гарвы составляла обычно от 20 до 30 м, а высота – около 4 м. Ставили гарвы поперек течения реки, прикрепляя к вбитым в дно кольям. Рыба, поднимавшаяся вверх по течению на нерест, запутывалась в ячеях расставленных гарв (причем попадала только крупная рыба). Проверяли сети каждые 6 часов, так как при более длительном нахождении рыбы в сетях она портилась [94, с. 40]. К признакам реалии, описанным в комментарии, относится ее внешний вид (крупноячеистые гарвы, которые вязали из толстых покупных ниток и так же, как и сетки, окрашивали ольховой или березовой корой в красный цвет. От обычных сетей они отличались большими размерами и более крупной ячеей (5×5 см и более – до 10×10 см). Длина гарвы составляла обычно от 20 до 30 м, а высота – около 4 м), способ применения (ставили гарвы поперек течения реки, прикрепляя к вбитым в дно кольям; проверяли сети каждые 6 часов, так как при более длительном нахождении рыбы в сетях она портилась) и принцип действия (рыба, поднимавшаяся вверх по течению на нерест, запутывалась в ячеях расставленных гарв (причем попадала только крупная рыба)).

Набор признаков реалии часто определяется типом словаря. Познакомить читателя с культурой другой страны – задача страноведческих (лингвострановедческих) словарей; передать богатство и своеобразие родной культуры – задача культурологических (лингвокультурологических) словарей; быть универсальным справочным изданием – цель энциклопедических словарей.

Исходя из вышеизложенного, тип словарей лексики исчезающего языка, в частности кильдинского саамского, можно назвать смешанным – лингвокультуространoведческим. С одной стороны, словари описывают чужую для русскоязычного пользователя культуру, но чаще всего представляют сведения, которые незнакомы даже носителю в данном случае саамской культуры. С другой стороны, словари предназначены, в том числе, для саамского пользователя, который не владеет языком своего этноса. В этом и состоит специфика словарей коренных малочисленных народов, язык которых относится к группе *critically endangered*.

3.3 Феномен словаря исчезающего языка (на материале словаря кильдинского саамского языка)

Словарь исчезающего языка – феномен, концентрирующий в себе несколько возможных оппозиций: «словарь – язык», «словарь – пользователь» и «словарь – составитель». В каждой группе оппозиций роль словаря определяется его основным и исконным предназначением – словарь как собрание слов, но имеет свою специфику, отличающую словарь исчезающего языка от словарей других языков. Общие проблемы исчезающего языка – старение носителей языка, исчезновение или упадок литературы на языке, забвение культуры, политические, социальные и экономические причины, угасание или вырождения этноса – отражаются на составе словаря, степени сохранности языка, мотивации к его изучению, формам преподавания.

В нашем исследовании мы сосредоточили свое внимание на оппозиции «словарь – составитель». Составителем словаря исчезающих языков может быть носитель языка или его исследователь, не владеющий языком. Такие словари предназначены для учебных и переводческих целей и часто ставят своей целью помочь представителям этноса изучать или совершенствовать свой собственный язык. В этой ситуации актуально рассмотреть проблемы, которые встают перед составителем словаря исчезающего языка (*critically endangered language*) в его отношении к языковой общности (*the Speech Community*). Эти проблемы по отношению к исчезающим языкам не рассматривались в литературе, хотя их упоминание находим, например, в работах У. Мозель (см., напр.: [177]). Нас заставили обратиться к этой проблеме опыт создания трех словарей такого исчезающего языка, как кильдинский саамский язык, представленный только на территории Российской Федерации на Кольском полуострове (Мурманская область) [ИБ; ИЭ; ИМ], опыт многолетних полевых исследований, научное общение с коллегами и носителями языка, а также идеи, в частности У. Мозель, о том, что цель словаря исчезающего языка не перевод или изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования [177].

В оппозиции «словарь – язык» рассматривается соотношение состава, а также степени изученности лексики кильдинского саамского языка и языкового материала, который представлен в имеющихся на современном этапе словарях кильдинского саамского языка.

В оппозиции «словарь – пользователь» рассматривается соотношение потенциального и реального пользователя словаря исчезающего языка.

Среди имеющихся словарей кильдинского саамского словарь Г.М. Керта [К] учебный и предназначен для учащихся начальной школы. Цель данного учебного переводного словаря обозначена автором как успешное овладение учащимися родным (кильдинским саамским) и русским языками. Словарь под ред. Р.Д. Куруч [АФ] предназначен для специалистов

по финно-угорским языкам, этнографии и для всех интересующихся саамским языком, а словарь А.А. Антоновой [АН] – для всех, кто изучает саамский язык, а также для носителей языка, которые хотят научиться писать и читать на родном языке, учителей и специалистов по саамским и другим финно-угорским языкам [АН, с. 5]. Словарь А.А. Антоновой появился в связи с ее переводом книги шведской писательницы А. Линдгрен «Пеппи Длинный Чулок» на саамский язык. По словам участника редакторской группы словаря Э. Шеллер, словарь является дополнительным вспомогательным инструментом для чтения книги («Пеппи Длинный Чулок» по-саамски).

В “The Oxford Guide to Practical Lexicography” представлены типы пользователя словаря. Авторы утверждают, что путь к созданию востребованного словаря – это изучение пользователя, его запросов и навыков. Нужно очень отчетливо представлять, кто будет использовать словарь, с какой целью и какие навыки будут нужны пользователю данного словаря. Чтобы отнести пользователя к той или иной группе, нужно знать ответы на следующие вопросы:

тип пользователя – к какой из следующих групп пользователь принадлежит – взрослый, ребенок или школьник? если это изучающий язык, то он начинающий, продолжающий изучать язык или находится на продвинутом этапе? обычный пользователь или специалист (тогда какой отрасли)? каковы цели пользователя словаря – учебные, личные или профессиональные?

тип использования: общие цели (поиск значений незнакомых слов, проверка орфографии или произношения, составление кроссвордов); изучение определенного предмета; изучение языка; перевод с одного языка на другой; создание текстов на языке; подготовка к письменному или устному экзамену;

тип навыков, которыми уже владеет пользователь словаря: знание особенностей лексического и грамматического строя языков вообще и данного языка (языков) в частности; умение пользоваться словарями вообще.

Очень важно иметь информацию о том, что делают потенциальные пользователи словаря, когда они обращаются к словарям, что им нравится, а что не нравится в словарях, чего они ждут от словарей [172, с. 28–33].

Пользователь словарей кильдинского саамского языка, как представлено в руководствах и предисловиях к словарям, определяется как носитель языка и/или изучающий язык. Портрет пользователя данного языка никем не составлялся. Тем не менее для решения вопроса о типе словаря это чрезвычайно важно. Наши исследования показывают, что потенциальный и реальный пользователь словаря кильдинского саамского языка не совпадают.

Происходит это в первую очередь по причинам социолингвистического характера и зависит от такого фактора, как количество говорящих на

кильдинском языке и желающих его изучать. Потребности пользователя-носителя культуры и пользователя-исследователя языка в истории кольско-саамских словарей иногда подменялись одно другим. В словаре А.А. Антоновой (саамско-русском) [АН] эта проблема снимается, потому что в предисловии указано, что словарь является вспомогательным инструментом для чтения книги, те есть для пассивного владения языком.

В оппозиции «словарь – составитель» рассматривается соотношение «составитель словаря» и «исследователь языка». Это оппозиция являются объектом нашего внимания в настоящей статье и особо специфичной для исчезающих языков.

Как представлено у У. Мозель в описании особенностей документирования умирающих языков Папуа Новой Гвинеи (самоанский язык), главное отличие между составлением словаря для языка большинства (major language) и исчезающего языка (endangered language) состоит в том, что процесс документирования умирающих языков не коммерческое предприятие и составитель базы данных не является носителем этого языка. Но в любом случае составлению словаря должно предшествовать осмысление, кто и для какой цели будет использовать этот словарь. То есть словарь должен удовлетворять интересам и носителей языка, и исследователей. При этом идеальным вариантом является создание двух словарей: один, удовлетворяющий потребностям носителей языка, а другой – удовлетворяющий потребностям исследователя и его научной работы. Но если нет возможности создать два словаря, то первый вариант приоритетен. Составление словаря исчезающего языка связано с решением нескольких принципиальных вопросов для исследователя, таких, например, как выбор диалекта, который будет основным в словаре, определение типа словаря, выбор орфографического варианта для слова. Так, решение о том, какой диалект данного языка будет выбран ведущим для представления в словаре, должны принимать носители языка, но если это право предоставлено исследователю, то он должен принимать решение в зависимости от того, каково количество носителей того или иного диалекта, возраст носителей диалекта, использование диалекта в разных функциях. Если в умирающем языке нет стандартизированной орфографии, то следует обратиться к языковому сообществу. При этом надо помнить, что часто это вопрос политический. Но несмотря на то, что различные орфографические варианты могут сделать словарь громоздким, иногда не удается избежать фиксирования таких вариантов [177].

Наш опыт составления словарей кильдинского саамского языка подтвердил положения, выдвинутые У. Мозель, и выявил следующие проблемы: выбор диалекта языка, его орфографии, а также отбор информации для дефиниции словаря.

Особая проблема возникает, если составитель словаря исчезающих языков этим языком не владеет или владеет только одним из его вариантов. Ситуация с языком коренного малочисленного народа саамов как раз пред-

ставляет такой случай. В этом случае утверждение, что словарь должен удовлетворять интересам и носителей языка, и исследователей, как никогда актуально. Составителю словаря кольско-саамских языков необходимо определить с выбором диалекта (опорного языка) и его орфографической системой.

Между сторонниками разных орфографических систем, существующих в настоящее время в кильдинском саамском языке (Р.Д. Куруч и Г.М. Керт), дискуссия развернулась вокруг 2 букв h и j. Графическое изображение этих фонем представлено в словаре Хворостухиной, Саммалахти [183] по-другому: соответственно ’ и ӈ. Эти же буквы использованы в «Саамско-русском словаре. Пособие для начальной школы» Р.Д. Куруч, И.В. Виноградовой, Р.И. Яковлевой [88].

Сторонники этих графем h и j (или в другом варианте ’ и ӈ) считают, что буква j обозначает глухой средненёбный щелевой (фрикативный) сонант j, а буква h употребляется для обозначения преаспирации (придыхания) перед глухими п, т, к и аффрикатами ц, ч [АФ, с. 529]. Противники этой теории считают, что эти буквы дублируют уже имеющиеся – х и й и не обозначают отдельного взятого «звука» [73, с. 12]. Следует отметить, что мнение Г.М. Керта об отсутствии отдельных «звуков» для букв h и j основано на экспериментальной работе в лаборатории экспериментальной фонетики, а мнение сторонников букв h и j лишь на личном языковом чутье носителей языка. Фонетическое исследование консонантной системы кильдинского саамского языка, кроме Г.М. Керта, никем не проводилось.

Кроме того, споры вызывают употребление букв ä и ӭ как показателей полумягкости предыдущего согласного. Вызывает возражение и употребление специальных знаков для обозначения долготы гласного. Кроме того, обсуждается причины возникновения палатализованных согласных, а значит, и их обозначение. М. Рисслер считает, что палатализация связана с внутриязыковыми причинами, тогда как Г.М. Керт называет это влиянием русского языка (см.: [73; 178]).

Наличие двух орфографических систем затрудняет не только создание словарей, но и преподавание и распространение кольско-саамских языков вообще и кильдинского саамского языка в частности.

Первый вопрос, который при этом необходимо решить лексикографу, – это какие источники информации использовать. Традиционные методы сбора исчезающего языкового материала, такие как полевые исследования, ассоциативные эксперименты, использование национальных баз данных, в случае исчезающих языков должны дополняться анализом письменных источников, если они есть, а также данными из этнографической литературы. При этом вторичность материала (ученый записывал материал, а лексикограф вынужден верить фактам этого другого ученого) создает субъективность представления реалии в словаре, но иного пути нет. Работа с информантами затруднена тем, что носители языка чаще всего люди преклонного

возраста, а также толкование слова производится с учетом жизненного опыта информанта и его собственной интерпретации значения слова.

Так, при описании информантами значений слов кильдинского саамского языка, принадлежащих к тематической группе «Форма рельефа», нами в ходе полевых исследований были обнаружены несоответствия между данными информантов и зафиксированными значениями слов в кольско-саамских словарях. Например, слово *уррьт* в интерпретации информанта получило значения «большие горы (как Ловозерские)». В словарях это слово зафиксировано с несколько другим значением: гора высокая, гора скалистая [АН, с. 325], гора (скалистая) [К, с. 100], скалистая гора [АФ, с. 373]. Если говорящий никогда не видел Ловозерских гор, то он будет вкладывать в это слово другое значение. Необходимо видеть реалию, чтобы точно определить значение слова. Наиболее подробный комментарий был получен нами относительно лексемы *кāнньт*, которая зафиксирована в словарях в значении «холм, гора, возвышенность» [АФ, с. 99; АН, с. 88; К, с. 36], а в интерпретации информанта дополнена рядом таких характеристик, как размер, растительность и удобство передвижения.

Кроме того, знания основ традиционной культуры в исчезающих языках часто связаны с двумя прикладными аспектами: промыслы и туризм. Первое предполагает использование промысловой лексики в промысловых и хозяйственных занятиях, а второе представляет собой символизацию культуры и языка. Исследователь саамского языка Т. Тростеруд отмечает, что «язык меньшинства рассматривается как язык, который отличается от всех других языков. Язык не считается средством коммуникации, а символом чего-то другого. Язык рассматривается как что-то, что не может быть изучено, а только забыто. И это одна из причин того, почему преподавание языка меньшинства дает плохие результаты. Потому что уже изначально цель состоит не в изучении языка, а в выполнении символического акта» [148, с. 5]. Эти две причины приводят к тому, что знания о культуре если не теряются полностью по причине старения носителей языка и культуры, то сокращаются, дифференцируются и даже видоизменяются.

Словарь исчезающего языка, по мнению У. Мозель, составляет в основном учитель или миссионер, который имеет регулярные контакты с носителями языка и живет в их среде или часто их посещает. Чаще всего словарь – это вторичный продукт его научного исследования [177]. Понятно, что тип словаря в таком случае может зависеть от научных интересов исследователя. Они зачастую связаны с миссией, которуюисследователь себе приписывает.

Так, создание наших словарей [ИБ, ИЭ, ИМ] вызвано необходимостью сохранения уникального лингвистического материала разных тематических групп, отражающего жизненно важные для саамов понятия окружающего ландшафта, флоры, фауны, а также терминологию, связанную с хозяйственной деятельностью и духовным миром.

Эта задача во многом определила концепцию наших словарей. Исходным понятием для нас было то, что словарь кильдинского саамского языка должен выполнять в первую очередь очень важную функцию – сохранение компонентов традиционного мировоззрения, которое заключает в себе главные жизненные смыслы северного этноса. Образ жизни коренных малочисленных народов определяется в основном тремя факторами: природными условиями, типом расселения и типом хозяйства, два последних при этом определяют тип культуры. Эти знания отражают более архаичное, фундаментальное отношение человека к миру с точки зрения смысла, утилитарные ценности народной культуры.

По своей сути наши словари являются переводными (двуязычными) словарями, то есть содержат исходное слово на саамском языке и словарную статью с переводным эквивалентом чаще всего в виде описания. Кроме лексики саамского языка, эквиваленты, комментарии и пояснения в словаре даются на русском языке. Но основное внимание уделено в словарях не грамматическим признакам слова, а культурологическому комментарию, который отражает фоновые знания носителя языка.

См. пример: *тāссэм* – ремень, пояс (мужской, из юфти или яловой кожи, шириной до 10 см, застегивается металлическими пряжками с орнаментом. Праздничный пояс украшается орнаментом из металла или кости; с левой стороны к поясу на цепочках прикрепляются ножны, с правой – кожаный мешочек для бумаг и т.п.). Комм.: Маличные рубахи подпоясываются кожаным ремнем – тасмой, украшенным костяными (из рога оленя) или металлическими бляшками. Застегивается он фигурной медной пряжкой. Металлические украшения для этого своеобразного ремня, по словам информаторов, привозили раньше с Печоры. Необходимыми атрибутами тасмы являются также брусок в чехле (*туамчас топпенесьт*), бирка оленевода (*нуури логогойне*), нож (*ныийп*) в чехле (*тохxп*), а также орудие для починки имальниц (*вуэррь*). Нож обязательно прикрепляют к многорядной цепи. Сзади тасмы иногда свисает обработанный и прикрепленный к ровдужному ремешку амулет (*паннь*) из клыка медведя (*нагпаннь*) или волка (*пальтеспаннь*) [ИЭ, с. 74–75]. За словом у носителя языка «скрывается» многое: ассоциации социальные и индивидуальные, детские и взрослые, бытовые и литературные. Но стандартизированный набор информации чаще всего называется фоновыми знаниями носителями языка, которые накапливаются постепенно. По замечанию В.Б. Касевича, «любой конкретный язык есть плод культурной эволюции соответствующих сообществ» [62, с. 161].

В отношении языков коренных малочисленных народов Севера, «умирающих» языков, ориентация на кумулятивную функцию языка, которая обеспечивает накопление и сохранение вербализованного опыта духовной и материальной жизни народа, представляется особенно перспективной. В ситуации, когда естественная передача, например, кильдинского са-

амского языка имеет тенденцию к исчезновению, для лингвиста важно обратить особое внимание на жизненно важную функцию языка – функцию накопления знаний и культурного опыта народа, который является носителем этого языка. Такая позиция позволит не только оставить для поколений то культурное богатство, которое накопил язык, но и во многом понять психологию народа, а значит, разработать верную стратегию его ревитализации.

Анализ разных подходов к составлению словаря исчезающих языков, а именно рассмотрение оппозиций «словарь – пользователь», «словарь – язык» и «словарь – составитель/исследователь», позволяет сделать вывод о том, что в ситуации, когда цель словаря исчезающего языка не перевод или изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования, особую важность приобретают принципы работы со словарем лексикографа-исследователя. В сферу его внимания должны попасть в таком случае выбор диалекта, орфографии, а также большой объем фоновых знаний носителя языка, который имеет тенденцию сокращаться или видоизменяться в условиях старения носителей языка, потери традиционной народной культуры, глобальных изменений в социокультурном пространстве этноса. При этом возможно и желательно, по нашему мнению, смещение вектора типологической характеристики словаря: от переводного к переводному с культурологическим комментарием. Такой подход не только позволит сохранить знания народной культуры для последующих поколений, но и возродить язык.

3.4 Выводы по главе

Словари коренных малочисленных народов представляют собой уникальное образование, если речь идет об умирающих языках. Обобщая опыт создания словарей лексики духовной и материальной культуры кольских саамов, я считаю, что в подобных словарях грань между лингвистическим и энциклопедическим словарем стирается, как в корне меняется и функция словаря. На первый план выступает его гносеологическая функция, что обусловлено спецификой пользователя такого словаря. Пользователь, носитель саамской культуры, не владеет саамским языком. Такое положение выходит за рамки соотношения, принятого в традиционной лексикографии: пользователь словаря должен быть носителем или не-носителем языка. Специфично в словарях лексики саамского языка и его наполнение: словник и содержание дефиниции. Словник отражает языковую картину мира коренного малочисленного народа, представляющую образ жизни народа и облик его культуры. Содержание дефиниции такого словаря представляет собой слепок фоновых знаний носителей саамского языка и культуры. При этом ведущей является ориентация на кумулятивную функцию языка, которая обеспечивает накопление и сохранение вербализованного опыта духовной и материальной жизни народа, а естественным обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний. Дефиниция при этом представляет собой обширный культурологический комментарий, отвечающий уровню обыденного познания коренным малочисленным народом окружающего мира. Таким образом, словари лексики духовной и материальной культуры кольских саамов не вписываются в строгие рамки традиционных классификаций словарей: разграничение лингвистически/энциклопедические, ингвокультурологические/лингвострановедческие размывается, когда речь идет об умирающих языках.

ГЛАВА 4. ТЕЗАУРУС КИЛЬДИНСКОГО СААМСКОГО ЯЗЫКА

4.1 Общие положения

Тезаурусом мы называем словарь, где слова-понятия расположены в определенной системе, отражающей вхождение одних смыслов в другие, более общие. В иной терминологии такой словарь называется идеографическим.

На тот факт, что идеографический словарь отражает видение мира определенного народа, указано уже неоднократно. Если бы можно было составить такой словарь, то мы бы получили систему знаний о мире, связанную с местом данного народа в пространстве. Определение такого места может быть признаком, по которому человек определяет себя и как часть этноса.

Создание тезаурусов сводится к решению двух проблем: что выносить в качестве ведущего (заглавного) слова и по какому принципу отбирать разделы (поля).

Важно отметить, что заглавным словом в тезаурусе является, по определению Л.В. Щербы, слово-понятие [167], а по мнению Н.Ю. Шведовой, концепт [125].

В «Русском идеографическом словаре» Н.Ю. Шведова опирается на идеи, исходящие от самого языка – смыслы собственно бытия, действия, состояния, признака, количества, места, времени, цели, причины. Предметом описания в «Русском идеографическом словаре» является концепт и его смысловая парадигма. Концепт («ключевой» концепт, или «великий» концепт) определяется в словаре как исторически сложившаяся понятийно-языковая целостность, то есть отлившееся в слов*о*, им материализованное, в него вмещённое понятие, относящаяся к духовному, ментальному миру жизни человека либо к материальной жизнеобеспечивающей, жизнеобразующей сфере его бытия [125].

Понятно, что принципиального различия в позициях Л.В. Щербы и Н.Ю. Шведовой нет. Это в любом случае слово (форма) с вмещенным в него понятием, смыслом (содержание).

В истории идеографических словарей (тезаурусов) представлено несколько синоптических схем. Так, синоптическая схема Халлига-Вартбурга представляет 3 класса: Вселенная (без человека); Человек; Человек и Вселенная. Поля в разделе Вселенная: Небо и небесные тела; Земля; Растительный мир; Животный мир. Поля в разделе Человек: Человек как живое существо; Душа и разум; Человек как общественное существо; Социальная организация и социальные институты. Поля в разделе Человек и Вселенная: A priori (Бытие; Качества и состояния; Отношение, порядок, ценность; Число и количество; Пространство; Время; Причина; Движение; изменение) и Наука и техника. По схеме Халлига-Вартбурга (понятийно-тематическому

принципу) построен «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков» [СОС].

Эта схема, представленная как традиционная, обсуждается в специальной литературе. В частности, высказывается мнение о недостаточной или неравномерной изученности этих классов (семантических полей). По данным Ю.Н. Караулова, из 82 рубрик затронуты в описаниях разных языков менее половины. Ю.Н. Караулов видит перспективы развития тезаурусного описания лексики выявления своеобразного «указателя мотивов» по аналогии с фольклором [60, с. 56–57].

Разделы в разных синоптических схемах тезаурусов подобны, хотя и отличаются разной степенью абстракции (от грамматической до онтологической и гносеологической). Так, в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой – в толковом словаре, систематизированном по классам слов и значений – за исходное членение лексики взято членение на части речи. Поэтому схемой расположения слов является следующая: слова указующие, именующие, собственно связующие и собственно квалифицирующие [126, с. VIII].

В «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова основное понятия статьи – это абстрактные понятия, такие как сущность и связи, сравнительные связи, соединительные связи, состав, система, количество и т.д., а подразделы организованы по типу общее/частное, целое/часть [17].

В «Русском идеографическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой выделяются 6 разделов («миров»): *(1)* «Мир, воспринимаемый человеком как всё высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, либо, напротив, как то, что дано человеку искони, как извечно предопределённое»; *(2)* «Мир как то, в условиях чего всё существует, развивается, взаимодействует и воспринимается человеком не только как от него не зависящее, но как определяющее само его существование на Земле»; *(3)* «Мир, естественно окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый»; *(4)* «Собственно мир человека: он сам»; *(5)* «Мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное – узкое или широкое – и необходимое окружение»; *(6)* «Мир, создаваемый человеком как высшее обобщение деятельности его ума и духа». Внутри мира концепты часто образуют пары по принципу противопоставленности: Добро – Зло, Ум – Глупость. Хотя не всегда этот принцип востребован: есть тройки концептов [38].

В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского в синопсисе – служебной части словаря – указаны таксоны (группы) и подтаксоны (подгруппы), которые упорядочены по степени абстрактности. Синопсис обнаруживает логическую структуру организации материала, которая представляет собой противопоставленные смысловые группы: например, 1.2. Параметры времени. 1.2.1. быстрота, скорость; 1.2.1.1. быстро, скоро; 1.2.1.2. долго, медленно;

2. Пространство, место. 2.6. хорошее место – плохое место; 16. Справедливость – Несправедливость; 83. Одежда, Обувь. 83.1. хорошая одежда; 83.2. плохая одежда; 83.3. голый, отсутствие одежды [136].

Необходимость определения степени близости слов по значению привела к выявлению способов этого определения: обнаружились способы изучать сочетаемость слов, проводить ассоциативные эксперименты, поскольку ассоциации – естественные классификаторы понятийного содержания лексики языка [104, с. 44], сопоставлять дефиниций словарей на предмет выявления отличий, которые являются существенными для отграничения одного имени от другого.

Семантическое поле ЧЕЛОВЕК и ВСЕЛЕННАЯ, особенно в части *Бытие; Качества и состояния; Отношение, порядок, ценность; Число и количество; Пространство; Время; Причина; Движение; Изменение*, описывается с ясной установкой на антропоцентичность языка.

По мнению В.Б. Касевича, время трактуется, как пространство: субъектно-реляционно, а не объектно-реляционно [62, с. 42].

Описания того, каковы отношения между семантическим полем ЧЕЛОВЕК и ВСЕЛЕННАЯ (без человека), в литературе нам пока не встретилось. А тем не менее лексика природного окружения (растительный и животный мир, географических объектов – то есть ВСЕЛЕННАЯ без человека) привлекала и привлекает внимание исследователей, в том числе и финно-угорских языков [110]. Исследователи пытаются реконструировать картину мира для каждой тематической группы и занимаются по большому счету семантическим описанием с привлечением типологического и этимологического материала.

В основу нашего исследования мы положили гипотезу об особой степени антропоцентричности такого исчезающего финно-угорского языка, как саамский, и его большей связи с дологическим мышлением, что связано с исконным представлением человека как части природы у носителей саамского языка.

Для такого утверждения, конечно, требуется огромный массив языкового материала, типологически сходного и несходного, тщательное изучение мифологической основы не одного народа и не только финно-угорского. Наши исследования лексики кильдинского саамского языка, ведущиеся полевые и научные исследования с 2007 года, осложнены многими обстоятельствами, но позволили сделать и несколько предположений.

В числе осложняющих обстоятельств следует указать социолингвистическую ситуацию с саамским языком, отсутствие живой языковой среды, практическое отсутствие академического изучения языка, отсутствие полной базы данных по языку, всех типов словарей, кроме переводных, малая изученность языка (например, не проводилось ассоциативных экспериментов).

Анализ языкового материала, даже имеющегося в нашем распоряжении, еще не закончен, но некоторые исходные позиции уже нами определены.

Во-первых, в нашей работе тезаурусом мы называем словарь, где слова-понятия расположены иерархически. Если бы можно было составить такой словарь (а он в идеальном виде не существует ни в одном языке), то мы бы получили систему знаний о мире, связанную с местом данного народа в пространстве. В этом аспекте важнейшей становится отражательная, по В.Б. Касевичу, или когнитивная функция языка, в основе которой лежит утверждение, что то, как человек видит мир, во многом определяется именно языком – языком вообще и языком родным [62, с. 17].

В связи с этим встает ряд теоретических вопросов:

1) что отражает вербализированная система понятий – *знания* коллективного носителя языка или *информацию* о мире?

2) как складывается коллективное знание: это отражение неких смыслов (которые можно назвать *концептосферой* и которые синтезируются в смыловом пространстве при общении) или готовые «штампы», которые возникают в памяти человека, заданные готовой языковой системой, отражающие уже сложившиеся в результате тысячелетий развитые грамматические и лексические структуры (то, что можно назвать *языковой картиной мира*)?

3) как компенсируются *лакуны* в понятийной системе, если принять точку зрения, что все концепты есть в каждой картине мира, у каждого народа, но слов для обозначения понятий нет?

Во-вторых, в своих рассуждениях по поводу концептуальных границ мы основываемся на положении, что тезаурус отражает картину мира, а она является когнитивным *конструктом*, «заменяющим» в ментальных структурах и механизмах тот фрагмент мира, с которым так или иначе имеет дело человек [62, с. 37], а фрагмент языковой картины мира являются частью идеи возможности и желания конструировать, а не реконструировать (см.: [110, с. 7]). Таким образом, можно утверждать, что картина мира – это знак, замещающий реальность.

Возьмем в качестве примера субполе «Олень», которое принадлежит к полю Вселенная (Животный мир).

В «Словаре лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка)» [ИБ] представлено субполе «Олень» со следующими частями: субполе – разделы поля – подразделы поля – группировки поля.

Раздел поля: ОЛЕНЬ КАК ЖИВОТНОЕ

Самец оленя (*Самец оленя по возрасту*; *Самец оленя по способности (неспособности) к воспроизводству; Теленок оленя от полугода до полутора лет);* Олень по роли в стаде; Олень по хозяйственному применению; Олень по месту в упряжке; Олень по наличию (отсутствию) рогов; Олень по выносливости; Олень по нраву, характеру; Олень по внешнему виду; Масти оленей; Дареные олени; Стадо оленей; Действия оленя; Действия оленя, связанные с движением (*Бежать рысцой; Помчать, понести;*

Мчаться в карьер; Идти шагом; Бежать, мчаться; Ходить кругом; Бросаться (с места); Бежать галопом; Мчаться, нестись); Действия оленя, связанные с физиологическими потребностями (*Кормиться; Есть грибы (об оленях); Жевать; Голодать; Освободиться от шкурки*); Действия, связанные с отелом (*Телиться; Родиться)*; Действия, связанные с пребыванием в стаде (*Быть в стаде; Собраться в кучу (о стаде); Бежать (о стаде); Разбредаться; Отбиться от стада*); Действия оленя, связанные с содержанием на привязи и иманием (*Быть освобожденным от игны; Биться (на аркане)*); Другие действия оленя (*Опрокидывать; Поднять на рога; Разжиреть; Дохнуть, сдохнуть; Превращать землю в пыль; Защищаться от насекомых*); Корм оленей; Болезни оленей и гнус (*Названия болезней оленя; Названия гнуса*);

Разделы поля: ОЛЕНЕВОДЫ И ОЛЕНЕВОДЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ; СНАРЯЖЕНИЕ ОЛЕНЕВОДА; РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ ОЛЕНЕЙ; ОЛЕНЕГОННАЯ СОБАКА; МЕСТА И СООРУЖЕНИЯ ДЛЯ ВЫПАСА, СОДЕРЖАНИЯ, ПОДСЧЕТА И ВЫБРАКОВКИ ОЛЕНЕЙ;

Раздел поля: ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СОДЕРЖАНИЕМ И ВЫПАСОМ ДОМАШНИХ ОЛЕНЕЙ (Действия, связанные с содержанием оленей (*Держать*; *Пасти*; *Таврить; Накормить досыта*; *Охранять*; *Стать пастухом*; *Обзавестись оленем*; *Лишиться оленей*); Действия, связанные с перегоном оленей; Действия, связанные с обучением оленей; Действия, связанные с кастрацией оленей; Действия, связанные с содержанием оленей на привязи; Действия, связанные с доением оленей; Действия, связанные с выпасом);

Раздел поля: УПРЯЖНО-НАРТЕННОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО;

Раздел поля: ВЬЮЧНОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО;

Раздел поля: ЗАБОЙ ОЛЕНЕЙ;

Раздел поля: ВЫДЕЛКА ОЛЕНЬИХ ШКУР (Шкуры по возрасту оленя; Шкуры по назначению; Шкуры по качеству; Шкуры по степени выделки; Действия, связанные с выделкой шкур).

Разделение слов на тематические группы выявило много несоответствий, что всегда происходит, когда в основу тезауруса кладется принцип тематической группы: часто слова входят не в одну группу, а принадлежат нескольким, неясны основания разделения групп, часто они субъективны, потому что у исследователя нет достаточно знаний в области культуры конкретного народа и др. О недостатках принципа расположения по тематическим разделам писали многие, в том числе Ш. Балли во «Французской стилистике» [15, с. 153].

Трудности и сомнения в правильности выбранного пути «обеспечивают» для нас и грамматические особенности кильдинского саамского языка, в частности распространенный вид грамматической связи соположение (например, единство (спаянность) слова в его смысловом отношении в словосочетании: *вунтас рыннт* – песчаный берег; *оаресь пуаз* – самец оленя)

наряду со словом (*вуайя* – небольшая речка в болоте; *āрехь* – годовалый самец оленя; *вубресь* – трехлетний олень-самец). Поэтому подчас неясно, в какую группу записывать слово и словосочетание.

«Остатки» лексической системы, которые еще удается записать и исследовать в исчезающем языке, указывают на тот факт, что основным фактором сохранения языка и его лексики в том числе является востребованность в деятельности этноса, будь то деятельность практическая (промыслы, например) или осознание своего места в мире (лексика духовной культуры).

Поэтому в следующем словаре нами была выдвинута гипотеза о другом расположении слов кильдинского саамского языка (не по тематическим группам, как в «Словаре лексики духовной культуры кольских саами» [ИБ] и «Словаре лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов» [ИЭ]).

В словаре «Зоонимикон кильдинского диалекста саамского языка» [ИМ] мы пришли к мысли использовать другую схему описания животного:

I блок (биологическая информация)

1) описание животного (частей тела);

2) среда обитания, питание;

3) рождение детенышей;

4) виды животного (цвет);

II блок (значение для человека)

5) предмет охоты, ловли/домашнее животное:

6) значение для человека (что человек получает от этого животного);

7) условия выращивания животного;

III блок (фольклор)

8) образы животного в сказках, мифах, гаданиях, верованиях, шаманстве, литературе;

9) метафорический облик (пословицы, поговорки, эпитеты, метафоры);

10) прозвища (сравнения с человеком);

11) клички.

В данной схеме более или менее четко, как нам кажется, определены концептуальные границы двух полей: Вселенная и Человек – биологические характеристики животного и его значение в жизни и деятельности человека. Используя термины А. Вежбицкой, их можно назвать функциональными и топографическими признаками (см: [110, с. 11]). В наших работах это обозначено как описание и роль. Третий блок (фольклор) мыслится нами как отображение дологического представления (см.: на систему понятий логических в процессе формирования лексического состава накладывались дологические суждения (мифы, суеверия) [60, с. 60]).

В тезаурусном описании Оленя как наиболее разработанном вырисовывается картина, которая позволяет сделать следующий вывод: антропоцентричность саамского языка представлена в своей высшей степени. Все признаки и характеристики оленя как животного выделяются, оформляют-

ся в знак, вербализируются, а главное, остаются в памяти носителей при факте исчезновения языка, если они имеют практическое или мифологическое значения в жизни этноса.

Но на этом этапе представления языкового материала останавливаться также нельзя. Нами предложены пути анализа лексики саамского языка, при котором следует рассматривать заглавное слово (слово-понятие, слово-концепт) в его фоновых связях внутри одного раздела (поля).

Таким образом, понятийно-тематический принцип будет дополнен принципом, отражающим знания о мире, связанные с теми культурными ассоциациями, которые возникают у носителя языка при употреблении слова. Именно этот аспект тезаурусного описания поможет определить не только прямой смысл слова-понятия, но и его потенциальные связи, стадиальность концептуализации носителем языка явлений, предметов, реалий, объектов и т.д.

Таким образом, в классической схеме ВСЕЛЕННАЯ, ЧЕЛОВЕК, ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВЕК необходимо акцентировать некую произвольность границ, а причины такой произвольности следует искать с учетом специфики объекта исследования – тезауруса исчезающего языка.

Следует отметить, что важно отличать антропоцентричность самого объекта исследования – языка и антропоцентричный подход к этому объекту.

Как отмечает В.М. Алпатов, антропоцентризм и системоцентризм отличаются разным отношением к двум точкам зрения на язык: точке зрения носителя языка и точке зрения исследователя. Что предпочесть: опору на интуицию носителя языка или строгие методы, поддающиеся проверке? При антропоцентрическом подходе интроспективные данные проверяются текстовыми, которые часто лишь подтверждают их, но могут и корректировать, особенно если лингвист описывает не родной язык. Недостатки традиционных словарей видятся В.М. Алпатовым в том, что понятия толкуются через другие, составляются из компонентов, поэтому подчас в толкованиях слов появляется замкнутый круг. А такой подход вряд ли соответствует интуиции: в памяти носителей языка скорее всего не существует ничего, кроме слов и ассоциативных связей между ними. Поэтому в словаре, рассчитанном на практическое использование носителями данного языка, достаточно указать на вхождение слова в то или иное семантическое поле и различие в значении слов, имеющих семантическое сходство. К описанию языковой системы можно идти от интуиции носителя языка, проверяя ее в случае необходимости текстами, и от текстов, проверяя их данными носителя языка.

В.М. Алпатов подчеркивает недостаток антропоцентричного подхода, который состоит в том, что нет процедур проверки результатов, а значит, применение этого подхода к языкам, далеким от родного языка лингвиста, может привести к неадекватным результатам [2, с. 18–25].

Нам представляется возможным выявить специфику языка через особый подход к сбору языкового материала для представления в словарной статье. В этом подходе может отразиться антропоцентричный подход, связанный с интуицией носителя языка и интуицией лингвиста, для которого данный язык не является родным. Особо важно это для языков коренных народов Севера, в том числе исчезающих.

Антропологическая лингвистика предполагает несколько направлений изучения языка, в том числе язык и культура. При обсуждении проблем «язык и культура» на примере языка коренного малочисленного народа важны, с нашей точки зрения, следующие положения антропологической лингвистики: тема человеческого фактора предполагает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка; некоторые свойства языка объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения; какие конститутивные свойства человека коррелированы со свойствами языка и в какой мере специфическая организация человека предопределяет форму языка и его особенности; введение понятия «картины мира» в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык – феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной) (см.: [123, с. 9–11]).

В нашей работе антропоцентричный подход означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения. Как отмечают исследователи, обозначение в виде отдельных лексем получает то, что играет важную роль в жизни этноса и является ценностным для него (см. о китайском языке в [47]).

Таким образом, антропоцентричный подход, представленный в работе В.М. Алпатова, может проявляться в выявлении широкого культурологического фона слова.

Антропоцентричность языка как отпечатка мыслительной деятельности человека уже давно и плодотворно исследуется лингвистами. Подчеркивается, что человек в языке не только выражает свое отношение к миру, но и отражает себя [97, с. 55].

Анализ некоторых словарей языков народов Севера, имеющих ту же культурную модель, что и саамский этнос, показал, что специфика таких языков состоит в особом потенциале, который объективируется с помощью таких процедур, как толкование значения слова и представление его сочетаемости.

Например, антропоцентричность языка коренного народа Севера проявляется в соотношении качеств человека и животного. Посмотрим примеры с реалией «олень». В чукотском языке встречаются сочетания, равным образом отнесенные к человеку и оленю: оленелюбивый, трудолюбивый, женолюбивый [23, с. 39]; жадные чукчи; олень, падкий к моче и потому охотно подходящий к хозяину [23, с. 44]; лишний (непарный) олень; женщина, не имеющая мужа; холостой человек; иностранец [23, с. 57].

В алеутском языке слово со значением «сопка» имеет смысловой оттенок «откуда можно рассмотреть окрестность» [43, с. 14]. Ср.: в кильдинском саамском языке лексема «*кāнньт*» означает, по данным наших полевых исследований, «длинная, невысокая, плоская сопка, на которой растут камни и мхи, по ней удобно шагать».

Таким образом, исследование специфики языков коренных народов следует проводить с учетом антропоцентричного подхода и антропоцентричности самих языков.

По мнению В.В. Морковкина, идеографические словари бывают трех типов: идеографические тезаурусы, аналогические словари и учебные идеографические словари. В основе тезауруса Э. Блана, например, лежит синоптический план, потом даются тематически организованные списки слов, относящихся к определенному понятийному классу, а затем приводятся статьи, содержащие энциклопедические сведения о наиболее важных понятиях, входящих в этот класс. В таком словаре всегда реализуется попытка создать иерархическую классификацию понятий. Чаще всего недостатком таких словарей является неясность или немотивированность принципов выделения понятий. Естественность выделения понятийных классов основывается на живых ассоциативных связях слов [104, с. 30–34]. На это указывает и Л.В. Щерба, отмечая, что «взаимосвязи слов-понятий должны быть представлены не такими, какими они должны были бы быть, а такими, как они конкретно существуют в данном коллективе, определяя его речевую деятельность (коммуникацию)». По мнению Л.В. Щербы, система слов-понятий в конечном счете является функцией производственных отношений данного коллектива и условий его жизни. Идеологические (в нашей терминологии идеографические. – *О.И.*) словари, по мнению Л.В. Щербы, должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке [167, с. 79, 83].

Идеографическим словарем учебного типа В.В. Морковкин называет тематический словарь и определяет его специфику как словаря учебной направленности. Последнее определяет и состав тематической сетки, и особенность подачи слов. В.В. Морковкину кажется неудачным опыт немецко-французского тематического словаря по совмещению в словаре слов, их перевода и иллюстративных примеров (предложений). Более полезным, по мнению ученого, было бы введение примеров сочетаемости слов, т.е. ответа на вопрос «как употребить слово в речи?». Анализируя

имеющиеся тематические словари, В.В. Морковкин их основным недостатком видит отбор словника [104, с. 36–41].

В литературе встречается мнение о несистематичности тематических словарей. Так, по мнению Ё.Н. Хамраевой, в идеографическом словаре на первом плане выступает системность, главенствует принцип «от общего к частному», строго соблюдается иерархия. В тематическом словаре отсутствует системность и иерархия. Его специфика заключается в учебной направленности. Группы в тематических словарях не разделяются на более мелкие, поскольку в нем отсутствует систематичность. Идеографические словари основаны на философском восприятии мира, а тематические словари, где преобладает ситуативность, передают ту действительность, которая окружает составителя [157, с. 41].

По мнению Л.Г. Саяховой, тематические классы слов – это лексические комплексы, представляющие содержательную сторону всех возможных в пределах какой-либо речевой темы коммуникативных актов. Эти комплексы многоярусны, имеют сложное иерархическое строение и ни в коей мере не покрываются предметными родо-видовыми объединениями типа «Посуда», «Мебель» и др. Л.Г. Саяхова видит системность тематического словаря в тематической систематизации и отмечает, что в отличие от собственно идеографического словаря лексика в таком словаре систематизируется на основе ее функционирования в рамках той или иной темы и смысловой связью с ней не только на уровне лексического значения, но и на уровне самых общих ассоциативных представлений об этой связи. Правда, потом ученый уточняет, что в таком словаре систематизируются прежде всего внеязыковые факторы – темы и сферы общения, вся их совокупность и тематическая лексика, их обслуживающая [133, с. 370–371]. Представляя тематический словарь как тезаурус в понимании Л.В. Щербы, то есть как «все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз» [167, с. 69], Л.Г. Саяхова понимает тематический словарь как способ тематической систематизации большого объема лексического материала [133, с. 371].

Тематические словари коренных малочисленных народов Севера представлены как учебные. Они охватывают минимальный состав базовой лексики, репрезентирующей основные понятия жизни коренного народа: жилище, пища, народные промыслы, животный и растительный мир, времена года и т.д. Тематические словари представлены не только по большинству языков коренных народов Севера, но и даже по их диалектам. Что касается такого финно-угорского языка коренного малочисленного народа Севера, как саамский, то его лексикография крайне бедна [175].

В такой ситуации важно определить теоретические основы двух типов идеографических словарей: тематического словаря и идеографического тезауруса.

Поскольку данный словарь иерархичен по своей структуре, то необходимо выделить единицы описания и определить организацию их представления в словаре. Единицами описания представляются, по Л.В. Щербе, слова-понятия, то есть элементы не «языкового материала», а «языковой системы». А языковая система, по Л.В. Щербе, раскрывается в том числе в правилах словаря, иначе – в правилах применения слов-понятий к реальной действительности [167, с. 69].

Определение значений слов, в виде которых даются правила словаря, вызывает большие трудности, что неоднократно отмечено в специальной литературе. Но что это возможно, не отрицается никем. Смысл в том, что «под каждым фонетическим словом должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных» [167, с. 70]. Поэтому перечень заглавных слов для тематического и идеографического словаря в принципе может быть ограничен только объемом словаря и спецификой его пользователя. Содержание того и другого словаря, поскольку оба являются разновидностями идеографических словарей, по В.В. Морковкину [104], определяется направленностью на учебную деятельность тематического словаря и на отражение языковой системы (а лучше, по Л.В. Щербе, и всего языкового материала [167]) в идеографическом словаре (тезаурусе).

Систематизация материала, по нашему мнению, должна быть представлена во всех перечисленных словарях. Но если тематический словарь, предназначенный для учебных целей, для саамского языка будет строиться по традиционному принципу (тематическая группа и все входящие в нее слова с общим элементом значения), то тезаурус, по нашему мнению, может иметь несколько иную структуру: не просто перечисление всех слов, входящих в те или иные понятийные поля, а расположение с учетом принципа противопоставленности, который выявляется из анализа языкового материала. Надо отметить, что исследования кильдинского саамского языка как одного из сохранившихся и изученных из всех кольско-саамских языков осложняются наличием многочисленных лакун в лексической системе по причине потери языка многими носителями этноса. Поэтому создание идеографического словаря в его идеальном варианте, конечно, невозможно, но описание сохранившейся части лексической системы, выявленной с помощью полевых исследований, анализа словарей и других, в том числе этнографических источников, – важнейшая исследовательская задача. В таком словаре отражается и проблема соотношения языка и культуры.

Таким образом, по отношению к кильдинскому саамскому языку соотношение двух типов идеографических словарей (тематического и идеографического тезауруса) видится как соотношение целого и части, но структура словарей определяется по-разному по причине разных целей этих словарей: учебной и научно-исследовательской. Нами признается систематизация материала в обоих словарях, но принципы систематизации

также различны: традиционная систематизация лексического материала (род-вид) в тематическом словаре и дополнительная к традиционной противопоставленная систематизация в идеографическом тезаурусе.

Противопоставленность может быть основным принципом описания тезауруса языка. Ф. Барт подчеркивает, что необходимым условием существования категориальных этнических различий является не отсутствие мобильности, контактов и информации, а наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которого дифференциальные признаки продолжают сохраняться [170, с. 10].

Принцип отбора ряда культурных смыслов для идентификации объекта в социуме, построенный на механизме включения и исключения какого-либо признака, может быть применим и для такого этноспецифического явления, как язык. В процессе функционирования (рождения, жизни и смерти) язык приобретает или отсеивает такие культурные смыслы, представленные фоновыми знаниями носителя языка, которые позволяют языку, а значит, этносу, сохранить свою идентичность.

Представляется возможным предположить, что принцип противопоставленности может иметь место при построении тезауруса исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера. Такому расположению способствует сам языковой материал. Как нам кажется, принцип противопоставленности поможет выявить специфику языка, картину мира этноса и, как следствие, основу этнокультурной идентичности.

Оппозитивные отношения являются, как известно, способом концептуализации языкового пространства. Оппозитивность в разных ее проявлениях имеет интегральный признак – противопоставленность. Признаками оппозитивности являются следующие: наличие основания для сравнения; маркированность/немаркированность; специфика различий (качественная, количественная, истинность, ложность, симметричность, асимметричность). Обнаружить противопоставленность можно, например, с помощью компонентного анализа. При этом обнаруживаться следующие соотношения сем: наличие противоположных сем; наличие/отсутствие сем (лакунарность) (см., например: [89]).

Кратко представим оппозиции, которые можно выделить в собранном материале кильдинского саамского языка: 1. противопоставленность по полу (*чуххч* – глухарь; *куэххьпель* – глухарка); 2. по месту обитания (*кӗрем, кӗррем; чӑрр рыhп* – тундряная куропатка; *кӗрэм* – горная куропатка; *ляӣмт рыhп* – лесная куропатка); 3. родо-видовые оппозиции (*чӑдзьлоанѣт* – утка; *чуэддѣк* – звонуха (дикая утка)); 4. функциональная значимость (*вӯhптэй, вӯhпьей* – задний [рулевой] гребец; *алльсай олма* – рыбак, который остается на берегу в месте, откуда началась установка невода; *нӯххьт кихчэй олма* – рыбак, который остается в лодке и следит за тем, чтобы невод вытягивался равномерно; *нӯххьт нӯррь кӗзэй* – рыбак, вытя-

гивающий невод; *туэррпэй олма* – рыбак, который при помощи палки бьет по воде для того, чтобы загнать рыбу в невод; *суjjк* – зуй, наживочник (человек, который наживлял рыболовные снасти для ловли морской рыбы)); 5. качество объекта (*ражесь са̄йм* – непригодная сеть; *шыллесь са̄йм* – сеть, в которую хорошо ловится рыба (букв. уловистая сеть)) и др. Необходимо отметить, что в нашем случае несущественно, представлена реалия отдельным словом или сочетанием слов, отражающим грамматические особенности кильдинского саамского языка, в частности распространенный вид грамматической связи слов – соположение. Тот материал, который уже имеется в нашем распоряжении, показывает определенную закономерность в номинации явлений, реалий и фактов в кильдинском саамском языке, а именно: язык отражает оппозитивные отношения, противопоставленность смыслов.

Проблемы определения принципов составления тезауруса исчезающего языка состоят в первую очередь в факте потери такого языка. Например, в этнографических источниках есть описания процесса ловли, где названы другие «профессии», а в материалах полевых исследований и словарях эти слова не сохранились: «Кроме главных работников: *кормщика, тяглеца, весельщика и наживочника*, на промысел отправляются и мальчики 10–15 лет, называемые зуями. Зуи исполняют различные мелкие работы: варят пищу, распутывают снасти, моют кадки. Они не получают ничего, кроме мелких подарков, но зато с малолетства приучаются к тяжелым занятиям на тресковом промысле. Зуи, подрастая, проходят все должности, начиная от наживочника и кончая кормщиком, а если мальчик понятлив и смышлен, то со временем, сколотив копейку и сам сделается хозяином» [98, с. 268].

Представленная гипотеза о принципе противопоставленности как идеальной модели построения тезауруса исчезающего языка коренного малочисленного народа, конечно, требует тщательной проверки фактами языка, сопоставлением с языками других коренных народов Севера со сходной культурной моделью, но она, по нашему мнению, может способствовать осознанию идентичности как особой психологической категории, представления о которой составлены представлениями личностного, родового, племенного, этнического и государственного уровней, связанными с традициями истории и культуры народа.

В нашем исследовании материал представлен в виде семантических полей, так как семантическое поле является эффективным путем представления лексико-семантической системы языка при «полевом» ее понимании, которое отражают словари идеографического типа (см. об этом, например: [60, с. 8–9]). Анализ семантического поля строится на выделении типов оппозиций: эквиполентных, привативных, градуальных. Методика исследования состоит в сочетании анализа оппозиций и приема дистрибуции.

Материалы, приводимые в тексте статьи, представлены в разных графических системах: финно-угорская система транскрипции, упрощен-

ная финно-угорская система транскрипции, а также в разных видах орфографических написаний. Отсутствие общепризнанного алфавита часто видится носителями языка, преподавателями и учеными как препятствие для освоения кильдинского саамского языка. Поэтому в статье приводятся образцы кильдинских саамских слов и словосочетаний в соответствии с источниками, а в случае полевых исследований – в соответствии с позицией информанта.

Материалом исследования послужили лексемы кильдинского саамского языка, выбранные из словарей, учебной, этнографической и научной литературы и собранные в полевых условиях.

Полевые исследования проводились в с. Ловозеро с информантами–носителями кильдинского саамского языка в 2007–2016 годах. Целью полевых опросов было выяснение значения слова, а также его культурологического фона.

Для выявления лексем семантического поля использовались словари кильдинского саамского языка [АН; АФ; К; ИБ; ИЭ; ИМ], а также словарь «Словарь кольских и колтта диалектов» Т. Итконена [IT] – самый полный словарь восточных диалектов саамского языка (см. об этом, например: [143, с. 19]), фундаментальный труд видного исследователя саамских языков [К09, с. 16].

Кроме этнографических источников XIX–XX веков, в исследовании использовались архивные материалы, редкие источники, такие как «Географический словарь Кольского полуострова» [ГС]. О ценности этого источника для изучения топонимической лексики писал Г.М. Керт, называя его самым полным источником материала [К09, с. 36–37]. В статье автора словаря профессора В.П. Вощинина описана специфика словаря, в частности указывается на особую систему в оформлении материала: «…наш принципиальный подход к географическим описаниям обязывает, чтобы географическая среда любого избранного участка земной поверхности охарактеризовывалась не как случайное скопление тех или иных явлений, а как связное единое целое, где эти явления «живут» в органической связи друг с другом, зависят один от другого и взаимно обуславливаются» [МОКМ 238/9. Л. 7]. Словарь содержит списки саамских слов с указанием их диалектной принадлежности и был в связи с этим высоко оценен учеными и общественными деятелями – современниками В.П. Вощинина (З.Е. Черняковым, В.Ю. Виде, В.К. Алымовым [МОМ НВ 4123/8; МОМ НВ 4123/10; МОМ НВ 5190/4]).

4.2 Семантическое поле «Северный олень»

Анализ семантического поля «Северный олень» показал, что некоторые его особенности в кильдинском саамском языке объясняются ограничениями в лексико-семантической системе, связанными с особенностями человеческой деятельности, а именно промыслами и хозяйственной деятельностью этноса.

В кильдинском саамском языке в семантическое поле «Северный олень» включаются лексемы, которые обозначают животное, а связанные с ним признаки и действия представлены не только как явление органического мира, но и как продукты практической деятельности человека. Первая группа лексем будет отнесена нами к «внешнему» лексико-семантическому блоку, а вторая – к «внутреннему».

К «внешнему» смысловому блоку в семантическом поле «Северный олень» относятся, например, лексемы разделов «Масти оленей» и «Пол животного».

Для обозначения масти северного оленя в кильдинском саамском языке есть следующие лексемы: *бяган* – пятнистый, пестрый [АФ, с. 32]; *вӣлькесь* – белый [АФ, с. 44; К, с. 18]; *ӣйӣв* – белый (о масти оленя) [АФ, с. 90]; *пялльк* – белый (об олене) [К, с. 79]; белый (о масти животного) [К, с. 127]; *коннѣтковвь, рӯппсесь* – коричневый (букв. ‘похожий на дикого оленя’); *кыррьй, пестрэ* – пестрый, разноцветный; *руччкесь пялльк* – желто-коричневый; *мӗзень чоахпесь* – очень темный, черный; *сереавей* – грязно-белый; *чоахпесь* – черный; *čuɛjvex* – серый (олень); *čuɛss* – белолобый.

Наибольшее предпочтение саамы отдавали белым оленям. Некогда эти олени приносились в жертву духу-хозяину. Белые олени часто предназначались молодым девушкам и шли за ними в приданое по выходе замуж. Праздничный женский выезд являл собою весьма живописную картину: три-четыре белых оленя украшались художественно изготовленной сбруе. Своего оленя саамы описывают приблизительно так: «постановный», тело и шея длинные, ноги тонкие и высокие, зад круглый; мех гладкий, не мохнатый, «красной масти», то есть светло-коричневого оттенка, приблизительно цвета венецианской краски либо серый и, наконец, белый и красно-черный; именно эти масти очень ценятся, когда животные покупаются «живком» [ИЭ, с. 48–49]. Кроме цвета оленя в качестве внешней приметы лексемой обозначаются животные с оттенком цвета на разных частях тела (например, лоб: *čuɛss* – белолобый).

Лингвокультурологический подход, в рамках которого осуществляется наше исследование, предполагает сравнение культур, в рамках которых происходит тезаурусное описание кильдинского саамского языка. В данном случае это оленеводческие культуры, к которым относятся культу-

ры следующих народов: долганы, коми, коряки, ненцы, тофалары, ханты, манси, эвенки, эвены, юкагиры и чукчи. Поэтому одной из задач исследования было сопоставление семантического поля в этих языках с учетом имеющихся лексикографических источников. Сравнительный анализ показал, что названий оленя по масти в кильдинском саамском языке меньше, чем в других языках народов, занимающихся оленеводством. Ср. с чукотским языком: *ælvææk* (прил.) – олень серого или коричневого цвета, одна задняя нога в белом «чулке» [23, с. 24]; *jaqьlgьn* (сущ.) – белый олень, имеющий черную спину [23, с. 59]; *jiqьlgьn* (сущ.) – олень беляк (беловатый с коричневой полосой на спине) [23, с. 64]. Ср. с юкагирским языком: *иранал* (сущ.) – олень светло-коричневой масти [87, с. 98]; *йарахадьаа* (сущ.) – олень серой масти с беловатой шерстью по бокам [87, с. 15]; *йоБун подьарха* – олень с пестрым носом (нос имеет разный цвет) [87, с. 122]; *йенгурчиэ* (сущ.) – пестряк (название оленя по масти) [87, с. 146]; *чаБинньаавийаа* – олень, имеющий белизны на камусе задней ноги около сустава [87, с. 301]; *ньамучаа* (сущ.) – олень красноватой масти (комм.: олень красной масти немного краснее оленя серой (песочной) масти) [87, с. 306]). Обширный языковой материал по хантыйскому языку представлен в [112], где есть названия оленей светлой, пестрой и темной масти [112, с. 71].

В данных примерах из языков этносов, занимающихся оленеводством, видно, что степень антропоцентричности в данной группе названий оленя минимальна: внешние признаки животного отражаются в лексико-семантической системе, а значит, в языковой картине мира. Ограничений в лексико-семантической системе, связанных с особенностями человеческой деятельности, а именно промыслами и хозяйственной деятельностью этноса, в разделе «Масть животного» не наблюдается. Думается, что выделение оттенка цвета на теле животного или его части связаны лишь с необходимостью выделения животного в стаде (функция, которую у саамов выполняют клейма).

Деление по половому признаку (самец/самка) также относится к группе, отмеченной наименьшей степенью антропоцентричности: *оаресь пуаз* – самец оленя; *ниҥҥлэсс пуаз* – самка оленя. Как видно из примеров, для выражения различия пола использовано словосочетание (букв. самец-олень, самка-олень).

Все остальные разделы в семантическом поле «Северный олень» антропоцентричны: выделение смысла и оформление в отдельное слово непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека. Так, детализация названий оленя по возрасту показывает их тесную связь с промысловой деятельностью и всем укладом жизни кольских саамов. Ср. подобное мнение для ненецкого языка в [18, с. 155].

Анализ лексем, относящихся к полю «Северный олень», позволил нам составить следующий образец словарной статьи тезауруса кильдинского саамского языка:

ПРИРОДА

Раздел поля: ОЛЕНЬ (гипероним)

Деление по полу (самец-самка); Действия оленя; Действия оленя, связанные с движением (*Бежать рысцой; Помчать, понести; Мчаться в карьер; Идти шагом; Бежать, мчаться; Ходить кругом; Бросаться (с места); Бежать галопом; Мчаться, нестись*); Действия оленя, связанные с физиологическими потребностями (*Кормиться; Есть грибы (об оленях); Жевать; Голодать; Освободиться от шкурки*); Действия, связанные с отелом (*Телиться; Родиться*); Другие действия оленя (*Опрокидывать; Поднять на рога; Разжиреть; Дохнуть, сдохнуть; Превращать землю в пыль; Защищаться от насекомых*); Корм оленей; Болезни оленей и гнус (*Названия болезней оленя; Названия гнуса*);

Гипонимы – олень дикий и олень домашний

Раздел поля: ОЛЕНЬ КАК ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ

ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК

Раздел поля: ОЛЕНЬ КАК ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ

Самец оленя (*Самец оленя по возрасту*; *Самец оленя по способности (неспособности) к воспроизводству; Теленок оленя от полугода до полутора лет*); Олень по роли в стаде; Олень по хозяйственному применению; Олень по месту в упряжке; Олень по наличию (отсутствию) рогов; Олень по выносливости; Олень по нраву, характеру; Масти оленей; Дареные олени;

ЧЕЛОВЕК (материальная культура)

Раздел поля: ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СОДЕРЖАНИЕМ И ВЫПАСОМ ДОМАШНИХ ОЛЕНЕЙ (Действия, связанные с содержанием оленей (*Держать*; *Пасти*; *Таврить; Накормить досыта; Охранять; Стать пастухом; Обзавестись оленем; Лишиться оленей*); Действия, связанные с перегоном оленей; Действия, связанные с обучением оленей; Действия, связанные с кастрацией оленей; Действия, связанные с содержанием оленей на привязи; Действия, связанные с доением оленей; Действия, связанные с выпасом; Действия, связанные с пребыванием в стаде (*Быть в стаде; Собраться в кучу (о стаде); Бежать (о стаде); Разбредаться; Отбиться от стада*); Действия оленя, связанные с содержанием на привязи и иманием (*Быть освобожденным от игны; Биться (на аркане)*);

Разделы поля: ОЛЕНЕВОДЫ И ОЛЕНЕВОДЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ; СНАРЯЖЕНИЕ ОЛЕНЕВОДА; РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ ОЛЕНЕЙ; ОЛЕНЕГОННАЯ СОБАКА; МЕСТА И СООРУЖЕНИЯ ДЛЯ ВЫПАСА, СОДЕРЖАНИЯ, ПОДСЧЕТА И ВЫБРАКОВКИ ОЛЕНЕЙ;

Раздел поля: УПРЯЖНО-НАРТЕННОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО;

Раздел поля: ВЬЮЧНОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО;

Раздел поля: ЗАБОЙ ОЛЕНЕЙ;

Раздел поля: ВЫДЕЛКА ОЛЕНЬИХ ШКУР (Шкуры по возрасту оленя; Шкуры по назначению; Шкуры по качеству; Шкуры по степени выделки; Действия, связанные с выделкой шкур).

ЧЕЛОВЕК (духовная культура)

Разделы поля: МИФОЛОГИЯ; ФОЛЬКЛОР; ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА; ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО; ОБРЯДЫ; ИГРЫ; НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ

Анализ семантического поля кильдинского саамского языка «Северный олень» позволяет выделить следующие типы оппозиций: эквиполентные (например, «дикий/домашний», «самец/самка», «взрослый/детеныш»), привативные (например, «рогатый/безрогий», «способный к воспроизведению потомства/не способный к воспроизведению потомства», «ведущий стадо/не ведущий стадо»), градуальные (например, «меньшая степень признака/большая степень признака (лечь, обессилев/лечь отдыхать (о животном); белый/грязно-белый)», «возраст», «масть»).

Особого внимания заслуживает оппозиция «дикий олень/домашний олень», которая в той или иной степени отмечена во всех языках коренных народов Севера, занимающихся оленеводством (см.: [23; 86; 87; 106; 112 и др.]). Однако количество лексем, означающих диких оленей, несопоставимо с количеством лексем со значением «домашний олень». Так, в лексике канинских ненцев, например, нет специальных названий дикого оленя, кроме ‘*илебча*’ (букв. ‘средство жизни’), причины этого явления М.Я. Бармич видит в отсутствии охоты на диких оленей [18, с. 163].

Оленеводство является главной отраслью хозяйственной деятельности саамов. Представляя две противоположные точки зрения на происхождение оленеводства (оленеводство недавнего происхождения, притом строго локализовано; оленеводство древнего происхождения, возникшее независимо в разных районах ойкумены), З.Е. Черняков показывал, что они основаны на неверных предпосылках: те и другие рассматривают оленеводство как некую отрасль скотоводства. Как утверждал ученый, в отличие от домашнего скота, олени – полудикие животные, приручение которых не похоже на приручение лошадей, коз, свиней и т.д. Человек приспособился к годичному циклу передвижения оленей, то есть не человек приручил дикаря, а этот последний «приручил» к себе человека [160, с. 52–53]. В саамских преданиях родоначальником саамов является Мяндаш, рожденный женщиной от дикого оленя (см. обзор в: [24]).

Раздел поля «Олень как дикое животное» в кильдинском саамском языке представлен в нашем материале лексемой *коаннЬт* (дикий олень) [АН, с. 105; К, с. 148; АФ, с. 117], связанной с лексемами *коаннЬтлэ* (прям., перен. убить кого-что (быстро) [АФ, с. 117]), *коаннЬтэ* (убить) [АН, с. 105; К, с. 40], что приводит к прямым ассоциациям с охотой.

В каждом разделе семантического поля «Северный олень» выделяются дифференциальные признаки. В разделе «ОЛЕНЬ» выделяются оппозиции эквиполентные (самец/самка, есть/голодать, телиться/рождаться), привативные (болезнь/отсутствие болезни), градуальные (степень действия, движения). В разделе «ОЛЕНЬ КАК ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ» оппозиции не представлены по причине ограниченного количества лексем. В разделе «ОЛЕНЬ КАК ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ» выделяются оппозиции эквиполентные (грузовой олень/ездовой олень/вьючный олень; вольный олень/привязанный олень; передовой олень/второй олень в упряжке/средний олень в упряжке/запасной олень/крайний олень; смирный олень/упрямый олень; послушный олень/непослушный олень; самка оленя, подаренная братом/самка оленя, подаренная сестрой; самец оленя, подаренный братом/самец оленя, подаренный сестрой), привативные (рогатый олень/безрогий олень; способность/неспособность к воспроизводству; ведущий стадо/не ведущий стадо), градуальные (возраст; масть).

Имеющийся в нашем распоряжении материал кильдинского саамского языка семантического поля «Северный олень» показал, что иерархию смыслов в данном языке следует рассматривать в соотношении «природа – человек». Специфика семантического поля в языке коренного малочисленного народа Севера в этом случае состоит в особом отношения данного этноса с природой. Анализ оппозитивных отношений в лексическом наполнении поля «Северный олень» выявляет наличие лакун, а также позволяет обозначить набор дифференциальных признаков. В исследуемом материале представлены такие типы оппозиций, как эквиполентные, привативные и градуальные. Анализ семантического поля «Северный олень» показал, что наибольшее количество лексем этого поля относится к блоку «Человек». Данный факт означает особую значимость данного животного в практической деятельности северного этноса и особую дифференциацию понятий в пределах данного поля.

4.3 Семантическое поле «Растения»

Семантическое поле «Растения» в кильдинском саамском языке малочисленно: в нем присутствуют некоторые названия **деревьев** (береза *пēссьмӯрр, пēссь-мӯрр* [АН, с. 220; АФ, с. 254; К, с. 72]; карликовая береза *кӣрре* [АН, с. 97; АФ, с. 110; К, с. 88] (в [АФ, с. 110] карликовая береза (кустарниковая с сердцевидными листьями); у Г.М. Керта *kīrre* кустарник (карликовая береза) [К09, с. 144][7], *suɛG'k'* (береза) [К09, с. 151]), верба *выррьп* [АН, с. 59], вяз *вязьмурр* [АН, с. 63], дуб *дуб* [АН, с. 66], ель *кӯсс* [АН, с. 122; АФ, с. 134; К, с. 44], ива *пуай* [АН, с. 233; АФ, с. 268; К, с. 75], ольха *лēххьп (лēххьпь)* [АН, с. 144], осина *субпь (субьпь)* [АН, с. 276; АФ, с. 328; К, с. 88], рябина *роашшьн (роашьн)* [АН, с. 255; АФ, с. 297; К, с. 82] (*šujj* 'рябина' (К09, с. 151); неясно: дерево или плод?), сосна *педзь* [АН, с. 217; АФ, с. 251; К, с. 71] (suɛr'v сосна (сухая) [К09, с. 151], черемуха *шэйймурр* [АН, с. 356] (*tuɛmm* [К09, с. 161]), яблоня *яблэкмурр* [АН, с. 373; К, с. 115], *яблоня* [К, с. 244]), **кустарников** (багульник *блэнь, боллэнь* [АН, с. 207; АФ, с. 242], вереск *кэцкас* (*кэцкас*) [АН, с. 138], можжевельник *кэскас (кэсскас)* [АФ, с. 149; К, с. 47]), **ягод** (брусника *ёҥ (ёҥҥ)* [АН, с. 75; АФ, с. 86; К, с. 131], вороника *чиммнуши* [АН, с. 338; АФ, с. 149], *чймнуш, чӯмнэш* [К, с. 105], голубика *уйххькмуши* [АН, с. 324], *уйхькмуши* [К, с. 144], клюква *рыххпмӯррьй, рыххпмуши* [АН, с. 261; К, с. 164], морошка *лӯмь* [АН, с. 151; АФ, с. 167; К, с. 52], черника *саррь* [АН, с. 267; АФ, с. 316; К, с. 85], рябина *роашшьн мӯрьй* [АФ, с. 297]), **травянистых растений** (камыш *чуэннесӯйн* [К, с. 163], конопля *руэйвас, руэйвэсь, руэйвас* [АФ, с. 302], колокольчик *келля* [АН, с. 93], *кēлля, кēлленч* [К, с. 165], лён *каййд, кайд* [АН, с. 85; К, с. 35], лук дикий *лоафкхэсс* [АН, с. 148; К, с. 51], овёс *бвёс* [АН, с. 204]; хвощ *vuašš* [К09, с. 162]), **овощей** (картофель *картфэль, картфэлль* [АФ, с. 102], *картэшк, картопля*, *картошк* [АН, с. 89], *картэшк, картошка* [К, с. 163], капуста *капуст* [АН, с. 88], *капуста* [АФ, с. 99], лук *луквець* [АН, с. 151; К, с. 52], морковь *морковь* [АН, с. 174], *моаркэфь, морковь* [К, с. 178], репа *ноаврас, ноавврас* [АН, с. 188; АФ, с. 214; К, с. 213], свёкла *свекла* [АН, с. 268], огурец *угрец* [К, с. 187], чеснок *чёснок* [АН, с. 337], **грибов** (чага *бакал, бакалл* [АФ, с. 29]; *tivl'* (паккула, чага) [К09, с. 152]) и **лишайников** (ягель (оле-

[7] *Здесь и далее.* – у Г.М. Керта не указано, из какого именного саамского языка российских саамов данные лексемы, поскольку он рассматривает субстратную саамскую лексику, которая «равномерно распределена по всем диалектам саамского языка» [К09, с. 65].

ний мох) *ēгель, ялкал* [АН, с. 67; АФ, с. 77; К, с. 30]; *ларр* ‘бородатый лишай’ [К09, с. 146]). Гиперонимами для данных групп являются лексемы дерево *мӯрр* [АН, с. 175; АФ, с. 199; К, с. 60], мох *сēфьтэр, сēххьтер, сяхтар* [АФ, с. 340; К, с. 86] (*sɛиŋal* [К09, с. 169]), овощи *ōвошь (ōвеш, оввэш, овеэш)* [АН, с. 204; АФ, с. 237; К, с. 67], трава *сӯййн* [АН, с. 278; АФ, с. 330; К, с. 88], *рāссь* (зелень, трава, растения травянистые; цветы; молодая трава) [АН, с. 249; АФ, с. 288; К, с. 80], ягода *мӯррьй* [АН, с. 176; АФ, с. 198; К, с. 60], гриб *кӯмпар* [АН, с. 120; АФ, с. 132; К, с. 43]. Таким образом, в исследуемом материале обнаруживается родо-видовая оппозиция.

Анализ модели, по которой построены некоторые из этих названий, показал, что они образованы словосложением. Определяющим компонентом при этом является обозначение рода, а подчиненным – вида. В названиях деревьев – береза *пēссьмӯрр*, вяз *вязьмурр*, черемуха *шэйймурр*, яблоня *яблэкмурр* – определяющим компонентом является *мӯрр* (дерево). В названии клюквы *рыххпмӯррьй* определяющим компонентом является *мӯррьй* (ягода), а в названии камыш *чуэннесӯййн – сӯййн* (трава). Часть лексики этого поля является заимствованиям из русского языка (овёс *овёс*, картофель *картфэль, картэшк, картопля*, капуста *кāпуст*, морковь *мōрковь*, свёкла *свекла*, огурец *угрец*, чеснок *чеснок*, овощи *ōвошь (ōвеш)*).

Тематическая классификация фитонимов саамского языка представлена у Г.М. Керта: растительная жизнь вообще, деревья (общие сведения), деревья лесные, ягоды, растения, кустарники [К09, с. 124–125]. Кроме того, в приложении к книге Г.М. Керта указана саамская топонимная лексика, которая не встречается в словарях кильдинского саамского языка (возможно их употребление в других саамских языках российских саамов): *labb* (вахта трехлистная), *lobbes* (кувшинка) [К09, с. 125] (коллтско-саамский язык [IT, с. 218]), *vuash* (хвощ) [К09, с. 125].

В книге для чтения П.Н. Жулева в переводе А.Г. Эндюковского (на латинизированном алфавите) представлены такие культуры, как картофель (*kartofel*), репа (*nauras*) и лук (*lukvec*) [51, с. 62–63]. В книге Н.Н. Харузина «Животные жарких стран» также в переводе А.Г. Эндюковского представлено слово *pastlesnehk* (колючка) [158, с. 15].

Естественно предположить, что кильдинско-саамская фитонимическая терминология охватывает лишь те растения, которые связаны с хозяйственной и культурной жизнью народа. Так, сбор дикорастущих ягод составляет основной вид традиционной деятельности, но далеко не самый важный.

В исследовании семантического поля «Растения» использовался метод дистрибуции, который предполагает выявление сочетаемости лексем. Так, береза в сознании саамского этноса бывает кривая, сухая гнилая и

просто гнилая (см.: *čoaz* ‘гнилое дерево’ [К09, с. 141]; *kåvŋal* ‘гнилое дерево’, *kålv* ‘сухое дерево’ [К09, с. 145]). Важен также и анализ контекста. Он может быть представлен в художественной и этнографической литературе, словарях, учебниках и букварях, а также разговорниках. Так, в саамско-русском разговорнике, составленном Н.Е. Афанасьевой [14], носителем кильдинского саамского языка и одного из авторов словаря [АФ], представлен следующий материал (пунктуация и стиль оригинала сохранены): *Какие ягоды растут в тундре? В нашей тундре растут различные ягоды? Летом много-много морошки собираем, она рано созревает. Потом созревают черника, брусника, и вороника. Саамы с удовольствием едят различные ягоды. Растут ли в тундре грибы? Да, в тундре растут самые разные грибы. Едят ли саамы грибы? Как не едят! Едят грибы, но мало. Летом охотно едят грибы олени. Какие деревья растут в тундре? В тундре растут: ивы, кривые березки, осины, кусты вереска* [14, с. 51]. Разговорники, конечно, представляют собой специфичный тип литературы, но определенную культурологическую информацию из него можно получить. В частности, приведенные выше фразы показывают кулинарные предпочтения саамов, а также типичные и важные для сознания саамов ягоды и деревья.

Наличие лакун в лексической системе кильдинского саамского языка ставит вопросы, которые не решить силами лингвистов, они требуют междисциплинарного подхода. Так, ягель по ботанической классификации относится к лишайникам, но слово лишайник отсутствует в нашем материале, а слово мох (*сēфьтэр, сēххьтер, сях̄хтар*) есть. Необходимо отметить, что ягель еще называют оленьим мхом. Востребованность реалии лишаи (лишайник) в культуре саамского народа налицо: ими питаются северные олени. Ср.: Пищи никакой, кроме подножного корма, олень не требует ни зимой, ни летом, а потому содержание стада стоит чрезвычайно мало. Ест олень, главным образом, мох, ягель, лишай, летом – листья карликовой березы и полярной ивы, молодую осоку, цветы и ягоды полянки и морошки, травы, растущие по берегам озер, которыми изобилует Север. Не менее охотно олень поедает грибы и выпивает яйца гусей, уток и других птиц, которые он находит весной. Олень поедает особый гриб, *ēррьк кӯмпар,* гриб, который вырос до больших размеров, замерз, а зимой стал оленьим лакомство (букв.: олений гриб) [ИЭ, с. 64]; *ыдӭ эх̄хт кӯмпар – пуаз еадтэй* – появился гриб – стадо двинулось. Но во второй половине лета, когда появились ягоды и грибы, когда много всякой травяной и кустарниковой зелени, – уже человек находится во власти оленя: он идет туда, куда идет олень. Это время – время кормки оленей. В особенности олени любят грибы; в поисках грибов они рассыпаются на большом пространстве, и человеку – оленьему пастуху – в это время много хлопот около оленей. В это время олень хорошо отъедается. Олени очень любят грибы, ох как любят! Как только в начале июля грибы появились, бригадир отправляет пастухов

следить, чтобы олени из нашей тундры териберской не ушли в воронинскую или ловозерскую тундру. Они за грибами пойдут – до Москвы дойдут, лишь бы грибы были! Носители саамского языка – оленеводы рассказывают, что оленят вскармливали ухой [ИЭ, с. 65].

В материале семантического поля «Растения» представлены следующие оппозиции: эквиполентные («твердая/зрелая» (о морошке): *чоарэхъ* [АН, с. 341] – *låntɛх* [К09, с. 146]), привативные («съедобный/несъедобный»: *кӯммпар* (гриб) – *пōррэм кӯммпар* (гриб съедобный)), градуальные (например, «сухая гнилая/гнилая» (о березе): *kualv* – *tshuatts* [К09, с. 124–125]).

Полевые исследования выявили актуальность некоторых названий растений. Критерием степени актуальности, а значит сохранности, может являться наличие культурологического фона, востребованного современным носителем кильдинского саамского языка. Так, информант [ЛГ] указал на следующие факты из жизни саамов: багульник (*эллань*) – очень пахучее растение, если им сильно надышаться, то может очень сильно заболеть голова; целебное растение; помогает от моли; береза (*пессь мурр*) – использовалась как топливо, как стройматериал; очень скользящий материал, лыжи делали из нее; использовали в качестве лекарственного средства от разных болезней, если колени болели, например; оленям тоже помогали такие примочки, если у оленя болели ноги, их натирали этим настоем; морошка (*лумь*) – была такая забава: делали *нюввтэ* (морошка с рыбой без костей), все садились в круг, а посередине в блюде делали небольшую ямочку, в эту ямочку наливали рыбий жир, начинают есть, но перед этим обговаривается условие, что тот, кто сделает так, что жир выльется, должен будет бежать вокруг куваксы или вокруг вежи. Поэтому все едят аккуратно и не спеша, если заденешь, то придётся бежать, а трапезу без тебя продолжают, конечно, никто не хотел бежать и все ели аккуратно; такая забава называлась *нюввтэмпоррамсирр*.

Исследование семантического поля «Растения» выявило некоторые закономерности в представлении растительного мира саамским этносом: различение дикорастущих и культурных растений, мхов и лишайников. Культурные растения представлены в семантическом поле лексемами, имеющими русское происхождение. Для экзотических растений названия были созданы исследователями кильдинского саамского языка *pastlesnehk* (колючка).

4.4 Семантическое поле «Рыбы»

Описание ихтиологической лексики исчезающего языка является актуальной задачей, поскольку рыбная ловля – одно из ранних занятий человечества [156, с. 4], а данная группа лексики представляет собой архаический пласт лексики любого языка [92, с. 5] и считается открытой, то есть постоянно пополняется, что связано с открытостью системы самих природных объектов [85, с. 3].

Все рыбы и рыбообразные, обитающие в Баренцевом море, представляют 53 семейства, 140 видов. Наиболее богаты видами тресковые (18 видов), бельдюговые (13 видов), бычковые (12 видов), камбаловые (9 видов), лососевые и скатовые (по 7 видов). Важнейшими для тралового промысла являются такие рыбы, как треска, пикша, морской окунь, сиг, мойва и сельдь. Наиболее важными промысловыми видами были и пока остаются треска, палтус, семга. Из числа тепловодных гостей в Баренцевом море отмечают макрель, путассу, мерланга, аргентину, браму. Встречаются также ряпушка, пелядь, атлантический лосось (его на Севере России называют сёмгой), тихоокеанский лосось – горбуша [119].

Рыболовство более древнее занятие саамов, чем оленеводство [36, с. 24]. По этнографическим данным конца XIX – начала XX веков, рыболовство занимало первое место по значению в жизни народа, поскольку рыболовство доставляло саамам доход. Рыбу саамы продавали русским купцам или обменивали на нужные товары. Рыболовство давало также возможность выплачивать налоги (подати). Но сам лопарь больше любил оленеводство, чем рыбную ловлю [96, с. 34]. Рыбу ловили в море, в озерах и на реках. Пресноводными рыбами является сиг, хариус, кумжа, морскими – треска, пикша, палтус [122, с. 44, 55]. Важнейшими промысловыми рыбами Кольского полуострова являлись для саамов семга, треска, камбала, палтус, пикша. Главным занятием лопарей считается прежде всего лов семги [122, с. 38]. Это традиционное занятие, переходившее из поколения в поколение [122, с. 58]. Лов трески обходился дороже [122, с. 61–62].

Пища лопарей состояла главным образом из рыбы и мяса. Летом во время рыбной ловли они питались преимущественно свежей рыбой. На зиму ее солили и сушили [96, с. 33].

Семантическое поле «Рыбы» в кильдинском саамском языке представлено ограниченным количеством слов, отражающим те реалии, которые были востребованы в хозяйственной деятельности саамского народа.

Семейство лососёвые:

Голец *Salvelinus alpinus – выллц, ӣдэч* [ИЭ, с. 162–163]; *раут* [36, с. 24][8] ; ср. народные названия *голец* – кумжа, палия [92, с. 108].

Кумжа (ручьевая форель) *Salmo trutta – куввч, кӯввч* [АН, с. 114; АФ, с. 128]; *юг̄к куввч* ‘речная кумжа’ [ИЭ, с. 163]; *koudsher, raut* ‘форель’, *kuudsh* [К09, с. 127]; см.: ручьевая форель – саам. *Кольша* зап. часть Кольского п-ова [92, с. 106]; ср. озерная форель – саам. *Квайшем* (самец), *Коуч* [92, с. 107].

Палья *Salvelinus lepechini – рāввт* [АФ, с. 285]; *кōлльм, раут* [ИЭ, с. 163]; *raut* [180, с. 24]; *ровдэ* ‘мальки палии’ [ИЭ, с. 163]; ср. саам. *Йндеч*, *Рауда* зап. часть Кольского п-ова [92, с. 110]; ямная палья – русск. Голец (отнерестившиеся особи); *Рауда* кольск.: р. Тулома [92, с. 110].

Ряпушка *Coregonus albula – репос* [36, с. 24]; ср.: европейская ряпушка; саам. *Репас* [92, с. 76]; *мēвв шāбп* [ИЭ, с. 164]; букв.: ‘мелкий сиг’; ср. замечание: ‘Лопари называют ее «сижок» и «ряпус»’[8, с. 96–98]; *rievas, riepas* [СОС, с. 65].

Сёмга (атлантический северный морской лосось) *Salmo salar – лӯсс* [АН, с. 152; АФ, с. 168; К, с. 53]; *lus* [180, с. 24]; *лус* [169, с. 26]; *лӯсс* ‘сёмга (массой более килограмма)’ [ИЭ, с. 167]; *тыннЬт* ‘семга (мелкая, до килограмма)’ [ИЭ, с. 168]; *вāльцех* ‘лох’ [ИЭ, с. 167] (лох – самец; у Н.Н. Волкова: лох – самец кумжи или сёмги [36, с. 30]; *вальчак, вальчаг* ‘самец после нереста’ [92, с. 102]). Ср. лексемы из других саамских языков: *Luss, Tinda, Valćer* [92, с. 104], а также из русских народных говоров: *сёмга-осень* (крупн.), *тиндяк* (мелк.) [92, с. 103]. См. также: *тинда* ‘лосось, входящий в реки с середины июля до начала августа’ [92, с. 102].

Сиг *Coregonus lavaretus – шāбп* [АН, с. 350; АФ, с. 408; К, с. 109; 14, с. 50]; *шāб* [14, с. 50]; *шаб* [169, с. 37]; *шабп* ‘сиг мелкий’ [169, с. 65]; *майкь* ‘сиг крупный’ [169, с. 65]; *мājjк* ‘крупный сиг’ [АФ, с. 180]; *майхьк, майххьк* ‘сиг крупный’ [АН, с. 160; К, с. 55]; ‘крупный сиг от 1,5–2 кг’ [ИЭ, с. 164]; ‘крупный сиг от 2–3 кг’ [ИЭ, с. 164]; *шāбп* ‘мелкий сиг до 2–3 кг’ [ИЭ, с. 164]; *шац* [36, с. 24]; *čūz* [К09, с. 141][9]; *вӣлька* ‘белый сиг, сиг со светлой чешуей’ [ИЭ, с. 163]; *чуввесь чӯмм шабп* ‘сиг со светлой чешуей’ [АФ, с. 403]; *mana, manj, maun, shapsh* [К09, с. 127].

Семейство тресковые:

Навага *Eleginus navaga – nāuga* [IT, с. 275]; см. также: саам. терск. *nāvag*, саам. кильд. *nāuga* [107, с. 320]; саам. *Navag* [92, с. 215].

---

[8] *Здесь и далее.* – слово взято Н.Н. Волковым из материалов Мурманского общества краеведения 1928 года, где нет уточнения, из какого саамского языка российских саамов оно записано.

Налим *Lota Lota – вӯжнь* [ИЭ, с. 165], *вӯшенЬ* [АФ, с. 63], *вӯшшьн* [К, с. 23]; *вӯшшьнЬ* [АН, с. 48; К, с. 181]; *vueshn* [К09, с. 127].

Пикша *Melanogrammus aeglefinus – пикша* [АН, с. 222]; *тыкс* [14, с. 51]; ср. варианты от А.А. Антоновой в качестве информанта: *пикш* [ИЭ, с. 169], а также варианты других информантов: *пикшуй* [ИЭ, с. 169].

Сайда *Boreogadus saida – саййт* [АН, с. 313; ИЭ, с. 169]; см. *Сайда*.

Сайка *Boreogadus saida – sajte* [Ш, с. 22]; ср. народные названия полярной трески *Boreogadus saida* в русских говорах: Сайда Белое м., Сайка [92, с. 215].

Треска *Gadus morhua – троасськэ* [АФ, с. 358]; *торськ* [АН, с. 307]; *траськ*, *трасськэ* [ИЭ, с. 169]; *torsk* [180, с. 20]; *торьск* [169, с. 65].

Семейство окунёвые:

Ёрш *Percarina demidoffi – еарԥьш* [АН, с. 74; АФ, с. 85]; *ёрш* [АН, с. 76]; *jorš* [СОС, с. 65].

Окунь *Perca fluviatilis – вуэсск, вуэсскан, вуэсскэн, вӯсскан* [АН, с. 53; АФ, с. 63; К, с. 188]; *вӯсскан* [14, с. 50]; *vuask*, *vuεsk* [К09, с. 127]; *vuask* [180, с. 24]; ср.: саам. *Воск* кольск. [92, с. 235].

Семейство хариусовые:

Хариус *Thymallus thymallus – суэввель* [АН, с. 282; АФ, с. 333; К, с. 89]; *соаввель* [14, с. 50]; *са̄ввель* [ИЭ, с. 164]; *savvel* [К09, с. 127]; *sueveļ* [180, с. 24]; *суэввель* [169, с. 44].

Щука *Esox lucius – ныгкешь* [АН, с. 191; АФ, с. 218; К, с. 64, 243]; *нэҕкаш* [14, с. 50]; *нугкеш* [169, с. 65]; *njukkesh* [К09, с. 127]; *nukkiš, niķkiš* [СОС, с. 64].

Семейство карповые:

Плотва *Rutilus frisii – сӣвт* [ИЭ, с. 166], *пэльть* [36, с. 24].

Язь *Leuciscus idus – siun* [СОС, с. 65]

Семейство камбаловые:

Камбала *Pleuronectes flesus – ка̄мьпель* [АН, с. 87; АФ, с. 98]; *ка̄ммпл* [14, с. 51]; *кампель* [169, с. 44]; ср. в других саамских языках: *Kambel* [92, с. 252].

Палтус *Hippoglossus hippoglossus – па̄ллтэс* [АН, с. 212]; ср. вариант от А.А. Антоновой в качестве информанта: *палтус* [ИЭ, с. 169]; *pal'des* [К09, с. 148].

Семейство пинагоровые:

Пинагор *Cyclopterus lumpus – пинагор* [АН, с. 222].

Семейство зубатковые:

Зубатка *Anarhichas lupus – зубатка* [ИЭ, с. 169]; *кырьй зубатка* 'пестрая зубатка' *Anarhichas minor* [ИЭ, с. 169].

Семейство сельдевые:

Сельдь *Clupea harengus – сӣллт* [АН, с. 270; АФ, с. 321; К, с. 86]; *silt* [180, с. 20, 24]; *силт* [169, с. 65].

Семейство рогатковые:

Подкаменщик *Cottus gobio – kerts* [К09, с. 127].

В кильдинском саамском языке представлены родо-видовые отношения в семантическом поле «Рыбы». Для обозначения рыбы вообще есть лексема *кӯлль, кӯль* ‘рыба’ [АН, с. 119; АФ, с. 131; К, с. 43] со значением ‘водное позвоночное животное, дышащее жабрами, с конечностями в виде плавников, холодной кровью и кожей, обычно покрытое чешуей’ и ‘мясо такого животного, употребляемое в пищу; блюдо, приготовленное из такого мяса’ [77, с. 487]. См: *мунн пӧра кӯль* ‘я кушаю рыбу’; *анҺт куэлла пӗрк* ‘дай рыбе корм’ [АН, с. 119]).

Анализ языкового материала показал, что в семантическом поле «Рыбы» в кильдинском саамском языке представлены следующие оппозиции: эквиполентные (пол; место обитания; способ приготовления рыбы), привативные (во время нереста/после нереста; свежесть; наличие/отсутствие признака), градуальные (размер; окрас).

Для выражения эквиполентных оппозиционных различий ‘*самец/самка*’ в кильдинском саамском языке используются лексемы *оаресь/кӯпс* ‘самец’ и *мӗйӣн/ниҋҋлэсс* ‘самка’: *оаресь кӯлль* ‘самец рыбы’; *оаресь рӓввт* ‘самец палии’; *кӯпс кӯлль* ‘самец рыбы’; *кӯпс кувв̆ч* ‘самец кумжи’; *кӯпс лӯсс* ‘самец семги’; *мӗйӣн кӯлль* ‘самка рыбы’; *мӗйӣн лӯсс* ‘самка семги’; *ниҋҋлэсс кӯлль* ‘самка рыбы’; *ниҋҋлэсс шӓбп* ‘самка сига’ [ИЭ, с. 159]; *оаресь* ‘самец’ [АН, с. 201].

Таким же образом образуются следующие оппозиции: оппозиция ‘*морская рыба/озёрная рыба*’: *мӗрр кӯлль* ‘морская рыба’ – *яввьр кӯлль* ‘озёрная рыба’ [АФ, с. 131]; см. также *мёрр вуэсск* ‘морской окунь’ [АН, с. 165]; поймать *мӗрр лӯз* ‘морскую сёмгу’ [14, с. 50]; оппозиция ‘*сырая рыба/свежепросольная рыба/соленая рыба/жареная рыба*’: я кушаю *нюцц̆к кӯль* ‘сырую рыбу’ [АН, с. 195]; ~ *пӧррэм кӯль* ‘свежепросольную рыбу’ [АН, с. 195]; ~ *сӯль кӯль* ‘солёную рыбу’ [АН, с. 148]; *пӓшшта кӯль* лэ̄гк ‘запах жаренной рыбы’ [АН, с. 217].

Привативные оппозиции (во время нереста/после нереста; свежесть; наличие/отсутствие признака) оформлены словосочетаниями и грамматическими формами слов: *кӧдт кӯлль* ‘нерестовая рыба’ [АФ, с. 120] – *кӗрах кӯлль* ‘отнерестившаяся озерная рыба’ [ИЭ, с. 161]; *кӧдтма кӯлль* ‘отнерестившаяся рыба’ [ИЭ, с. 161]; *вэрс кӯлль* ‘свежая рыба’ [АФ, с. 72] – *кыллса кӯлль* ‘размякшая в тепле рыба’ [АФ, с. 141]; *мӯдт кӯлль* ‘тухлая рыба’ [АФ, с. 196]; *сӯккс кӯлль* ‘червивая рыба’ [АФ, с. 330]; *тоаррмъма кӯлль* ‘испорченная рыба’ [ИЭ, с. 161]; *кӯлльялаш* ‘богатый рыбой, урожайный рыбой’ [АН, с. 119] – *кӯльха* ‘без рыбы’, *кӯльхемь* ‘безрыбный’ [АН, с. 119–120].

Градуальная оппозиция по признаку ‘окрас’ оформлена словосочетаниями и самостоятельными лексемами: *рӯппьсесь кӯлль* ‘красная рыба’ [АН, с. 131] – *кырьй кӯлль* ‘пятнистая рыба’ [ИЭ, с. 160]; *вӣлька* ‘белый сиг, сиг со светлой чешуей’ [ИЭ, с. 163]; *чуввесь чӯмм шабп* ‘сиг со светлой чешуей’ [АФ, с. 403].

Особый интерес вызывает градуальная оппозиция по признаку ‘размер’. См.: *лӯсс* ‘сёмга (массой более килограмма)’ [ИЭ, с. 167]; *тыннҺт* ‘семга (мелкая, до килограмма)’ [ИЭ, с. 168]; *шабп* ‘сиг мелкий’ [169, с. 65]; майкь ‘сиг крупный’ [169, с. 65]; *мājjк* ‘крупный сиг’ [АФ, с. 180]; *майхьк, майххьк* ‘сиг (крупный)’ [АН, с. 160; К, с. 55]; ‘крупный сиг от 1,5–2 кг’ [ИЭ, с. 164]; ‘крупный сиг от 2–3 кг’ [ИЭ, с. 164]); *шāбп* ‘мелкий сиг до 2–3 кг’ [ИЭ, с. 164]. В исследуемом материале дифференциальным признаком ‘*крупный/мелкий*’ отличаются названия только двух лососёвых рыб – сёмги и сига.

В полевых исследованиях отмечено метафорическое название окуня: *лӯз вӣлльй* – букв. ‘брат сёмги’ [ИЭ, с. 166].

Наиболее значимым фактом в анализе ихтиологической лексики кильдинского саамского языка необходимо, с нашей точки зрения, считать явление, которое в разных исследованиях называется по-разному: синонимия/омонимия/полисемия [92, с. 5; 149, с. 13, 143–144]. См.: **голец** – *выԯԯц, ӣдэч* [ИЭ, с. 162–163]; *раут* [36, с. 24]; **палья** – *рāввт* [АФ, с. 285]; *кōлльм, раут* [ИЭ, с. 163]; **пикша** – *пикша* [АН, с. 222]; *тыкс* [14, с. 51]; **плотва** – *сӣвт* [ИЭ, с. 166], *пэльть* [36, с. 24]. Названия рыб определенных видов даже в данном немногочисленном материале отличаются многообразием и несоблюдением границ научной терминологии. Подчас одно и то же название обозначает разные виды/подвиды рыб. Для обозначения рыб семейства лососевых несоответствие научной и бытовой терминологии отмечается не только для саамских языков: *ряпушка* – кильд. саам. *мēвв шāбп* [ИЭ, с. 164]; букв.: ‘мелкий сиг’; ср. замечание: ‘Лопари называют ее «сижок» и «ряпус»’ [8, с. 96–98]; ср.: народные названия в русских говорах для названия рыбы *голец* – кумжа, палия [92, с. 108; 149, с. 35]; *лосось* – латыш. spiēciķis ‘кумжа’ [149, с. 9]. Отмечены «сбои» в народной терминологии озёрных и речных рыб в кильдинском саамском языке: так, не различаются подвиды ‘ручьевая форель’ и ‘озерная форель’. См.: кумжа (ручьевая форель) – *куввч, кӯввч* [АН, с. 114; АФ, с. 128]), хотя по данным информантов такое различение реалий происходит: *коалльм* ‘кумжа в о. Сейдозеро’ и *юг̄к куввч* ‘речная кумжа’ [ИЭ, с. 161].

Единичные примеры в анализируемом материале позволяют предположить, что развитие ихтиологической лексики кильдинского саамского языка будет идти по пути русификации словарного состава этой группы: см. пример с названием рыб *ёрш* и *палтус*: *еаԯԯьш* [АН, с. 74; АФ, с. 85];

ёрш [АН, с. 76]; *пāлтэс* [АН, с. 212]; ср. вариант от А.А. Антоновой в качестве информанта: *палтус* [ИЭ, с. 169].

Таким образом, исследованный материал показал следующее: 1. В кильдинском саамском языке номинацию получают не все рыбы, встречающиеся на Кольском полуострове. Наличие/отсутствие названия для рыбы Мурманской области в кильдинском саамском языке можно объяснить тем, насколько важной промысловой рыбой она является. Так, достаточно многочисленная группа названий рыбы *сиг,* возможно, объясняется особой значимостью этой рыбы (ср.: сиг – лучшая озерная рыба [36, с. 27]). Некоторых названий рыб нет в кильдинском саамском, но они представлены в других саамских языках российских саамов, например название *kεŕeh* (корюшка) представлено в йоканьгском саамском языке [СОС, с. 65]. 2. Семантическое поле «Рыбы» в кильдинском саамском языке организовано следующими оппозициями: эквиполентными, привативными, градуальными. Признаками, легшими в основу данных оппозиций, являются ‘пол’, ‘место обитания’, ‘способ приготовления рыбы’, ‘во время нереста/после нереста’, ‘свежесть’, ‘наличие/отсутствие признака’, ‘размер’, ‘окрас’. 3. Народные названия рыб в кильдинском саамском языке отражают народное утилитарное мировоззрение, связанное с хозяйственной деятельностью и отсутствием научных знаний.

4.5 Семантическое поле «Рельеф»

В разделе «Вселенная» представлены семантические поля, которые обладают особенностью, на которую указывал Ю.Н. Караулов: различие между представленностью реалий в языке и реалий в действительности определяются большей глубиной научных разработок по сравнению с повседневными представлениями носителей языка [60]. Это замечание в полной мере относится к семантическому полю «Рельеф», которое представляет различие между имеющимися орографическими терминами и названиями географических объектов в кильдинском саамском языке.

В общем смысле ландшафт рассматривается как природный территориальный комплекс, состоящий из взаимодействующих природных или природных и антропогенных компонентов, а также комплексов более низкого таксономического ранга [45] – возвышенностей, низин, элементов водного ландшафта, почвы, климатических условий. В данном разделе представлено исследование лексем, обозначающих рельеф.

В науке выделяются 2 группы форм рельефа: положительные – холм, увал); отрицательные – вогнутые (долины и их разновидности овраги, балки, котловины).

Гора – возвышенность относительной высоты более 200 метров, с ясно выраженными склонами и подножьем (подошвой), изолированно возвышающаяся над окружающейся местностью. В Сибири и на Дальнем Востоке горы с куполообразными и конусообразными вершинами часто называют сопками. Горный хребет – линейно вытянутая возвышенность относительной высоты более 200 метров, с ясно выраженными склонами и подножьем. Холм – округлая в плане возвышенность относительной высоты менее 200 метров и большей частью с пологими склонами средней крутизны и неясно выраженным подножьем. Увал – линейно вытянутая возвышенность относительной высоты менее 200 метров, с пологими склонами средней крутизны и неясно выраженным подножьем. Узкий увал с ясно выраженным подножьем часто называют холмистой грядой. Долина – линейно вытянутое понижение местности с уклоном в одном направлении [117, с. 24–28].

В пределах Кольского региона развиты горные ландшафты, тунтури и вараки. *Тунтури* имеют относительные превышения более 200 метров, это крупные возвышенности с безлесными вершинами, обилием скальных поверхностей. *Вараки* имеют превышения до 200 метров, это низкие скалистые гряды. В структуре ландшафтов Кольского региона большую роль играют урочища – моренные холмы, озы, камы, озерно-ледниковые равнины, а также морские равнины [59, с. 10]. На Кольском полуострове выделяются 2 горных массива – Хибинские и Ловозёрские тундры. Название «*тундры*» подходит для Ловозёрских тундр больше, чем «горы», потому

что значительная часть долин и ущелий этого горного массива покрыта лесом или буреломом. В. Львов отмечает, что «тундрой в Лапландии никогда не называют топкое болотистое место; напротив, под этим именем всегда подразумевается непременно сухое, покрытое ягелем место, безразлично, находится ли оно на равнине или на вершине горы или в лесу. Некоторые путешественники замечали даже, что именем тундры лопари преимущественно называют каменистые горы, покрытые ягелем, и что будто бы русское слово «гора» и «тундра» имеют у них одинаковый смысл» [96, с. 7]. В работе А.А. Киселева и Т.А. Киселевой отмечено, что «тундры Кольского полуострова – это чаще всего горы (вараки) или возвышенности с ягельниками и кустарниками» [75, с. 17]. С.Н. Дурылин определяет разницу между «тундра» и «варака» в наличии растительности: «В Лапландии гора, на вершине которой уже не может расти лес, называется тундрой. Гора, сплошь покрытая лесом, называется варакой» [48, с. 44]. Названия «*тунтури*», «*фьелды (фиельды)*» используются для обозначения горных массивов с относительно плоскими (платообразными) безлесыми поверхностями в Норвегии, Финляндии и Швеции [25, с. 10], а название «*сельга*» – для названия моренной гряды, расположенной поперек движения бывшего ледника. Сочетание «*скалистые останцы*» означает изолированные возвышенные элементы рельефа, сохранившиеся от разрушения в виде отдельных массивов в окружении более молодых пород. К такой форме рельефа относятся скалистые останцы на берегу Северного Ледовитого океана Киипери-Укко и Киипери-Акка – древнее святилище саамов. *Пахта* в северных русских диалектах – каменный утес на берегу моря или выдающийся в море [130, с. 80]. Д.А. Золотарев называл пахтами отвесные обрывы [55, с. 26]. *Кейвы* – приподнятый в виде гряды южный край платообразной равнины на Кольском полуострове высотой до 397 метров [27, с. 517].

В исследованиях ландшафтной лексики акцент делается на изучении мотивирующих признаков номинации [140], пространственных концептов [81], проводится лингвогеографический анализ [154].

Г.М. Керт отмечает, что «в зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше тридцати названий гор» и приводит некоторые из них, ссылаясь на словарь Т. Итконена [70, с. 22].

Наш анализ лексики кильдинского саамского языка показал, что среди терминов, номинирующих *положительные формы рельефа*, представлены следующие лексемы:

Вӣрр – ‘невысокая гора, круча’ [АН, с. 37]; ‘невысокая гора, холм’ [АФ, с. 45]; ‘гора, круча’ [К, с. 18], *виррь* – ‘лесная горка, «варака»’ [ГС, с. 124], *вирр* – ‘невысокая горка’ [ЛГ], *virr* – ‘склон, хребет’ [К09, с. 123], *vir̄лʊ̆ʔk* – ‘пологое, покатое место’ [IT, с. 747]. Информатор указал на архаичность слова, на его малоупотребительность.

Вуэд̄т, вэд̄т – ‘основание горы; плоскогорье’ [АН, с. 49, 61]; *вуэдт* – 2. ‘основание горы’ 3. ‘плоскогорье’ [АФ, с. 59]; *vиəDt* – ‘дно (не водное), основание’ [IT, с. 776].

Вуэййвлоагк – ‘вершина горы’ [АН, с. 50]; *ᵛйəīv*$^{(e)}$ – ‘вершина (в топонимах: гора с круглой вершиной)’ [IT, с. 767].

Выэденч, выденч – ‘небольшая вершина, покрытая субальпийским березняком’ [ГС, с. 124].

Ка̄ннЂт – ‘холм, возвышенность, гора’ [АН, с. 88]; ‘возвышенность’ [АФ, с. 99]; ‘1) холм; 2) гора’ [К, с. 36]; ‘длинная, невысокая, плоская сопка, на которой растут камни и мхи, по ней удобно шагать’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *канньт* – ‘лесная опушка или роща’ [ЛГ]; *ēгель ка̄нЂт мīлльтэ выйе* – ‘ехать по возвышенности, на которой много ягеля’; *ка̄ннЂт сайй* ‘возвышенное место’ [АФ, с. 99].

Коа̄лле, коаллс – ‘скала’ [АН, с. 102–103]; *ко̄а̄лле* – ‘скала’ [К, с. 39]; *колле* – ‘скала’ [ГС, с. 125]; *kaĺĺe* – ‘скала’ [СОС, с. 28]; *коа̄лле шэнтнэв чофта пяд̄цкай* – ‘скалы становятся очень крутыми’ [АН, с. 102]. Информант [ЛГ] подобного слова не знает.

Корр, горр – ‘ущелье, оканчивающееся тупиком’ [ГС, с. 125]; куԛԛч – ‘ущелье’; *урьт лēв куԛԛчай* – ‘горы ущелистые’ [АФ, с. 134].

Лахк – ‘вершина, верх горы’ [ГС, с. 124].

Луэххк – ‘небольшая гора, горка’ [АН, с. 154; К, с. 53]; *луэhк* – ‘горка’ [АФ, 170]; *луэhкай* (сказ.) – гористый, горист [АФ, с. 170]; *па̄jjк лӣ луэhкай* – ‘местность гориста’ [АФ, с. 170].

Мог – ‘холм’ [ГС, с. 124].

Нюн, нюнь (букв. «нос») – ‘горный отрог, выступ, «нос»’ [ГС, с. 126]; *нёнынч* (уменьш.) – ‘небольшой отрог, «носок»’ [ГС, с. 126].

Нюэцк – ‘седловина, горный перевал’ [ГС, с. 125].

Па̄ххьк – ‘гора тундровая; тундра’ [АН, с. 216]; *па̄hкь* – ‘[тундровая] гора’ [АФ, с. 244]; *па̄ххьк* – ‘гора’ [К, с. 71]; *па̄ххьк, паххьк* – ‘гора’ [71, с. 54]; *паххьк* – ‘поросшая растительностью гора’ [ЛГ]; *пахкь* – ‘горный хребет’ [ГС, с. 9]; *пахкь* – ‘возвышенность, выходящая за вертикальную границу древесной растительности, «тундра», «лысая гора», «голая гора» с мягкими округлыми очертаниями’ [ГС, с. 124]; *па̄ххьк* – ‘гора, меньше «уррьт»’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *paĥĥḱ* – ‘самое высокое место горы, где даже летом не тает снег’ [СОС, с. 28]; *па̄гка* (ум.-ласк.) – ‘горка тундровая’ [АН, с. 209]; *пагка* (ум.-ласк.) – ‘небольшая гора’ [ГС, с. 124; ЛГ]; *па̄гкэнч* – ‘горка тундровая’ [АН, с. 209]; *па̄кэнч* – ‘[тундровая] сопка’ [АФ, с. 244]; *пакенч* – ‘небольшая по площади возвышенность, выходящая вершиной за вертикальную границу древесной растительности; «голая горка»’ [ГС, с. 124]; *пака* – ‘невысокая, отдельно стоящая гора, покрытая растительностью’ [ЛГ]; *пака* – ‘маленькая сопка’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *paakki* – ‘высокая земля’ [К09, с. 122]; *па̄hкь раннЂт* – ‘склон горы’ [АФ, с. 244]; *па̄ррнэ*

уйнсэнƀ чофта эллесь пагка – ‘дети увидели очень высокую горку’ [АН, с. 209]; *пакь луэммь* – ‘пещера горы, горная пещера, щель в горе’ [АН, с. 211]; *шурр паххьк* – ‘большая гора’ [АН, 20]; *пāhкь лоагк* ‘вершина горы’ [АФ, с. 244]; *чигар япл пагка альн* – ‘стадо пасётся на сопке’ [АФ, с. 244].

Паххьт – ‘скала, обрыв, гора (без растительности)’ [АН, с. 216]; ‘обрыв, скалистый берег’ [АФ, с. 250]; ‘скала, обрыв, гора (без растительности)’ [К, с. 71]; *pāχt*^{E} – ‘пахта, откос, горная стена, отвесный склон горы, крутой валун на (в) земле’ [IT, с. 327]; *pākte* – ‘пахта – береговой утёс’ [Ш, с. 21]; *чāбар писсетƀ вуайй коаввнэ коале пāхьтэсьт* – ‘гнёзда чаек можно найти на скалистом обрыве’ [АФ, с. 250].

Пядцнэгк – ‘круча, обрыв’ [АН, с. 246]; *пяцк рыннт* – ‘обрывистый берег’ [АФ, с. 284]; *пяцк коалле* – ‘отвесная скала’ [АФ, с. 284]; *pashm* – ‘скалистое место’ [К09, с. 122].

Тёррьм – ‘гора, горушка, холм’ [АН, с. 296]; ‘горка, возвышенность’ [АФ, 349]; ‘гора, горушка, холм’ [К, с. 92]; ‘невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке’ [ЛГ]; *тьерм* – ‘горка, холмик, пригорок, обрыв’ [ГС, с. 124]; *tiemn* – ‘горушка, обрыв’ [К09, с. 123]; *teŕŕṁ* – ‘каменистый склон к озеру’ [СОС, с. 28]; *tjeṇm*^{e} – ‘холм (на дороге)’ [IT, с. 590]; *тёррьм пājjк* ‘гористая местность’ [АФ, с. 349].

Тундар – ‘тундра’ [АН, с. 311; К, с. 98]; *чāрр* – ‘тундра’ [АН, с. 336]; *чāрр* – ‘тундра’ [АФ, с. 387]; *пāльяс чāрр* – ‘голая тундра’ [АФ, с. 387]; *чорр* – ‘горный хребет’ [ГС, с. 124]; *тундр, тундар* – ‘1) вовышенность, выходящая за пределы лесной растительности; 2) горный массив’ [ГС, с. 124]; *тундренч* – ‘тундрица, горка’ [ГС, с. 124]; *tsharr* – ‘гора ягельная’ [К09, с. 123]; *tśëȧrr*^{a}*, čar, čirre* – ‘горное низкое плато немного выше верхней границы леса’ [IT, с. 653]; *tśorr* – ‘высшее место горы или горной цепи; возвышенность, нагорье’ [IT, с. 679].

Уайв, уэйв – ‘вершина горы с округлыми формами’ [ГС, с. 124]; *уайвеэнч* – ‘букв. головка; вершина, «макушка»’ [ГС, с. 124].

Уррьт – ‘гора скалистая, гора высокая’ [АН, с. 325]; ‘скалистая гора’ [АФ, с. 373]; высокая скалистая гора, лишенная растительности, часто располагающаяся у берега моря [ЛГ]; ‘большие горы (как Ловозерские)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *урт* – ‘горный хребет, массив, «кейва»’ [ГС, с. 124]; *urr* – ‘каменная гряда’ [К09, с. 123]; *urrḎ* – ‘большая скалистая гора’ [СОС, с. 28]; *uṛ*^{d}*ṭ* – ‘горный хребет’ [IT, с. 701]; *Луяввьр уррьт* ‘Ловозёрские горы’ [АН, с. 325]; *поāке уррьт* – ‘цепь гор’ [АН, с. 225]; *уррьт пājjк* – ‘гористая местность’[АФ, с. 373]; *уррьтай* (сказ.) – ‘изобилующий скалистыми горами’ [АФ, с. 373]; *ортенч, орденч* – ‘уменьш. от урт’ [ГС, с. 124].

Чола – ‘хребет (горный)’ [АН, с. 342]; *чокк, чокки* – ‘горный пик, острая вершина возвышенности’ [ГС, с. 124]; *чола* – чернеющий на горизонте лес [ЛГ]; *tshohka* – ‘острый гребень горы’ [К09, с. 123]; *tśoɔkk,*

t́šoGk^{E} – ‘вершина (горы??) (выше или ниже лесной границы)’ [IT, с. 677]; *t́šōл-dāχt̄* ‘скалистые россыпи’ [IT, с. 677]; *čol-naut* – ‘скалистые останцы’ [IT, с. 677]; *t́šorr-D́šōл* – ‘вершина’ [IT, с. 679].

Шаррьй – ‘гора (невысокая)’ [АН, с. 351; К, с. 110]; *шарий* (интервьюируемый настаивал на написании *шоарий*) – ‘гора среднего размера, ниже, чем уррьт, но выше пака’ [ЛГ].

Ыббрь – ‘обрыв, крутой берег’ [АН, с. 358; К, с. 111].

Юг̄ал – ‘скала, утёс’ [АН, с. 369; АФ, с. 426]; *юг̄ал пāкь* – ‘скалистые горы’ [АН, с. 369; АФ, с. 426]. Информант [ЛГ] подобного слова не знает, утверждает, что это не кильдинский саамский язык.

Ивр̄^{e}*, ibr*^{e} – ‘утёс, скалистый утёс; крутая скальная стена’ [IT, с. 46]; *pāχt̄-ивр̄*^{e} – ‘твердая, непокоримая гора’ [IT, с. 46].

Čielgke – ‘кряж, гряда’ [Ш, с. 25].

Kalli – ‘скала’ [К, с. 121]; *kalle*^{i} – ‘утёс, скала’ [IT, с. 85].

Kuedshkash – ‘гора, покрытая сосной’ [К09, с. 122].

Vā̄ŋr̥^{ė} – ‘гора, лесистая гора, сопка, покрытая лесом’ [IT, с. 721]; *варрь* – ‘у русских «варака» – холм, покрытый лесом; гора, покрытая лесом’ [ГС, с. 124]; *варенч* (уменьш.) – от варанч ‘горка, покрытая лесом’ [ГС, с. 124].

Vin̄dar – ‘холм, пригорок, горка, бугор’ [IT, с. 754]; *pā̄ɔkk-vin̄dar* – ‘горный холм (сопочный холм), горная вершина (сопки)’ [IT, с. 754].

VeDt – ‘небольшая гора, холм’ [СОС, с. 28].

VūGk$^{(a)}$ – ‘горная лужайка; высокогорное пастбище’ [IT, с. 775].

Vul̄m – ‘маленький остров-скала; ровный утес (обычно немного над водой); подводная скала, скалистый островок’ [IT, с. 775].

Среди терминов, номинирующих *отрицательные формы рельефа*, представлены следующие лексемы:

Вӯммь – ‘долина’ [АН, с. 47]; ‘долина’ [АФ, с. 57]; *vūmm* – ‘пологая (постепенно понижающаяся), поросшая травой горная долина; верхняя граница распространения леса в горах (сопках)’ [IT, с. 787–788]; *ёгк вӯммь* – ‘речная долина’ [АФ, с. 57].

Нёаррк – ‘мыс; полуостров; заливной луг, поляна у берега’ [АН, 183]; ‘мыс’ [АФ, с. 209]; ‘1) мыс; 2) заливной луг’ [К, с. 62]; *нёаррка* (ум.-ласк.) – ‘мысок, полянка у берега’ [АН, с. 183]; *коалле нёаррк* – ‘скалистый мыс’ [АФ, с. 209].

Нёл̄лктесс – ‘равнина’ [АН, с. 184]; *нёалк* – ‘равнина (мох, ягель, камни)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *нёалк сайй* – ‘ровное место’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *нёлькесь пāкь* – ‘плоские горы’ [АФ, с. 210]; *нёлькесь сайй* – ‘ровное место’ [АФ, с. 210]

Пӣлт – ‘лужайка’ [АН, с. 222]; *пōшенѣ* – ‘лужайка’ [АН, с. 232]; *пуэшенч* (ум.-ласк.) – ‘лужайка, поляночка’ [АН, с. 238]; *пуэшенѣ* – ‘луг, поля-

на’ [АН, с. 238], ‘луг (место сенокоса)’ [АФ, с. 275]; *пуэшьна* (ум.-ласк.) – ‘лужайка’ [АН, с. 238]; *пя̄лт* – ‘поляна, лужайка’ [АН, с. 247; АФ, с. 283]; *ва̄рр пя̄лт* – ‘лесная лужайка’ [АФ, с. 283].

Таким образом, исследованный материал показал следующее: 1. В анализируемом материале терминов, номинирующих положительные формы рельефа, намного больше, чем терминов, номинирующих отрицательные формы рельефа, что объясняется особенностями ландшафта Кольского полуострова. 2. Анализ ландшафтной лексики показал, что часть терминов, представленных в источниках, уже не функционирует в современном кильдинском саамском языке, так как утратила свою актуальность и перешла в пассивный запас языка. 3. Номинация географических объектов объясняется спецификой хозяйственной деятельности саамов: выделение дифференциальных семантических признаков «растительность», «лес» и «ягель» связано с необходимостью обозначения значимых географических реалий для выпаса оленей и охотничьего промысла. 4. В семантическом поле «Рельеф» оппозиции (эквиполентные, привативные, градуальные) размыты в отличие от других семантических полей («Рыбы», «Растения»). 5. В отличие от научных терминов лексика семантического поля «Рельеф» кильдинского саамского языка не сосредоточена на актуализации высоты географических реалий, характеристики его вершин и склонов. Ядром представлений реалий в языке является соотношение «выше, чем»/ «ниже, чем». Ср. данные полевых исследований: *шарий* – ‘гора среднего размера, ниже, чем уррьт, но выше пака’ [ЛГ]. При этом понятие «высота» смещено: ‘большие горы (как Ловозерские)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; ‘невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке’ [ЛГ]; *па̄ррнэ уйнсэнѣ чофта э̄ллесь пагка* – ‘дети увидели очень высокую горку’ [АН, с. 209].

4.6 Семантическое поле «Вода»

Гидронимика тесто связана с историей народа, населяющего данную территорию, с появлением географических названий. Гидронимическая лексика – наиболее древний пласт лексики языка: названия вод обладают наибольшей устойчивостью [147, с. 3].

Для лексики народов Севера гидронимическая лексика представляет собой группу слов, несущую ценнейшую лингвистическую, историческую и культурную информацию (см. об этом, например: [129]). Анализ гидронимов осуществляется с целью воссоздания древнейших языковых, а через них этнических отношений на данной географической территории (см. об этом: [147, с. 4]).

Описание гидронимической лексики исчезающего языка является актуальной задачей, поскольку эта лексика отражает исконное представление этноса о природе. Коренные малочисленные народы Севера воспринимали природу как высшую данность, как отмечает Н.Л. Иванова, исследуя гидронимическую лексику селькупов. Для северных этносов вода – не объект преобразования. Вода воспринимается коренным малочисленным народов как среда обитания рыб, животных, а также место промысловой деятельности [58, с. 18].

Гидронимическая лексика в разных языках исследуется с точки зрения этимологии и топонимики, в последнее время описывается гидронимическая картина мира (см., например: [20; 58; 129; 147]).

Кольский полуостров находится на крайнем северо-западе Европейской части России и входит в состав Мурманской области. На Севере он омывается водами Баренцева моря, на Юге и Востоке – Белого моря. Западной границей Кольского полуострова является меридиональная впадина, протягивающаяся от Кольского залива по долине реки Кола, озеру Имандра и реке Ниве до Кандалакшского залива [120]. Мурманская область – один из самых озерно-речных участков России. Здесь около 130 тысяч рек и озер. Густота речной сети значительна. Некоторые реки имеют длину более 200 километров: Поной (свыше 400 километров), Варзуга, Тулома, Кола, Иоканга. Крупнейшими озерами области являются Имандра, Умбозеро, Ловозеро, Канозеро, Енозеро [121, с. 3].

В исследованиях этнографов отмечается, что лопари с давних времен промышляли рыбной ловлей и жили летом по берегам рек, озер и моря в шатрах или шалашах. Предпочтительно рыбной ловлей заставили русского лопаря заниматься многие причины. Главная из них – сама природа, благоприятствующая этому промыслу. Моря Белое и Ледовитое – просто золотые копи для рыбака, сверх того, в Русской пограничной Лапландии есть два больших, богатых рыбой озера (Имандра и Нуот) и несчетное количество мелких озер [63, с. 153–154]. Главным озером, в котором саамы про-

мышляли рыбу, считается Имандра. Изрезанное многочисленными губами и островами озеро это, несмотря на свои огромные размеры, является водоемом весьма удобным для лова примитивными саамскими снастями. В 40 километрах от Имандры расположено Умбозеро, глубоководное озеро, богатое рыбой, но почти не используемое. К крупным рыбным водоемам относятся также озера Колвицкое, Ловозеро, Нотозеро, Пиренгское, Вехнее и Нижнее Енозеро. Главнейшие рыболовные реки: Тулома, Териберка, Воронья, Иоканга, Поной, Варзуга, Умба. Кроме внутренних водоемов, саамы многих селений ловили семгу в 37 крупных морских тонях. Несмотря на большое количество водоемов, изобилующих рыбами разных пород, озерное и морское рыболовство саамов носило в целом весьма примитивный характер и позволяло лишь кое-как сводить концы с концами, не обеспечивая экономического подъема [36, с. 24–25]. По роду своих занятий лопарь был вынужден вести полукочевой образ жизни: с апреля до декабря месяца он бродил по тундрам, около рыбных озер, следуя за стадом своих оленей. Лопари, имевшие семужьи тони при морских губах, отпуская оленей в тундры, сами с семьями переселялись в вежи на берега морских бухт и заливов на время семужьего лова, а затем с окончанием лова переходили в глубину тундр, к озерам и стадам [48, с. 67].

В группе терминов, обозначающих водные объекты (гидронимические), необходимо прежде всего выделить лексему со значением «*вода*»: *чāдзь* [АН, с. 334; АФ, с. 385; ГС, с. 122]; *čad′ź* [СОС, с. 23]; см. также: *suss* – ‘подснежная вода’ [СОС, с. 28]; и словосочетания: *сӯлль чāдзь* – ‘соленая вода’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *асӯльь чāдзь* – ‘пресная вода’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *чуэннчуй чāдзь* – ‘стоячая вода’ [АФ, с. 385]; *чāдзь моадтäй ли, моадтҐ чāдзь* – ‘вода мутная (букв.: илистая вода. – *О.И.*)’ [АН, с. 170; АФ, с. 193].

В исследуемой группе представлена родо-видовая оппозиция, гиперонимами которой являются лексемы «море» (*мēрр*), «река» (*ёгк*), «озеро» (*явврь*), «ручей» (*вуэйй*), «болото» (*лāммьп*).

Наименования форм водного ландшафта в кильдинском саамском языке образуют следующие тематические группы: море, река, озера, ручьи и родники, болота.

В тематическую группу «*Море*» включаются следующие лексемы и сочетания:

Мēрр – ‘море’ [АН, с. 165; АФ, с. 187; К, с. 57]; *миерр* – ‘море’ [ГС, с. 119]; *mierr* – ‘море’ [СОС, с. 27]; *Карибскэ мēрр* – ‘Карибское море’ [АН, с. 89]; *ёгк мэнн мēрр* – ‘место впадения реки в море (букв.: река идет к морю)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ];

Вӯнн – ‘бухта морская, залив морской’ [АН, с. 47]; ‘залив, бухта, заводь’ [АФ, с. 57]; ‘бухта, залив (морские)’ [К, с. 23]; *вун* – ‘залив, фиорд’ [ГС, 117]; ‘морской залив, фиорд, большой озерный залив, губа’ [ГС, с. 124];

Вӯбпь – ‘губа маленькая (от водоёма)’ [АН, с. 43];

Кӯййп – ‘отлив у моря, куйпога’ [АН, с. 117]; *кӯййп шэнтэ* – ‘наступила куйпога (полный отлив, весь берег сухой)’ [АН, с. 117]; *адзе* – ‘прибывать/прибыть (о воде во время прилива)’ [АН, с. 17; АФ, с. 20]; *кӯййпнэ* – ‘убывать, убыть (о воде во время отлива)’ [АН, с. 117];

Арволаш – ‘вода стоит, не прилив и не отлив’ [АН, с. 23];

Тӣвт чӣдзь – ‘полная вода, куйпога (о приливе)’ [АН, с. 297]; *тӣвтчӣдзь* – ‘самый высокий уровень воды после прилива (полная вода)’ [АН, с. 297];

Чуэлльм – ‘пролив’ [АН, с. 348; АФ, с. 406]; *чуолм* – ‘пролив, салма’ [ГС, с. 122]; *t'šuəlm̄^{e}* – ‘песчаный и морской пролив’ (здесь и далее перевод наш. – *О.И.*) [IT, с. 671];

Ko(a)rg – ‘корга – каменистая мель’ [Ш, с. 18]; *корг, коарг, куэрк* – ‘русское «корга» – мель, отмель; в море – отмель, обнажающаяся после отлива; иногда – местное возвышение морского дна (последнее у русских мурманских рыбаков)’ [ГС, с. 124]; *kuər^{ƨ}k^{A}* – ‘риф из песка или гальки > корга’ [IT, с. 175];

Čiwre – ‘камни, галька’, ‘шивера – каменистый участок реки с сильным течением’ [Ш, с. 24];

Čuel̓l̓m – ‘пролив’ [СОС, с. 26];

Jɛ̨m̄ – ‘широкая водная поверхность, площадь между двумя берегами (в море, в фиорде, в широкой бухте)’ [IT, с. 56].

К этой группе примыкает наименование океана, например: *Атлантическэ океан* – ‘Атлантический океан’ [АН, с. 24].

В тематическую группу «*Река*» включаются следующие лексемы и сочетания:

Ёгк – ‘река’ [АН, с. 75; АФ, с. 86; К, с. 32]; *чӣҥҥлэсс чӣдзь ёгк* – ‘глубоководная река’ [АФ, с. 86]; *кӣнҐцэсь ёгк* – ‘неширокая река’ [АФ, с. 106]; *.joGk* – ‘река’ [СОС, с. 23]; *Варрьм ёгк* – ‘река Вирма’ [АН, с. 33];

Ёгенч (ум.-ласк.) – ‘речка’ [АН, с. 75]; *иогенч, йогенч* – ‘речка’ [ГС, с. 117, 123];

Вӣввьл – ‘глубокое место, глубина (русла); русло’ [АН, с. 29]; ‘русло’ [АФ, с. 32]; ‘1) глубокое место; 2) русло’ [К, с. 15]; *ёгк вӣввьл* – ‘русло реки’ [АФ, с. 32]; *вавель* – ‘глубокое русло реки, фарватер’ [ГС, с. 116]; *валвенч* – ‘речной фарватер, глубокое русло речи; подречье – узкий залив озера, вдающийся в затопленную нижнюю часть речной долины’ [ГС, с. 123];

Вӣлльм – ‘проток, протока’ [АФ, с. 40]; *виельм* – ‘проток, пролив’ [ГС, с. 116], ‘проток-ручей, соединяющий озеро с рекой’ [ГС, с. 123]; *vir^{ƨ}t^{E}* – ‘поток, текущая вода (в реке)’ [IT, с. 755];

Вуэллдэгл – ‘устье’ [АН, с. 50];

Ёгкмофххьк – ‘изгиб реки’ [АН, с. 75], ’поворот реки, изгиб, река с извилинами’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ];

Ёгк мэ̄нн яввра – ‘место впадения реки в озеро (букв.: река идет к озеру)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ];

Ёгк нялльм – ‘устье реки (букв.: где река открывается), рот реки’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ];

Ёгк рофтксэллэ – ‘дельта реки (букв.: река разделяется)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ];

Кӯшшк – ‘порог (в реке)’ [К, с. 44]; *кушк* – ‘порог в реке, ручье, проливе’ [ГС, с. 123]; *кӯшшк* – ‘порог на реке’ [АН, с. 125]; *кушкэнч. кӯшька, кӯшькэнч* (ум.-ласк.) – ‘маленький порог на реке’ [АН, с. 125]; *kūšk̄(^A)* – ‘быстрое течение, водопад (не отвесный, не крутой)’ [IT, с. 178];

Поāдан – ‘водопад’ [АН, с. 224; АФ, с. 258]; *пāhкь поāдан* – ‘горный водопад’ [АФ, с. 258];

Ньявв, няв – ‘быстрое течение в реке’ [ГС, с. 119–120]; *нявь, ньявв* – ‘быстрое течение реки, место реки с наибольшей скоростью течения’ [ГС, с. 123];

Суррь – ‘пространство между рекой и ее рукавом в месте соединения их; проток речки’ [ГС, с. 121];

Эххтэ – ‘слияние рек (букв.: соединяться)’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ].

В тематическую группу «*Озеро*» включаются следующие лексемы и сочетания:

Я̄вврь – ‘озеро’ [АН, с. 374; АФ, с. 431; К, с. 115]; *яверь, явирь, явр, яврь* – ‘озеро’ [ГС, с. 122]; *пāррнэ уйнсэнЂ эйй шӯрр я̄врь* – ‘дети увидели небольшое озеро’ [АН, с. 374]; *пāhкь я̄вврь* – ‘горное озеро’ [АФ, с. 431]; *цуэгесь яввьр* – ‘мелкое озеро’ [К, с. 102].; *сыль* – ‘скудный, бедный’ (например, бедное рыбой озеро) [ГС, с. 121]; *вайкес* – ‘сквозной, «бездонный» – в применении к глубокому озеру’ [ГС, с. 116];

Яуренч – ‘озерко’ [ГС, с. 122]; *лоāшш я̄врэнч* (ум.-ласк.) – ‘озерко’ [АН, с. 148];

Йырнь – ‘удаленное от берега место большого озера или моря, «голомень»’ [ГС, с. 117]; ‘наиболее удаленное и глубокое место в большом озере, «голомень» (древнерусское)’ [ГС, с. 124];

Ёварр явврь – ‘гладкое озеро, штиль’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ];

Moat’k’ – ‘матка – перешеек, озерное дефиле, волок; саам. ‘волок, перешеек’ [Ш, с. 20];

RįnDt – ‘пространство озера (вдали от берегов)’ [СОС, с. 26].

В тематическую группу «*Ручей, родник*» включаются следующие лексемы и сочетания:

Вуэйй – ‘ручей’ [АН, с. 49; АФ, с. 60]; *пāhкь вуэйй* – ‘горный ручей’ [АФ, с. 60];

Вуаенч – ‘ручеёк’ [АН, с. 40]; *вуайенч, вуайнек* – ‘ручеек’ [ГС, с. 117]; уайнек – ‘ручеек’ [ГС, с. 121]; *цуэгесь вуая* – ‘мелкий ручеёк’ [АФ, с. 381];

Кāйив – ‘родник; источник; колодец’ [АН, с. 85], ‘родник, ключ’ [АФ, с. 96], ‘1) родник; 2) колодец’ [К, с. 35]; *кайв* – ‘ключ, источник, родник’ [ГС, с. 123]; *kaiv* – ‘источник, родник’ [IT, с. 81]; *кол$^{\bar{s}}$kʊ$^{\delta}$* – ‘ручей, плывун’ [IT, с. 142];

Кэльм-чацц – ‘родник’ [ГС, с. 119]; *кэльм-чацц* – ‘родник, источник (букв.: холодная вода)’ [ГС, с. 123].

В тематическую группу «*Болото*» включаются следующие лексемы и сочетания:

Лāммьп – ‘болото’ [АН, с. 141; К, с. 49], ‘болото, топь’ [АФ, с. 154]; *лāммьп сāйит* – ‘болотное место’ [АН, с. 141]; *лӯмь лāммьп* – ‘морошковое болото’ [АФ, с. 154]; *сях̄хтар лāммьп* – ‘мшистое болото’ [АФ, с. 340]; *моррь* – ‘зыбкое болото’ [ГС, с. 119]; *шуэннь* – ‘топкое болото’ [АН, с. 356], ‘[топкое] болото (заросшее травой)’ [АФ, с. 414], ‘травяное болото’ [ГС, с. 122]; *аотце-михт-ламбь* – ‘кочкарниковое болото’ [ГС, с. 116]; *łạ̀m$^{\bar{s}}$p^{E}* – ‘болото’ [IT, с. 191–192]; *laṁṁр* – ‘озеро на болоте’ [СОС, с. 26]; *лоāшш* – ‘трясина’ [АН, с. 148]; *дрябпь лāммьп* – ‘трясина’ [АФ, с. 154];

Вугнэк – ‘осоковые заросли при впадении речки в озеро’ [ГС, с. 117];

ДэбэнЂ – ‘трясина, топь’ [АН, с. 66; АФ, с. 77]; *вāррь дэбэнЂ* – ‘лесная трясина’ [АН, с. 66; АФ, с. 77];

Йенк, йенкь – ‘болото’ [ГС, с. 117];

Канть – ‘сухое место на болоте’ [ГС, с. 118];

Šиєńń – ‘болото’ [СОС, с. 27];

Riõрр – ‘болото’ [IT, с. 441].

За пределами вышеназванных тематических групп находятся следующие лексемы:

Чāдзь сайй – ‘водоём’ [АН, с. 334];

Чӣҥҥалвудт, чӣҥҥлэсс – ‘глубина’ [АН, с. 339; АФ, с. 393]; *чӣҥҥалвӯдт* – ‘глубина (большая)’ [К, с. 105]; *чӣҥҥлэсс* – ‘глубина (небольшая)’ [К, с. 105];

Рыннт – ‘берег’ [АН, с. 260; АФ, с. 305; К, с. 84]; *лӣдт рыннт* – ‘песочный берег’ [АН, с. 145]; *лӣххт* – ‘берег песчаный, песочный берег (пляжный берег)’ [АН, с. 145]; *вунтас рыннт, вӯнтас рыннт* – ‘песочный берег’ [АН, с. 47; ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *мēрр рыннт* – ‘морской берег’ [АФ, с. 305]; ‘берег моря’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *кеддЂк рыннт* – ‘каменистый берег’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *пяттццк рыннт* – ‘высокий, крутой берег ’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *пяцц̄к рыннт* – ‘обрывистый берег’ [АФ, с. 284]; *рандэч* – ‘бережок’ [ГС, с. 124];

Эббр – ‘берег (очень высокий)’ [АН, с. 361];

Тавас – ‘далеко, вдаль (в озеро)’ [АН, с. 290], ‘далеко, вдаль (от берега)’ [АФ, с. 341]; *āйя лушьтэ соāймэтЂ тавас рынтэсьт* – ‘дедушка поставил сети далеко от берега’ [АН, с. 290]; *мунн суга тāввьла* – ‘я гребу дальше в озеро’ [АН, с. 290];

Выррьт – ‘течение; русло’ [АН, с. 59]; ‘течение’ [АФ, с. 69]; *вырть* – ‘быстрое течение’ [ГС, с. 117]; ‘поток, течение, быстрое течение’ [ГС, с. 123]; *удлэс выррьт* – ‘быстрое течение’ [АФ, с. 69]; *viŕŕt* – ‘быстрое течение’ [СОС, с. 25]; *мēрр выррьт* – ‘морское течение’ [АФ, с. 69]; *Поāххк выррьт* – ‘Гольфстрим’ [АН, с. 227];

Лӯххт – ‘залив озера, реки; бухта на озере, реке’ [АН, с. 152], ‘залив’ [АФ, с. 168; ГС, с. 119], ‘залив, губа’ [ГС, с. 124]; *luhht* – ‘залив’ [СОС, с. 27];

ПоāннЂ – ‘дно (водоёма)’ [АН, с. 226; АФ, с. 261; К, с. 74]; *pońń* – ‘дно’ [СОС, с. 24]; *ёгк поāннЂ* – ‘дно реки’ [АФ, с. 261]; *мēрр поанӭсьт* – ‘на дне морском’ [АФ, с. 261]; *кеддЂк поāннЂ* – ‘каменистое дно’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *вунтас поāннЂ* – ‘песчаное дно’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ].

В семантическом поле «Вода» в кильдинском саамском языке представлены следующие оппозиции: эквиполентные, привативные, градуальные.

Анализ эквиполентных оппозиций в семантическом поле «*Вода*» выявил следующие соотношения: «*каменистый/песочный*» (см.: *лӣдт рыннт* – ‘песочный берег’ [АН, с. 145]; *лӣххт* – ‘берег песчаный, песочный берег (пляжный берег)’ [АН, с. 145]; *вунтас рыннт, вӯнтас рыт* – ‘песочный берег’ [АН, с. 47; ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *кеддЂк поāннЂ* – ‘каменистое дно’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *вунтас поāннЂ* – ‘песчаное дно’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *t’šuəlm̄ᵉ* – ‘песчаный пролив’ [IT, с. 671]; *кеддЂк рыннт* – ‘каменистый берег’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *čiwre* – ‘каменистый участок реки’ [Ш, с. 24]; *ко(а)rg* – ‘корга – каменистая мель’ [Ш, с. 18]); «*морской/речной/озерный/лесной/горный*» (см.: *вӯнн* – ‘бухта морская, залив морской’ [АН, с. 47]; *вун* – ‘морской залив, фиорд, большой озерный залив’ [ГС, с. 124]; *t’šuəlm̄ᵉ* – ‘морской пролив’ [IT, с. 671]; *мēрр рыннт* – ‘морской берег’ [АФ, с. 305]; *мēрр выррьт* – ‘морское течение’ [АФ, с. 69]; *мēрр поанӭсьт* – ‘на дне морском’ [АФ, с. 261]; *ёгк поāннЂ* – ‘дно реки’ [АФ, с. 261]; *пāhкь поāдан* – ‘горный водопад’ [АФ, с. 258]; *пāhкь явврь* – ‘горное озеро’ [АФ, с. 431]; *пāhкь вуэйй* – ‘горный ручей’ [АФ, с. 60]; *вāррь дэбэнЂ* – ‘лесная трясина’ [АН, с. 66; АФ, с. 77]; *ućć javra* – ‘маленькое лесное озеро’ [СОС, с. 26]). Представляются эквиполентными оппозициями отношения в группе «*Болото*»: *лӯмь лāммьп* – ‘морошковое болото’ [АФ, с. 154]; *сяхтар лāммьп* – ‘мшистое болото’ [АФ, с. 340]; *шуэннь* – ‘травяное болото’ [ГС, с. 122]; *аотце-михт-ламбь* – ‘кочкарниковое болото’ [ГС, с. 116].

Анализ привативных оппозиций в семантическом поле «*Вода*» выявил следующие соотношения: «*глубокий/неглубокий (мелкий)*» (см.:

чӣҊҊлэсс чāдзь ёгк – ‘глубоководная река’ [АФ, с. 86]; *вāввьл* – ‘глубокое место’ [АН, с. 29]; *йырнь* – ‘наиболее удаленное и глубокое место в большом озере’ [ГС, с. 124]; *вайкес* – ‘«бездонный» – в применении к глубокому озеру’ [ГС, с. 116]; *цуэгесь яввьр* – ‘мелкое озеро’ [К, с. 102]; *цуэгесь вуая* – ‘мелкий ручеёк’] [АФ, с. 381]); «*большой/небольшой (маленький)*» (см.: *йырнь* – ‘удаленное от берега место большого озера или моря’ [ГС, с. 117]; *jordan* – ‘большая полынья’ [IT, с. 68]; *вӯбпь* – ‘губа маленькая (от водоёма)’ [АН, с. 43]; *кушкэнч. кӯшька, кӯшькэнч* (ум.-ласк.) – ‘маленький порог на реке’ [АН, с. 125]; *пāррнэ уйнсэнЂ эйй шӯрр явр̄ь* – ‘дети увидели небольшое озеро’ [АН, с. 374]; чӣҊҊалвӯдт – ‘глубина (большая)’ [К, с. 105]; чӣҊҊлэсс – ‘глубина (небольшая)’ [К, 105]); «*широкий/неширокий (узкий)*» (см.: *jɛ̄ṇ* – ‘широкая водная поверхность, площадь между двумя берегами (в море, в фиорде, в широкой бухте)’ [IT, с. 56]; *кēнЂцэсь ёгк* – ‘неширокая река’ [АФ, с. 106]; *валвенч* – ‘узкий залив озера, вдающийся в затопленную нижнюю часть речной долины’ [ГС, с. 123]); «*стоячий/проточный*» (см.: *vir^{ä}t^{E}* – ‘текущая вода (в реке)’ [IT, с. 755]; *чуэннчуй чāдзь* – ‘стоячая вода’ [АФ, с. 385]); «*крутой/не крутой*» (см.: *пяттцк рыннт* – ‘высокий, крутой берег’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *пяц̄цк рыннт* – ‘обрывистый берег’ [АФ, с. 284]; *эб̄бр* – ‘берег (очень высокий)’ [АН, с. 361]; *kūšk(^{A})* – ‘водопад (не отвесный, не крутой)’ [IT, с. 178]); «*прилив/отлив*» (см.: *кӯййп шэн̄тэ* – ‘наступила куйпога (полный отлив, весь берег сухой)’ [АН, с. 117]; *адзе* – ‘прибывать/прибыть (о воде во время прилива)’ [АН, с. 17; АФ, с. 20]; *кӯййпнэ* – ‘убывать, убыть (о воде во время отлива)’ [АН, с. 117]; *тӣвт чāдзь* – ‘полная вода, куйпога (о приливе)’ [АН, с. 297]; *тӣвтчāдзь* – ‘самый высокий уровень воды после прилива (полная вода)’ [АН, с. 297]; *корг, коарг, куэрк* – ‘в море – отмель, обнажающаяся после отлива;’ [ГС, с. 124]; *арволаш* – ‘вода стоит, не прилив и не отлив’ [АН, с. 23]); «*бедный/богатый рыбой*» (см.: *сыль* – ‘скудный, бедный’ (например, бедное рыбой озеро) [ГС, с. 121]; *явв̄ьр лӣкуаллай* – ‘в озере много рыбы’ [АФ, с. 131]; *явв̄ьр куэллэй* – ‘в озере появилось много рыбы’ [АФ, с. 132]).

Градуальной является оппозиция «*река/речка*» (см.: *ёгк* – ‘река’ [АН, 75; АФ, 86; К, 32]; *иогенч, йогенч* – ‘речка’ [ГС, с. 117, 123]).

Предположение об особой антропоцентричности языка коренного малочисленного народа требует обширного языкового материала и серьезных сопоставительных исследований. Имеющийся в нашем распоряжении материал кильдинского саамского языка семантического поля «Вода» и анализ оппозиций внутри поля позволяет выявить актуальные для этнического сознания объекты водного ландшафта. Важность водных объектов в жизни саамского народа не требует доказательств: в путешествии по Кольскому полуострову выделялся «путь «по-лопарям», а лучше сказать – по

трясинам, озерам и порожистым рекам» [48, с. 57]. Как показало исследование, все характеристики водных объектов нашли отражение в лексике кильдинского саамского языка (размер, глубина, ширина, порожистость, илистость, место расположения, наличие растительности, обилие рыбы). В анализируемом материале представлена специфическая пространственная ориентация, связанная с особенностью рыболовного промысла (см., например: *тавас* – ‘далеко, вдаль (в озеро)’ [АН, с. 290; АФ, с. 341]; *rįnDt* – ‘пространство озера (вдали от берегов)’ [СОС, с. 26]). Номинацию в кильдинском саамском языке получили реалии, которые нуждаются в особом выделении для выживания в суровых северных условиях (см., например: *вугнэк* – ‘осоковые заросли при впадении речки в озеро’ [ГС, с. 117]; *канть* – ‘сухое место на болоте’ [ГС, с. 118]; *эӣбр* – ‘берег (очень высокий)’ [АН, с. 361]; *эххтэ* – ‘слияние рек’ [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]).

4.7 Выводы по главе

Анализ семантических полей «Северный олень», «Растения», «Рыбы», «Рельеф» и «Вода» в кильдинском саамском языке выявил некоторые принципы организации тезауруса этого языка малочисленного коренного народа Севера.

Специфика тезауруса, и словаря вообще, миноритарных языков выражается в том, что для этих языков не подходят классификации, разработанные для современных индоевропейских языков. Для абстрактных существительных в диалектах хантыйского языка, например, это доказано в работе О.С. Потаниной [116].

Для кильдинского саамского языка в исследованных семантических полях принципами организации тезауруса являются *оппозитивность* и *антропоцентричность*.

В нашей работе *антропоцентричный подход* означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения.

Анализ семантических полей «Северный олень», «Растения», «Рыбы», «Рельеф» и «Вода» показал, что некоторые особенности в кильдинском саамском языке объясняются такими ограничениями в лексико-семантической системе, которые объясняются спецификой промыслов и хозяйственной деятельности этноса.

Так, в семантическое поле «Северный олень» в кильдинском саамском языке включаются лексемы, которые обозначают животное, а связанные с ним признаки и действия представлены не только как явление органического мира, но и как продукты практической деятельности человека.

Кильдинско-саамская фитонимическая терминология охватывает лишь те растения, которые связаны с хозяйственной и культурной жизнью народа. Исследование семантического поля «Растения» выявило некоторые закономерности в представлении растительного мира саамским этносом: различение дикорастущих и культурных растений, мхов и лишайников.

Анализ семантического поля «Рыбы» показал, что номинацию в кильдинском саамском языке получают не все рыбы, встречающиеся на Кольском полуострове. Наличие названия рыбы водоемов Мурманской области в кильдинском саамском языке можно объяснить тем, насколько важной промысловой рыбой она является.

Анализ семантического поля «Рельеф» показал различие между имеющимися в науке орографическими терминами и названиями географических объектов в кильдинском саамском языке. Номинация географических объектов объясняется спецификой хозяйственной деятельности саамов: выделение дифференциальных семантических признаков «расти-

тельность», «лес» и «ягель» связано с необходимостью обозначения значимых географических реалий для выпаса оленей и охотничьего промысла.

Как показало исследование семантического поля «Вода», все характеристики водных объектов нашли отражение в лексике кильдинского саамского языка (размер, глубина, ширина, порожистость, илистость, место расположения, наличие растительности, обилие рыбы). В анализируемом материале представлена специфическая пространственная ориентация, связанная с особенностью рыболовного промысла. Номинацию в кильдинском саамском языке получили реалии, которые нуждаются в особом выделении для выживания в суровых северных условиях

Противопоставленность может быть основным принципом описания тезауруса языка. Представляется возможным предположить, что принцип противопоставленности может иметь место при построении тезауруса исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера. Такому расположению способствует сам языковой материал. Как нам кажется, принцип противопоставленности поможет выявить специфику языка, картину мира этноса и, как следствие, основу этнокультурной идентичности. Анализ семантических полей в кильдинском саамском языке в нашем исследовании строится на выделении типов оппозиций: эквиполентных, привативных, градуальных, что позволило выделить актуальные признаки номинаций: эквиполентные («дикий / домашний», «взрослый / детеныш» в семантическом поле «Северный олень»; «твердая / зрелая» в семантическом поле «Растения»; «морская рыба /озёрная рыба», «сырая рыба / свежепросольная рыба/соленая рыба/жареная рыба» в семантическом поле «Рыбы»; «самец / самка» в семантических полях «Северный олень» и «Рыбы»; «каменистый/песочный», «морской/речной/озерный/лесной/горный» в семантическом поле «Вода»); привативные («рогатый / безрогий», «способный к воспроизведению потомства/не способный к воспроизведению потомства», «ведущий стадо/не ведущий стадо» в семантическом поле «Северный олень»; «съедобный / несъедобный» в семантическом поле «Растения»; «во время нереста/после нереста», «свежий/несвежий», «богатый рыбой/без рыбы» в семантическом поле «Рыбы»; «глубокий / неглубокий (мелкий)», «широкий/неширокий (узкий)», «стоячий/проточный», «прилив/отлив», «бедный/богатый рыбой» в семантическом поле «Вода»); градуальные («меньшая степень признака/большая степень признака», «возраст», «масть» в семантическом поле «Северный олень»; «сухая/гнилая» в семантическом поле «Растения»; «окрас», «размер» в семантическом поле «Рыбы»; «река/речка» в семантическом поле «Вода»).

В семантическом поле «Рельеф» оппозиции (эквиполентные, привативные, градуальные) размыты в отличие от других семантических полей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантическое поле как эффективный путь представления лексико-семантической системы языка признается многими исследователями (см., например: [60; 165; 19]). Признаки, образующие семантическое поле, делятся на лингвистические (языковые) и экстралингвистические (понятия) [19, с. 93–94]. Понятия являются основой идеографических словарей (тезаурусов). Поэтому выявление связей слов-понятий [167] позволяет представить тезаурус данного языка.

В нашей работе тезаурусом мы называем словарь, где слова-понятия расположены иерархически. Обращение к системе понятий принципиально важно для лингвиста, разделяющего антропоцентрический подход к исследованию языка [151, с. 241].

При обращении к полевой методике отмечается специфическая структура поля (ядро/периферия). Кроме того, традиционно изучается лингвистическая (внутренняя) составляющая поля, изучаются отношения лексем внутри поля. По нашему мнению, для исследования языковой картины мира этого недостаточно. Интересны иерархические связи поля, которые определяются разделами «Человек – Природа».

Специфика тезауруса, и словаря вообще, миноритарных языков, каковым является саамский язык, выражается в том, что для этих языков не подходят классификации, разработанные для современных индоевропейских языков. В кильдинском саамском языке при представлении иерархии смыслов прослеживается антропоцентричность материала, поэтому мы определили следующую схему тезауруса: Природа – Человек.

Тезаурус является базой для концептосферы данного языка. По Д.С. Лихачеву, концептосфера – это совокупность потенций, которые открываются в словарном запасе отдельного человека и языка в целом. Концептосфера – это концентрат культуры, ее заместитель. Концептосфера языка постоянно обогащается, если есть развитая литературная традиция народа и его культурный опыт. Сокращение концептосферы происходит, когда пропадает/утрачивается культурная память [93].

Соотношение понятий языковая картина мира и концептосфера видится нам следующим образом: понятие концептосфера более антропоцентрично, чем понятие языковая картина мира. В понятии концептосфера актуализируется роль человека, тогда как в языковой картине мира – роль языка в осознании человеком мира. Концептосфера – это то, как воспринимается слово, а языковая картина мира – как членится мир благодаря словам. Понятия языковая картина мира и концептосфера взаимосвязаны: при анализе языковой картины мира мы исходим из языковой единицы, а в представлении концептосферы – из смысла/значения.

Языковая картина мира, как известно, часто сопоставляется с научной картиной. Сопоставляя языковую картину мира с научной, можно вы-

явить основные свойства обеих. Научная картина мира постоянно изменяется, бесконечно стремится к пределу познаваемости, к полноте. Языковая картина мира, напротив, в целом стабильна, ее цель – передавать из поколения в поколение упрощенное структурирование окружающего мира. Именно в этом и заключается познавательная роль языка. Овладевая им, ребенок овладевает донаучным представлением о мире. Этим знанием каждый носитель данного языка обладает на подсознательном уровне. Изучение научных представлений не оказывает на него воздействия. Так, несмотря на то, что мы понимаем всю абсурдность с биологической точки зрения выражения «волосы дыбом встали», мы все-таки его употребляем. Таким образом, по отношению к языковой картине мира можно говорить о двух противоположных свойствах: ее консервативности, с одной стороны, и о ее изменчивости, косвенно связанной с изменением научной картины мира и появлением новых реалий в языке, – с другой [82, с. 12–21]. Научная картина мира в общем и целом не зависит от особенностей языка того или иного народа, его менталитета, традиций. Однако нельзя отрицать и влияния языковых картин мира на научную картину мира, так как наука также пользуется каким-либо языком. Так, ученый, говоря о вкусовых ощущениях, наряду с такими словами, как sauer, bitter, süß, непосредственно описывающими вкусовые качества, употребляет слово salzig, изначально характеризующее не вкус, а содержание определенного вещества, в данном случае соли (пример Л. Вайсгербера [190, с. 262–263]). Но не только национальная языковая картина мира влияет на научную, существует и другая тенденция: научная картина мира оказывает воздействие на языковую. Так, многие научные понятия, например, «трехмерное пространство», «временная ось» и др., мы часто употребляем в нашей речи (подробнее см.: [171, с. 10]).

Сравнив статьи из энциклопедии о северном олене и состав лексем кильдинского саамского языка семантического поля «Северный олень», мы установили, что этот эксперимент не только демонстрирует соотношение между языковой и научной картиной мира (их несовпадение и/или пересечение), но и показывает причину такого несовпадения. Она видится прежде всего в том, что сознание носителя культуры и языка коренного малочисленного народа, который мыслит себя часть природы, построено на двух представлениях: себя в природе и природе для себя. С одной стороны, олень воспринимается как символ природы, с другой – природа дана, чтобы дать кров и пищу человеку.

Сохранение и систематизация знаний, воплощенных в саамском слове, – главная задача наших исследований в области кильдинского саамского языка. Представление современной социолингвистической ситуации доказывает необходимость документации языковых фактов с целью возрождения (ревитализации) этого исчезающего языка северного этноса. В связи с этим особое значение приобретает создание полной базы данных лексики

кильдинского саамского языка с описанием широкого культурологического фона. Проблема представления тезауруса исчезающего языка при этом не ограничивается описанием значения, грамматических и дистрибутивных признаков, этимологии слов, но требует описания фоновых знаний носителей языка, в котором аккумулируется многовековой опыт народа. В основе такого описания должен быть положен принцип значимости реалии в культуре данного народа. Вопросом для исследователя является и метод анализа материала. Традиционно используются компонентная, оппозитивная, комбинаторная методики. Наша гипотеза состоит в том, что проверить, насколько эффективной для составления тезауруса кильдинского саамского языка будет путь дистрибуции и ассоциативного эксперимента, а также учет народных толкований. В этом видится перспектива дальнейших исследований лексической системы кильдинского саамского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука для лопарей, живущихъ въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Архангельск: Типо-литография С.М. Павлова, 1895. 22 с.
2. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
3. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: КРАФТ+ИВ РАН, 2000. 224 с.
4. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 8–28.
5. Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения. М., 2014. С. 11–24.
6. Алпатов В.М. Русская латиница Н.Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 8–28.
7. Алфавит раздора // Информационное агентство «СеверПост.ru». 11.07.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://severpost.ru/read/43633/ (дата обращения: 17.09.2016).
8. Алымов В.К. Озерное рыболовство в Мурманском округе // Мурманское Общество Краеведения. Доклады и сообщения. Вып. II. Мурманск, 1928. С. 91–98.
9. Алымов В.К. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда кольской экспедиции. Л.: Изд-во Академии наук, 1930. С. 71–101.
10. Антология саамской литературы / [авт.-сост. Н.П. Большакова, В.Б. Бакула], вступ. ст. Н.П. Большакова. Мурманск: Опимах, 2012. 384 с.
11. Антонова А.А. Букварь для подготовительного класса саамских школ. Л.: «Просвещение», Ленинградское отделение, 1982. 128 с.
12. Антонова А.А. Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: Материалы международной научной конференции (г. Мурманск, 10–11 марта 2011 г.) / [сост., отв. ред. О.Н. Иванищева]; Мурманский государственный гуманитарный университет. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 43–51.
13. Антонова В.С. Язык и молодежь // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: Материалы международной научной конференции (г. Мурманск, 10–11 марта 2011 г.) / [сост., отв. ред. О.Н. Иванищева]; Мурманский государственный гуманитарный университет. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 111–113.

14. Афанасьева Н.Е. Саамско-русский разговорник. Мурманск: ООО «МИП-999», 2010. 51 с.
15. Балли Ш. Французская стилистика. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
16. Баранникова Л.И. Введение в языкознание: учебное пособие для филологических факультетов университетов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. 383 с.
17. Баранов О.С. Идеографический словарь. Вып. 1. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1990. 198 с.
18. Бармич М.Я. Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 148–299.
19. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2007. № 1. Т. 4. С. 93–96.
20. Беляев А.Н. К вопросу о древнеевропейских гидронимах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 28 (282). Филология. Искусствоведение. Вып. 70. С. 30–35.
21. Березовская Е.А. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера: Автореф. дисс. на звание канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 19 с.
22. Биккулова А.Ш. Аргументация за латинизацию тюркских письменностей СССР (из дискуссий о национально-языковой политике в 20-е гг.) // Язык и культура. Международная научно-практическая конференция. Красноярск, 2012. С. 81–86.
23. Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь: С приложением краткого очерка грамматики. Изд 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 216 с.
24. Бодрова О.А. Фольклорные сказки и предания кольских саамов в трудах российских исследователей XIX–XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (21). С. 89–108.
25. Большая советская энциклопедия: в 51 т. / [гл. ред. Б.А. Введенский]. Изд. 2-е. М.: Большая советская энциклопедия, 1949–1957. Т. 46: Фусе-Цуруга. 1957. 672 с.
26. Большой норвежско-русский словарь / [отв. ред. В. Берков]. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003. 1605 с.
27. Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1456 с.
28. Борина Л.С. Реформа графики в СССР в 1920–1930-х гг. как фактор формирования этнического самосознания тюркоязычных этносов Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 97–101.
29. Бурыкин А.А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. СПб., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 150–180.

30. Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 384 с.
31. Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. М.; Л.: Государственное учебное педагогическое издательство, 1934. 160 с.
32. Васильева А. Фальшивка на празднике, или Обман народа // Ловозерская правда. 2013. № 24.
33. Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. 95 с.
34. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
35. Ведомственная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера Мурманской области» на 2012–2016 годы, утвержденная приказом Комитета по взаимодействию с общественными объединениями и делам молодежи Мурманской области от 30.08.2011 (в редакции приказа Комитета от 21 марта 2013 г. № 78; с изменениями от 15.08.2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://mvpmk.gov-murman.ru/documents/programs/ (дата обращения: 14.09.2016).
36. Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно, СПб.: Саамский Институт, 1996. № 1. 106 с.
37. Волошина О.А. Создание алфавитов для бесписьменных народов // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. 2011. № 4. С. 29–34.
38. Воротников Ю.Л., Занегина Н.Н. «Русский идеографический словарь» и языковая картина мира. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://lexrus.ru/default.aspx?p=2913 (дата обращения: 15.09.2016).
39. Всероссийская перепись населения Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 21.09.2016).
40. Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 462–464.
41. Галкина Э.А., Шаршина Н.С., Максименко О.А., Ушакова Н.С., Данилова С.С., Медведева М.Г., Васильева А.В., Цмыкайло Т.Ф. Пути развития языков коренных малочисленных народов // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический альманах: Языки и культура кольских саами. № 2 (69). Мурманск: Книжное издательство, 2010. С. 35–44.
42. Годовой отчет Государственного комитета по охране окружающей среды Мурманской области. 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.murman.ru/ecology/comitet/report00/ (дата обращения 15.09.2016)

43. Головко Е.В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский: Пособие для учащихся начальных школ. СПб.: Просвещение, 1994. 320 с.
44. Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии / [под ред. Т.С. Зевахиной, Б.Ю. Городецкого]. М.: Прогресс, 1983. С. 103–116.
45. ГОСТ 17.8.1.01. Охрана природы. Ландшафты. Термины и определения. М.: ИПК Изд-во стандартов, 1987. 89 с.
46. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
47. Гурьян Н.В. О содержании разделов с ботанической лексикой древнекитайского словаря «Эръя» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). Ч. II. С. 58–63.
48. Дурылин С.Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^0, 1913. 119 с.
49. Дьячков В.М. Рассказы о миноритарных языках. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 156 с.
50. Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств. 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.echr-base.ru/language_Europ.jsp (дата обращения: 14.09.2016).
51. Жулев П.Н. Книга для чтения. Л.: Учпедгиз: Ленинградское отделение, 1934. 65 с.
52. Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование). Петрозаводск: Карелия, 1987. 201с.
53. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 13.09.2016).
54. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. 180 с.
55. Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция. М.: Издание государственного русского географического общества, 1927. 50 с.
56. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: дис. … докт. филолог. наук. СПб., 2005. 412 с.
57. Иванищева О.Н. Существует ли саамская этническая журналистика? // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.science-education.ru/118-14337 (дата обращения: 18.08.2014).
58. Иванова Н.Л. О гидронимической картине мира селькупов // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 17–20.
59. Казакова О.Н. Ландшафты Мурманской области // Природа и хозяйство Севера. Апатиты: Географическое общество СССР, 1971. Вып. 3. С. 8–12.

60. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
61. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.
62. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.
63. Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М.: Типография Александра Семена, 1860. IV. 495 с. Ч. II.
64. Керт Г.М. Саамский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: АН СССР,1966. С. 155–176.
65. Керт Г.М. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 110–115.
66. Керт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1971. 354 с.
67. Керт Г.М. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова // Ученые записки Тартусского университета. 1975. Вып. 344: Труды по финно-угроведению. 1. С. 159–166.
68. Керт Г.М. Саамский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 134–147.
69. Керт Г.М. Саамско-русские языковые контакты // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. С. 99–116.
70. Керт Г.М. Словарь лексики (компонентов) саамской топонимии Кольского полуострова // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 27: Секция уралистики. СПб., 2001. С. 19–27.
71. Керт Г.М. Саамский язык // Прибалтийско-финские народы России / [отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 49–57.
72. Керт Г.М. Саамский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3 т. Т. III С-Я. М.: Наука, 2005. С. 1–8.
73. Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический журнал. 2007. № 5(62): Культура саамского народа. С. 9–16.
74. Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.
75. Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Книжное издательство, 1987. 208 с.
76. Клаус В. Об алфавите и орфографии литературного языка кольских саамов // Советское финно-угроведение. XX. 1984. № 4. С. 274–281.

77. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка). Кн. 2: Н-Я, A-Z / [под общ. ред. Г.Н. Скляревской, Е.Ю. Ваулиной]. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 1040 с.
78. Кондрашкина Е.А. К вопросу о едином марийском литературном языке // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3 ч. Ч. I. С. 106–109.
79. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.09.2016)
80. Коренные малочисленные народы Севера в Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года / Федеральная служба государственной статистики / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2007. 60 с.
81. Корнева В.В. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 16–23.
82. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 341 с.
83. Костина Г.В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 175 с.
84. Кузьменко Ю.К., Рисслер М. К вопросу о твердых, мягких и полумягких согласных в кольском саамском // Acta Linguistica Petripolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. VIII. Ч. I. СПб., 2012. С. 21–42.
85. Куйдина Е.П. Ихтиологическая лексика Воронежских говоров: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
86. Куликова И.В. Оленеводческая лексика в современном чукотском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 183 с.
87. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
88. Куруч З.Д., Виноградова И.В., Яковлева Р.И. Саамско-русский словарь. Пособие для начальной школы. Мурманск; М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. 59 с.

89. Лаврентьева Т.В. Структурная организация концептуального поля оппозитивности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 20 с.
90. Ланковская Н. Событие местного масштаба // Ловозерская правда. 2013. № 28.
91. Лехтиранта Ю. К вопросу о создании письменности для кольских саамов // Советское финно-угроведение. 1986. № 1. С. 25–30.
92. Линдберг Г.У., Герд А.С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л.: Наука, 1972. 368 с.
93. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология [под общ. ред. В.П. Нерознака]. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
94. Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. М.: Наука, 1971. 167 с.
95. Лукъянченко Т.В. Саамы // Народы России: Энциклопедия. М.: Научное издательство Большая Российская Энциклопедия, 1994 [Электронный ресурс]. URL: http://portal.do.mrsu.ru/info/history/history/saami/ (дата обращения: 14.09.2016).
96. Львов В. Русская Лапландия и русские лопари. Географический и этнографический очерк. Изд. 3-е. М.: Типо-литография Русского товарищества печати и издательского дела, 1916. 96 с.
97. Магировская О.В. Антропоцентричность концептуальной организации языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2006. № 3. С. 53–56.
98. Мамаев П.И. Русская земля (Природа страны, население и его промыслы): сборник для народного чтения. Т. 1: Область Крайнего Севера / [сост. Я.И. Руднев]. СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1899. 398 с.
99. Мамышева Е.П. Проблемы национально-языкового строительства в Хакасии в 1920–30-е гг. в материалах архивов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3 ч. Ч. II. С. 125–128.
100. Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. Мурманск: Комитет Нового Алфавита, 1934. Вып. 1. 43 с.
101. Меданова Т. Жаркий юбилей // Ловозерская правда. 2013. № 23.
102. Меданова Т. Песенное творчество коми народа // Ловозерская правда. 2013. № 40.
103. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2005. 505 с.
104. Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Изд-во Московского университета, 1970. 71 с.

105. Мосин М.В. Создавать ли единые литературные языки для уральских народов? // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 76–82.
106. Мудрак О.А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
107. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 482 с. [Электронный ресурс]. URL: http://iling.spb.ru/vocabula/rng/fu_lexic_in_nw_dialects.pdf/ (дата обращения: 15.08.2016).
108. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Кн. 1. 2013. Мурманск, 2013. С.8.
109. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения. Т. 4. Кн. 2. 2013. Мурманск, 2013. С. 450–451.
110. Норманская Ю.В., Дыбо А.В. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М.: ТЕЗАУРУС, 2010. 364 с.
111. Олесова Н.Г. Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2006. 20 с.
112. Онина С.В. Лексико-семантические группы названий оленя // Урало-алтайские исследования. 2010. № 1(2). С. 67–78.
113. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса: автореф. дис. … докт. филол. наук. Челябинск, 2015. 56 с.
114. Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р) // Российская газета. 25.04.2006. № 86.
115. Постановление от 11 февраля 2009 года № 57-ПП «О Совете представителей коренных малочисленных народов Севера при Правительстве Мурманской области» (в ред. постановлений Правительства Мурманской области от 01.09.2009 № 413-ПП, от 15.03.2010 № 105-ПП, от 16.11.2010 № 510-ПП, с изм., внесенными постановлением Правительства Мурманской области от 14.03.2011 № 100-ПП, от 26.07.2013 № 416-ПП, от 17.07.2014 № 371-ПП, от 27.05.2015 № 203-ПП) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov-murman.ru/region/saami/convocation/ (дата обращения: 14.09.2016).
116. Потанина О.С. Способы языковой реализации абстрактных понятий в диалектах хантыйского языка (в сопоставлении с языками неродственных семей): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2006. 25 с.
117. Практическое пособие по составлению топографических карт / [авт.-сост. Н.Н. Любвин, А.Н. Спиридонов]. Вып. 3: Рельеф и его изображение на топографических картах. М.: РИО ВТС, 1953. 147 с.

118. Прикладное языкознание: учебник / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Г.Я. Мартыненко [и др.]; отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 527 с.
119. Природа Мурманской области. Рыбы [Электронный ресурс]. URL: http://barenz.ru/informatika/nature/index.php_id=20.html/ (дата обращения: 15.08.2016).
120. Природа России: география, климат, ресурсы [Электронный ресурс]. URL: http://rospriroda.ru/ (дата обращения: 10.09.2016).
121. Реки и озера Мурманской области: дайджест / МУК Севером. централиз. библ. система, Информ.-библиогр. отд; [сост. О.А. Авраменко]. Североморск, 2008. 44 с.
122. Розонов А.С. Лапландия и лапландцы. СПб.: Типография И. Усманова, 1903. 129 с.
123. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова [и др.]. М.: Наука, 1988. 216 с.
124. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2003. 608 с.
125. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) // [отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова]; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Институт русского языка, 2011. 1032 с.
126. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; [под общ. ред. Н.Ю. Шведовой]. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). 807 с.
127. Саамская литература: Материалы и исследования / [сост. В. Огрызко]. М.: Литературная Россия, 2010. 240 с.
128. Саамский язык для 2-го класса саамской школы / [авт.-сост. Р.Д. Куруч, Н.Е. Афанасьева, Е.И. Мечкина, А.Г. Хворостухина, Р.И. Яковлева]. Изд. 2-е. Мурманск, 1999. 96 с.
129. Садовникова И.И. Лексико-семантическая группа гидронимов эвенского языка // Европейский Союз Ученых. Филологические науки. 2015. № 10 (19). С. 123–124.
130. Самойлов К.И. Морской словарь: в 2 т. М.; Л.: Государственное военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941. Т. 2. 644 с.
131. Сашенкова Л. Взвился в небо флаг саамский // Ловозерская правда. 2013. № 5.
132. Сашенкова Л. «Чепесь самь» встречает друзей // Ловозерская правда. 2013. № 6.

133. Саяхова Л.Г. Языковая картина мира и проблема систематизация лексики в современной словарной форме // Liberal Arts in Russia. 2013. Vol. 2. № 4. С. 368–374.
134. Северное сияние. Саамский язык в картинках / [авт.-сост. Р.Д. Куруч, Н.Е. Афанасьева, Е.И. Мечкина, Р.И. Яковлева]; под ред. Р.Д. Куруч. Изд. 2-е, перераб., доп. Мурманск, 2009. 120 с.
135. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000. 278 с.
136. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; [под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского]. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.
137. Смирнов В. О саамской азбуке и азбучных истинах // Полярная правда. 16.06.1989.
138. Совместная программа «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». 22.06.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rus-eu-culture.ru/news/66. (дата обращения: 14.09.2016).
139. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
140. Сундуева Е.В. Архаическая ландшафтная лексика в языке «Сокровенного сказания монголов» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39 (177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. С. 140–143.
141. Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова (1926–1937)): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 30 с.
142. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
143. Терешкин С.Н. Йоканьгский диалект саамского языка: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2002. 145 с.
144. Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.) // Труды Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 1/12. Л.: Типография Коминтерна, 1932. 65 с.
145. Тимирханов В.Р. О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии // Liberal Arts in Russia. 2015. Vol. 4. № 2. С. 120–127.

146. Ткачев В. Фальшивка на празднике или оскорбление чувств? // Ловозерская правда. 2013. № 29.
147. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М.: АН СССР, 1962. 288 с.
148. Тростеруд Т. Роль языковой технологии в сохранении и ревитализации языка // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: Материалы международной научной конференции (г. Мурманск, 10–11 марта 2011 г.) / [сост., отв. ред. О.Н. Иванищева]; Мурманский государственный гуманитарный университет. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 4–12.
149. Усачева В.В. Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь. М.: Индрик, 2003. 352 с.
150. Устав Мурманской области. Принят Мурманской областной Думой 26 ноября 1997 г. (в посл. ред. от 27.05.2016 № 2007-01-ЗМО). 34 с.
151. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 238–249.
152. Ушаков И.Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1: Кольская земля. Мурманск: Книжное издательство, 1997. 647 с.
153. Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Книжное издательство, 2003. 336 с.
154. Флягина М.В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. филол. наук; [Рост. гос. ун-т]. М.: РГБ, 2005. 27 с.
155. Франция: Лингвострановедческий словарь / [под ред. Л.Г. Ведениной]. М.: «Интердиалект+», ИЧП «АМТ», 1997. 1040 с.
156. Халюков Ю.В. Лексика орловских рыбаков: Автореф. дисс. на звание канд. филол. наук. Орёл, 2008. 25 с.
157. Хамраева Ё.Н. Тематические словари как средство отображения реальной действительности // European Journal of Literature and Linguistics. 2015. № 2. С. 37–42.
158. Харузин Н.Н. Животные жарких стран. Л.: ОГИЗ-ДЕТГИЗ: Ленинградское отделение, 1935. 20 с.
159. Хелимский Е.А. Саамский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 154–160.
160. Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми: Университет Лапландии, 1998. 129 с.
161. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.
162. Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. 2010. № 2. С. 15–27.
163. Шеллер Э. Ревитализация кильдинского языка – неиспользованные ресурсы // Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и

культуры на Севере: Материалы международной научной конференции (г. Мурманск, 10–11 марта 2011 г.) / [сост., отв. ред. О.Н. Иванищева]; Мурманский государственный гуманитарный университет. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 38–47.
164. Шимчук Э.Г. Русская лексикография: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. 320 с.
165. Шишмарева Т.Е., Волков А.С. Идеографическое поле ландшафта по данным словаря «Эр'я» // Magister Dixit. 2011. № 2 (06). Июнь. С. 81–89.
166. Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. Изд. 14-е, стереотип. М.: Русский язык, 1993. 848 с.
167. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. Т. 1. С. 54–91.
168. Эндюковский А.Г. Саамский (лопарский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / [под ред. Г.Н. Прокофьева]. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 125–162.
169. Эндюковский А.Г. Саамский букварь. М.; Л.: Учпедгиз: Ленинградское отделение, 1937. 106 с.
170. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / [под ред. Ф. Барта]; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
171. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Изд-во «Гнозис», 1994. 344 с.
172. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 535 p.
173. Dictionary of Cultural Literacy / E.D. Hirsch [et al.]. Boston: Houghton Mifflin, 1988. 610 p.
174. Hartmann R.R.K., James G. Dictionary of lexicography. London; New York: Routledge, 1998.
175. Ivanisheva O.N. Saami Dictionary-Making: Preserving Finno-Ugric indigenous language of the Kola // Linguistica Uralica. 2016. № 1. Pp. 54–64.
176. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992. 1528 p.
177. Mosel U. Lexicography in endangered language communities. 2001. URL: http://www.linguistik.unikiel.de/sldr/stuff/CUP_Mosel_Lexicography 140809.pdf (дата обращения: 01.01.2016).
178. Rissler M. Grammatical borrowing in Kildin Saami // Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective / [ed. by Y. Matras, J. Sakel]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 229–244.

179. Rissler M., Wilbur J. Documenting the endangered Kola Saami languages // [Bull T. / Kusmenko J. (Hg)]: Språk og språkforhold i Sapmi. Berlin: Nordeuropa-Institut, 2007. S. 39–82.
180. Saam̧ Bukvaє / [кirjixine Saxkri Єerniakonin]. Moskva–Leningrat: Vєpedgiz, 1933. 70 p.
181. The Saami. A cultural Encyclopaedia / [ed. by U.-M. Kulonen, I. Seurujдrvi-Kari, R. Pulkkinen]. Vammala: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 498 s.
182. Sammallahti P. The Saami Languages. An Introduction. Karasjok: Davvi Girji, 1998. 268 p.
183. Sammallahti P., Hvorostuhina A. Удць Свмь соагкпэгка. Ohceojhka: Girjegiis, 1991. 94 s.
184. Sapmi. URL: http://volnorez.com/sapmi (дата обращения: 14.09.2016).
185. Scheller E. Kolasamiska i språkbyte eller språkbevarande? En sociolongvistisk studie av samernas språksituation i Ryssland. D-uppsats. Sami dutkan, Umeå universitet, 2004.
186. Scheller E. Samiska i Ryssland i planläggning av en sociolingvistisk utredning // [Bull T. / Kusmenko J. (Hg)]: Språk og språkforhold i Sapmi. Berlin: Nordeuropa-Institut, 2007. S. 173–200.
187. Sergejeva J. The Eastern Sami Languages and Language Preservation // Samiska i ett nytt årtusende. Köpenhamn, 2002. Pp. 103–116.
188. Siegl F., Rissler M. Uneven steps to literacy. The history of Dolgan, Forest Enets and Kola Saami literary languages // Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. Springer, 2015. Pp. 189–229.
189. UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger / [Moseley C. (ed.)]. 2010 // Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO. URL: http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html (дата обращения: 13.09.2016).
190. Weisgerber L. Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur. Düsseldorf, 1957.
191. Zgusta L. Manual of Lexicography. Mouton; The Hague; Paris, 1971.

Архивные материалы

МОА, фонд 194. Оп. 1. Ед. хран. 3, 8, 15
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 21
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 30
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 31
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 46
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 77
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 1. Л. 79
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 3
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 5
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 11
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 12
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–25об
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 53
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 2. Л. 93
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1об
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 3
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 14
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 16
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–18
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 22
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 42
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 42об
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 3. Л. 84
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 5. Л. 44
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 6. Л. 5
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 6. Л. 6
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 7. Л. 4
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 7. Л. 86
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 12. Л. 10
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 21. Л. 11
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 29. Л. 12
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 29. Л.35
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 30. Л. 30
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 39. Л. 5
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–6
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1об
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 2
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 4
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 45. Л. 4об
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 55. Л. 10

ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 55. Л. 11
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л.16а
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 36
ГАМО, Ф.Р.-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 37
ГАМО, Ф.Р-194. Оп. 1. Д. 57. Л. 59
ГАМО, РФ. П-2. Оп. 1. Д. 489. Л. 101
МОКМ 238/9
МОМ НВ 4123/8
МОМ НВ 4123/10
МОМ НВ 5190/4

Интернет-источники

http://lingvodoc.ispras.ru/

Сокращения

АН – Антонова А.А. Саамско-русский словарь. Мурманск: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2014. 376 с.

АФ – Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р.Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985. 568 с.

ГАМО – Государственный архив Мурманской области

ГП – Галкин Пётр Алексеевич (1928 г.р.)

ГС – Географический словарь Кольского полуострова: в 3 т. / Мурм. фил. геогр.-экон. науч.-исслед. ин-та Ленингр. ун-та. Л., 1939. Т. 1. 1939. 145 с.

ГТ – Галкина Татьяна Гавриловна (1936 г.р.)

ЗЕ – Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г.р.)

ЗН – Золотухина Надежда Анатольевна (1960 г.р.)

ИБ – Словарь лексики духовной культуры кольских саами / [авт.-сост. О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула]. Мурманск: МГГУ, 2013. 222 с.

ИЭ – Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / [авт-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт]. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.

ИМ – Зоонимикон кильдинского диалекста саамского языка: учебный культурологический словарь / [авт.-сост. О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина]. Мурманск: МГГУ, 2015. 108 с.

К – Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1986. 247 с.

К09 – Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.

ЛГ – Лукин Геннадий Петрович (1949 г.р.).

МОА – Мурманский областной архив

МОКМ – Мурманский областной краеведческий музей

МОМ – Мурманский областной музей

СОС – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т языка, лит. и истории; [сост. А.П. Баранцева и др.]; под общ. ред. Ю.С. Елисеева и Н.Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 343 с.

Ш – Шилов А.Л. Материалы к словарю прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М.: Издательский Центр «Наука, техника, образование», 2008. 44 с.

ЮА – Юрьева Анна Николаевна

IT – Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. 803 s.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 3

Глава 1. Социолингвистическая ситуация на Кольском Севере: положение кильдинского саамского языка..... 5
1.1 Общие положения..... 5
1.2 Число носителей кильдинского саамского языка..... 7
1.3 Языковое окружение..... 9
1.4 Современная языковая политика государства..... 11
1.5 Роль средств массовой информации..... 17
1.6 Выводы по главе..... 20

Глава 2. Саамская письменность и проблемы преподавания саамского языка..... 22
2.1 Общие положения..... 22
2.2 Специфика реализации государственной языковой политики на Кольском Севере в 1930-е годы 26
2.3 Специфика языковой ситуации с саамским языком на Кольском Севере в 1930-е годы 35
2.4 Современные проблемы преподавания саамского языка..... 43
2.5 Выводы по главе..... 50

Глава 3. Саамская лексикография..... 51
3.1 Общие положения..... 51
3.2 Проблемы составления словарей саамского языка..... 56
3.3 Феномен словаря исчезающего языка (на материале словаря кильдинского саамского языка)..... 62
3.4 Выводы по главе..... 69

Глава 4. Тезаурус кильдинского саамского языка..... 70
4.1 Общие положения..... 70
4.2 Семантическое поле «Северный олень»..... 84
4.3 Семантическое поле «Растения»..... 89
4.4 Семантическое поле «Рыбы»..... 93
4.5 Семантическое поле «Рельеф»..... 99
4.6 Семантическое поле «Вода»..... 105
4.7 Выводы по главе..... 113

Заключение..... 115

Литература..... 118

Иванищева Ольга Николаевна

СААМСКИЙ ЯЗЫК:
СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Монография

Подписано в печать 29.09.2016. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 8,4. Тираж 100 экз.
Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО) МАГУ
с готового оригинал-макета.

Мурманский арктический государственный университет.
183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15.